17

реальность фантастики

ФЕВРАЛЬ 2007

ФЕДОР ЧЕШКО
ВИКТОР НОЧКИН
АНТОН ПЕРВУШИН
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

ISSN 1728-8568
02

9 771728 856002

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «МОЙ КОМПЬЮТЕР»

Лариса Скишляк
Улитка (шкатулка для драгоценностей). Глина

Skaning, Djvuing Lykas

СОДЕРЖАНИЕ

№ 02 (42) ФЕВРАЛЬ 2007

1. От редакции / ПОРТАЛ В ЛИТЕРАТУРУ! 5

Проза

2. Геннадий Прашкевич / РУМЫН СДЕЛАЛ ОТКРЫТИЕ
«В начале был Каталог...» 7
3. Наталья Осояну / ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА
«В ослепительно синеющей дали — тонкая, как лезвие...» ... 67
4. Виктор Ночкин / НЕЛЮБОВЬ
«Ридрих идет по темной галерее...» 92
5. Андрей Белоглазов / ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ
«Хотите, я расскажу вам одну историю?..» 107
6. Юлия Сиромолот / АНЧУТКА
«Марина крикнула мужу из ванной, что ужин...» 119
7. Игорь Масленков / ЧУГУН-МЕТЕОРИТ
«Среди обитателей деревни Свинолуповки...» 129
8. Александр Дусман / КАЖДОМУ СВОЁ
«Длинный, извилистый коридор обрывался тупиком...» 137
9. Федор Чешко / НУ ТАК ЧЁ, БЛИН, ДОЧИРИКАЛИСЬ?
«Если бы Эдик Капибара не почувствовал, что...» 145
10. Юрий Гордиенко / ГОВОРЯТ
«А остальные говорят, что ничего этого не было и...» 152
11. Сергей Челяев / ГОСПОДИН АРАНЖИРОВЩИК
«В глубине редакционных апартаментов раздалось...» 159
12. Ляля Ангельчегова / ДИСПЕТЧЕРСКАЯ
«Скорая! Скорая! Скоооооорая!..» 164
13. Ина Голдин / САНТОЙА
«В семье Вальдано нет сыновей. В семье Вальдано...» 169

НФ-очерк

14. Ю.А. Лебедев / МЫ ВСЕ ХОТИМ ПОБЫВАТЬ НА ЛУНЕ... 173

Критика, публицистика, обзоры

15. Антон Первушин / 10 МИФОВ О СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ 181
16. Михаил Назаренко / ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВЕДОМЫХ НАМ ПОЛЕЙ 190
17. / РЕЦЕНЗИИ 203

Кинопортал

18. Лев Гурский / МЕЧЕНОСЦЫ В ПОТЕМКАХ 218

Новости Фэндома

19. / OPUS MIXTUM 223

Места, где Вы всегда можете приобрести журнал «Реальность фантастики»:

Киев

Книжный магазин «Сучасник», пр. Победы, 29 (метро «КПИ») – все номера

Книжный магазин «Сяйво» ул. Красноармейская 6

Киоски «Пресса», «Факты», торговые точки «CN-Столичные новости», книжный рынок «Петровка», книжный супермаркет «Буква», киоски и раскладки на ж/д вокзале.

Харьков

Газетный рынок, магазин «BOOKS».

Одесса

Киоски «Пресс-служба Одессы».

Крым

Киоски «Союзпечать» в г.г. Севастополь, Симферополь и др. городах Крыма.

Донецк

Киоски «Союзпечать», магазин «Мир прессы», ул.Горького, 59-а.

Львов

Киоски «Торгпресса», «Интерпресс».

Луганск

Магазины и киоски «Луганскпечать».

Полтава

Киоски Полтавского почтамта.

Мариуполь

Киоски «Союзпечать».

Сеть магазинов «Буква» по Украине, киоски и раскладки в разных городах.

Портал в литературу!

Осталось чуть больше двух месяцев до знаменательного события – международной фантастической ассамблеи «Портал», которая пройдет в Киеве с 19 по 22 апреля этого года. Рабочий девиз ассамблеи: **Фантастика в общелитературном контексте!**

Впервые к нам приедут такие популярные авторы, как **Дмитрий Быков, Джон Краули, Святослав Логинов**.

Конечно же, намечен и ряд интереснейших мероприятий, в том числе мастер-классы по темам: «НФ и жизнь (Вернем науку в НФ)» (мастер – **Павел Амнуэль**) и «На перекрестке жанров: фантастический детектив» (мастер – **Даниэль Клугер**).

Мастер-класс – это не конкурс, главное в нем – возможность пообщаться с мастером, приобрести новый опыт и повысить свое мастерство. Тем не менее, текст-победитель будет определен, награжден дипломом мастера и опубликован в «РФ». Редакция журнала не исключает возможности публикации и других произведений, поступивших на мастер-класс. Принимаются тексты объемом не более 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами), каждый автор может прислать до трех произведений. Это могут быть как рассказы, так и фрагменты повестей или романов, обладающие определенной завершенностью. К участию допускаются только тексты, не имеющие бумажной публикации. Произведения принимаются до 1 апреля. Присланные тексты не рецензируются.

От соискателей потребуется:

• личное присутствие на мастер-классе,

• ознакомление с текстами других участников мастер-класса.

За неделю до мастер-классов отобранные тексты будут выложены на сайте «РФ» и разосланы по электронным адресам будущих участников.

Вы должны быть готовы к обсуждению – в частности, к тому, чтобы высказать мнение о произведениях коллег.

Оргкомитет осуществляет отбор, исходя из соответствия текста тематике мастер-класса. Затем тексты пересылаются мастеру, и тот отбирает для дальнейшей работы столько, сколько сочтет нужным.

Тексты присылайте на адрес электронной почты: master@mycomp.com.ua

Впервые на «Портале» – **Литературная Семинария** (деканы – **Дмитрий Быков, Андрей Валентинов, Марина и Сергей Дяченко, Джон Краули, Святослав Логинов, Генри Лайон Олди, Анджей Сапковский**).

Семинария «Портала» – это свободный разговор о литературе, о принципах работы писателя, о его взаимоотношениях с агентами, издателями и читателями. Знаменитые писатели выскажут свои позиции, свое видение литературного процесса, ответят на вопросы участников и друг друга. Уникальный опыт для начинающих авторов!

Заявки на поступление в семинарию принимаются от участников «Портала» (регистрация на сайте interportal.info), имеющих, по крайней мере, одну публикацию. Просьба указать библиографические данные, поддающиеся проверке.

Обо всех мероприятиях ассамблеи «Портал» подробно будет сообщено в программе конвента.

Для своих авторов журнал «Реальность фантастики» предоставляет специальную скидку 20% от регистрационного взноса.

Дело за малым – приехать к нам и принять участие в работе ассамблеи!

Главный редактор — Ираклий Вахтангишвили

МУЗЫКА ФАНТАСТИКИ

Специальное предложение для читателей «РФ»!

Талантливый человек бывает талантлив в самых разных своих проявлениях. И писатели-фантасты здесь не исключение. Но до читателей доходят только книги, и мало кто знает, что Юлий Буркин, Владимир Васильев, Евгений Лукин и многие другие — еще и прекрасные музыкальные исполнители.

Мы предоставляем вам возможность познакомиться с новыми гранями таланта наших любимых авторов. Для этого достаточно отправить электронное письмо на адрес ***sbyt@mycomp.com.ua*** *с указанием ваших ФИО, индекса и адреса, названиями дисков из перечисленных ниже, и мы отправим их* ***наложенным платежом*** *(Внимание! Цены приведены без учета стоимости доставки). Если вам удобней пользоваться обычной почтой — наш адрес* ***03126, Киев-126, а/я 570/8****.*

Предлагаем вашему вниманию диски, предоставленные нашими харьковскими друзьями, авторами, членами нашей редколлегии и, конечно же, известнейшими писателями ***Дмитрием Громовым*** *и* ***Олегом Ладыженским (Г.Л. Олди)****.*

Серия аудио-CD «ТЕАТР Г. Л. ОЛДИ» (песни на стихи из книг)

Диск 1: «Я обещаю вам сады» — 11 грн.

Диск 2, 3 (двойной альбом): «Баллада двойников» — 19 грн.

Новинка! Диск 4: «Баллада судьбы» — 11 грн.

В диске 4 представлены песни на стихи из книг: «Мост над Океаном», «Я возьму сам», «Черный Баламут», «Песни Петера Сьлядека», «Маг в Законе», «Шмагия», «Шутиха», «Перекресток»

Семён Ладыженский «Последний месяц осени». Цена диска – 11 грн.

Прекрасный лирический «шансон» отца Олега Ладыженского. Все, кто бывал на «Звездном мосту», с удовольствием вспоминают встречи с этим удивительным человеком и его музыкой.

РОК-ОПЕРА НА СТИХИ ДМИТРИЯ ГРОМОВА! Цена — 19 грн.

Рок-опера «BROKEN CIRCLE» (на английском языке) по мотивам «сольного» рассказа Дмитрия ГРОМОВА «РАЗОРВАННЫЙ КРУГ» (авторское либретто, музыка харьковского композитора Алексея Горбова).

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

РУМЫН СДЕЛАЛ ОТКРЫТИЕ

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.
Борис Пастернак

«ФОАРТЕ МУЛТ, ЛА РЕВЕДЕРЕ...

1

ЗНАЧАЛЕ БЫЛ КАТАЛОГ.

Галактик. Б.А. Воронцова-Вельяминова.

И Каталог был у Архиповны. Она принесла его домой на временное хранение. Я полистал книгу. Сплошные таблицы и фотографии. Безмерные звездные облака, бесформенные звездные скопления. Мышиные хвосты огненных выбросов, спирали, причудливо раскрученные диски, сказочные вихри. То страшное чудище скалит светящиеся клыки, то сквозь космическую мглу мерцает на удивление одинокая звездочка.

Я обнял Архиповну:

«А вдруг они все разумны?»

Архиповна удивилась:

«Кто это — они?»

«Галактики... Вдруг они понимают Гамлета?»

«Оказывается, ты не только в постели бормочешь всякие такие милые бессмысленности!» — удивилась Архиповна.

«Бессмысленности?!»

Но обидеться я не успел.

Архиповна улетела в Австралию. А меня вызвал Роальд.

2

...чтобы получить правильные результаты, нам необходимо знать правду, понимаете?

— Разумеется, — соглашалась клиентка Сыскного бюро. — Вы же сами видите!

Мы видели белый костюм, широкие рукава с золотыми шевронами. *Мои волосы выглядят блестяще*. Все на клиентке было лучшего сорта. И загорелое плечо. И смуглое колено.

— Даже не знаю, как начать...

— А вы так и начните, — грубо подсказал Роальд. — С самого простого. Будто с подружкой делитесь.

— С подружкой? — глаза клиентки на мгновение затуманились.

— Ваши неприятности как-то связаны с подружкой? — наводил мосты Роальд.

— Ну, не все можно объяснить...

— А вы попробуйте.

— Ну, я вожу машину сама, — попробовала клиентка. — Водитель у меня есть, само собой, куда без водителя? Но я его держу на рабочем джипе. Понимаете? От него табаком несет. А у меня креативный подход к жизни. Сама пугаюсь. Придумаю авангардный гардероб или стрижку там, *make-up*, а через месяц все появляется в разделе тенденций журнала «*Vogue*». Я не раз замечала, — загадочно улыбнулась клиентка, — что стоит мне блеснуть, как в дальних углах вспыхивают ответы. Богемно-цыганский стиль, например, я начала носить позапрошлой зимой, а военные мундиры еще раньше. Знаете, я — Нострадамус от *fashion*-индустрии!– Чудесные груди клиентки нежно колыхнулись под тонкой тканью. — А утром на проспекте притерлась с левой стороны потрепанная иномарка...

— И что?

— Ну, знаете, есть такие хамы. Настоящий слабоумный, — поежилась клиентка. — Наверное, родился в поселке Овнище, а отец был военным, вот парень ничему и не научился. Зубки редкие, черные. На шее цепь фальшивая. И смотрел на меня... — Клиентке нелегко далось ужасное сравнение, но она справилась: ...как на курицу!

— Хамы они все говно.

— Ой, как вы правильно говорите! — обрадовалась клиентка словам Роальда. — Я вижу, вы — простой человек. — Неизвестно, что она имела в виду. — Только, знаете, у слабоумного под мышкой была кобура.

— Вы ничего не путаете?

— Знаю я эту мужскую упряжь! Пиджачок задрался, плохой у слабоумного был пиджачок, из магазина готовой одежды. Вот я и увидела. А он пальцем в меня ткнул. Дескать, пазл верни, курица!

— Пазл? Почему пазл? Что это?

— Ну, такая игрушка. Вроде составной мозаики.

— А зачем вы брали пазл у какого-то слабоумного?

— Вы что? Я его впервые видела. А он ткнул в меня грязным пальцем и назвал...

— Сучкой?

— Ну, почему так сразу? — покраснела клиентка.

— Но ведь как-то назвал. Наверное, по имени?

— У меня прозвище есть, — опять покраснела клиентка. — Но его знают только друзья, понимаете? Слабоумный никак не должен был знать его.

— А знал, — догадался Роальд. — И звучало оно...

3

В общем, дело обстояло так.

Лариса Осьмеркина, владелица процветающей строительной фирмы, к своим двадцати семи годам достигла многого. Машины, собственный сплоченный коллектив, огромный участок под загородным коттеджем, большая квартира в центре, еще одна в элитном доме в научном городке. Правда, муж превратил ее в художественную студию. «Знаете, — туманно пояснила Осьмеркина, — всякая лирика, шоу-бизнес, дебилы. Я в круг деятелей искусства не вхожу. Лёня считает, что такие, как я, разворовали родину, нанесли урон культуре, надругалась над отечественной историей, — щеки Осьмеркиной снова вспыхнули от стыда. Муж у меня свободная личность. Считает себя степняком. Пишет политические стихи. «*Придет пора и мир вздохнет от пагубных идей капитализма*». Когда придет такая пора, меня, понятно, повесят. Никакого снисхождения! Мой муж так считает. Еще он считает, что все демократы — подлецы, а все Лариски — бляди. — Она ослепительно улыбнулась. — Он весь набит предрассудками!»

— Если бы мы были бедными, — жалобно и нежно вздохнула Осьмеркина, — то жили бы у моря и питались только рыбой. — Наверное, она имела в виду Лазурный берег, а рыбу — семгу, все равно ее слова прозвучали как угроза. — Я от стрессов полнею. И никакой силы воли. С вечера составлю список продуктов, которые мне категорически нельзя есть, а утром заезжаю на рынок и закупаю все по списку. Вы салат-коктейль в апельсиновом желе пробовали? — Она обвела нас затуманившимся взглядом. — А лягушачьи лапки под сливочным соусом? А стерлядь, а блины из гречневой муки? Я ведь по папиной родне мещанка. Обывательница. Я не стыжусь этого. Вот приготовлю картофельное пюре, вложу в кондитерский мешочек, и в духовку — минуты на три. Haute-couture... — страстно выдохнула она.

— А с мужем отношения плохие, — догадался Роальд.

— Скорее, рутинные, — Осьмеркина вдруг выложила на стол цветную фотографию. Вот, посмотрите. В центре — это мой муж. Он всегда в центре. Его на край помести, он все равно окажется в центре. Такая загадка природы. Узкие глазки, и душа степняка, и волосы, видите, перехватил зеленой резинкой. Лысый козел слева от него — издатель. Волосатый справа — художник...

— А девушка?

— А это я! — Осьмеркина прижала к груди маленькие кулачки.

— Трудно поверить, — растерялся Роальд.

— Даже и не старайтесь.

— Как вас понимать?

— А так и понимайте! — вспыхнула Осьмеркина. — Это мы в этом году второго января фотографировались. На улице мороз, по радио гаммы. *В тихом сиянии и славе*. Понимаете? Я расслабилась, думала, побудем вдвоем, а тут этих козлов принесло, а с ними девка. Я же совсем беспомощная была — только что накрасила ногти, сушила. Девка блондинистая, стильная, коньяк жрала фужерами. По ней не скажешь, да? — понимания в глазах Роальда Осьмеркина не

нашла и снова покраснела. — Через неделю случайно вошла в Ленькин компьютер, а там фотография. Вот эта самая. Мы все вместе снимались, а меня на фотке нет, только эта сучка. Буду умирать, — злобно улыбнулась клиентка, — закажу у знаменитого художника поясной портрет. Чтобы все на мне сияло и переливалось. Бриллиантовое колье, алмазные подвески, платиновый браслет. Все на себя повешу, пусть Лёнька обыщется!

— А если найдет?

— Я что, дура? Нет у меня ничего такого!

И вдруг выпалила на одном дыхании:

— Мне постоянно нужен мужчина!

Мы с надеждой переглянулись.

— Я по папиной родне мещанка, — покраснела Осьмеркина. — В восьмом классе давала всем мальчикам просто из интереса, а в десятом встречалась со студентами по любви. Я так устроена, понимаете? Когда сильно и постоянно хочешь, возникают неправильные мысли. Правильно ли живешь? Правильно ли ведешь себя? Не проще ли пойти на речку и утопиться? Правда, подружка у меня... Не разлей вода... Мы с ней выросли... Ну... Знаете, такие вот куртизанки-партизанки...

Мы поняли так, что однажды подружка Катька сказала: «Все, Ларка, хватит себя сжигать! Мне на тебя смотреть страшно. Помнишь Аньку Петрову? Вот корова коровой, а мужиков меняет каждый день». — «Так она всегда была дурочка!» — горячо позавидовала Осьмеркина.

И стала Катька носить подружке нужные объявления.

«Симпатичный молодой человек подарит любовь привлекательной женщине без комплексов...»

«Крепкий сибиряк разделит долгие зимние ночи с интеллигентной и страстной женщиной...»

«Неординарный мужчина поделится с подругой откровенными взглядами на природу чувственной любви...»

Красивым волнующим голосом Катька вела с показавшимися клиентами тонкие задушевные беседы, затем передавала телефонные номера Ларисе. Поначалу нужные звонки давались с трудом. «Нет, не в ресторане! — щебетала Осьмеркина по телефону, помня инструкции куртизанки-партизанки. — Там шумно, там ни о чем путном не поговоришь!» Для «путных» разговоров Катька постоянно уступала подружке уютную двухкомнатную квартиру. Сама уезжала на дачу. Возвращаясь под утро, принимала ванну, голенькая, разморенная лезла в постель.

Жизнь казалась налаженной.

Жизнь казалась установившейся.

Но однажды после какой-то ссоры с дружком Катька появилась дома немного раньше, чем обычно. Можно сказать, появилась в самый что ни на есть сонный час. Ей хотелось выговориться, пореветь в голую грудь подружке. Знала, что к утру Осьмеркина мужиков обычно выгоняет, поэтому приняла ванну, умастила зареванное лицо питательными кремами и, всхлипывая, нырнула под простыню. А там вместо подружки оказался седой красавец. «*Уну*, — весело удивился он. — Что-то грудь у тебя стала больше! Не так?» — «А ты ее укуси», — почему-то охрипла Катька. — «*Уну... дои... треи...*» — сильные руки действовали ласково и умело. Только через пять минут обессиленная Катька пришла в себя. «Ты что делаешь в моей постели, козел?» Но седой красавец снова притянул Катьку к себе, и она сладостно задышала...

4

— Конечно, жалко, — покачала красивой головой клиентка. — Если бы не Катька, ничего бы и не было. У нас с этим козлом геометрия сходная. Мы идеально подходили друг другу. Вот только увлекался он всякой ерундой, как ребенок. — Она кивком указала на перевязанную шпагатом коробку, поставленную на стол. — Сядет над этой своей игрушкой и так может сидеть часами. Лицо светится. Приятно смотреть. Но лучше бы обнял, правда? — с надеждой посмотрела на нас Осмеркина. — А теперь куда-то исчез, и с Катькой я разругалась, и еще этот слабоумный.

— Как звали этого седого?

— Нику.

— Молдаванин?

— Не знаю. Я думала, он цыган. *Фоарте мулт*, он так всегда говорил. А прощался совсем красиво. *Ла реведере*. Слышали такое? Это по-цыгански?

Вопрос Роальд пропустил:

— Вы с ним поссорились?

— Да нет же. Он просто исчез. Всегда приходил, а однажды не пришел. Пазл остался в Катькиной квартире, а Нику исчез. Мне до сих пор такое снится, что порно смотреть не надо. Зато с Катькой не встречаюсь. Она для меня... ну, как бы это сказать... экологически не безупречна. Вот и принесла вам пазл. Отыщите Нику и отдайте игрушку, а то я слабоумных боюсь.

— Номер иномарки вы, конечно, не запомнили?

— Разве я похожа на дуру?

«ВСЕГО МИЛЕЙ ТЫ В ШЛЯПКЕ СТАРОЙ...

5

Когда Архиповна вошла в проект *CETI*, ее библиотека существенно изменилась.

Впрочем, *CETI* (*Communication extra-terrestrial Intelligence*) — так больше уже не пишут. Это раньше так писали: *Проблема связи с внеземным разумом*. Теперь

предпочитают более общее определение: *Проблема сканирования с высоким разрешением.* Раз в три года астрофизики, астрономы, биологи, химики, физики, врачи, генетики, социологи собираются вместе. Бюракан, Таллинн, Гринвич, Пасадена. А последнее место встречи — Паркс и Тидбинбилл. Паркс — лучшая радиоастрономическая обсерватория Австралии, а Тидбинбилл — Центр дальней космической связи НАСА. Считается, что первым признаком развитого разума является способность применять полученные им знания на практике. Мне лично Архиповна во многом отказывает. Когда перед самым ее отъездом я заметил, что какая-то другая разумная цивилизация совсем не обязательно будет посылать соседям что-то такое умное, ограничившись для начала, скажем, солнечными зайчиками, Архиповна даже не удивилась. «Бред Каллерман...» — начала она. Но я и без нее знал, что этот ученый австралиец на все имеет самое правильное мнение, поэтому спорить не стал. Просто тайком сунул в карманчик кофточки тысячу американских баксов. Валюту и сумчатые ценят.

Архиповна улетела, и мир погрузился в радиомолчание.

Я теперь вздрагивал от каждого звонка. «Знаешь, Кручинин, — мечтал услышать. — Знаешь, кого я очень сильно люблю?» Смех у Архиповны как музыка. «Наверное, хорошо поджаренного лобстера?» Как бы не догадаюсь, да? Вот тогда Архиповна и выдохнет: «Дурачо-о-ок!» Сладко выдохнет. Ведь ее волнует не стерлядь под икорным соусом, а великое молчание Космоса. Инесса из Торгового центра (отдел цветного стекла) намекала мне, что у Архиповны каменное сердце. А Лина из Института автоматики говорила еще проще: «Зачем тебе эта рыжая? Поехали в Белокуриху. Ты и я». Даже намекала на какое-то высшее знание: «...там под душем...»

Не знала, что Архиповна не дура.

Уезжая, она подкинула мне родителей.

6

— «*Дер гибен гагай клопс шмак*!»

Это можно было понять так, что Роальд названного клиенткой румына обязательно найдет. По всем статьям седой румын походил на опасного убийцу, за которым Роальд гонялся не первый год. Я потянулся к коробке, оставленной Осьмеркиной, но Роальд покачал головой:

— Это для Врача. Пазлом займется Врач.

Даже привокзальные грузчики держат Роальда за грубого человека. Несмотря на мои крупные денежные вложения в Сыскное бюро, он не подпускает меня к серьезным расследованиям. Вот и сейчас сказал:

— Двигай в «реанимацию».

— А что там?

— Там к тебе подойдут.

— Кто там ко мне подойдет?

— Хорь и Калиныч.

— Сразу оба?

— Сам увидишь.

Мобильник в моем кармане задергался. Настроенный на вибрацию, рвал сердце, напоминал об Архиповне, но звонила Лина. «*Играла музыка в саду таким невыразимым горем, свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду...*» Красивый голос. Зовущий голос. В Белокурихе такие чудесные номера... Не обязательно под душем, можно на подоконнике... Уши Роальда вдруг повернулись, как радары, но я оборвал беседу.

Космос молчит.

Архиповна молчит.

Ладно, пусть будут Хорь и Калиныч.

Жалко, конечно, что под такой многообещающей кликухой скрывается типичный неудачник. Даже кликуха двойная, с намеком. С одной стороны Калиныч, а с другой все же хорь. Везде стоит непруха. Полезет в чужой холодильник, а там его шваркнет электрическим током. Отсидит, выйдет честный, взломает замки в чужую квартиру, а там его скрутит аллергия на кошек. Отсидит, выйдет честный, женится на порядочной девушке, а у нее передок на люфту...

— Зачем нам такой?

— Говорят, этот тип ищет посредника.

— Посредника? — не поверил я. — Корейскую лапшу воровать?

— Да нет. Смотри в корень. Срочно кому-то понадобилось убрать ненужного человечка.

— А как я узнаю этого Хоря, тем более, Калиныча?

— Тебе не надо никого узнавать, — Роальд скептически усмехнулся. — Тебя самого узнают. Информацию о тебе Хорю и Калинычу уже подбросили. Для него ты всего лишь Шурка Воткин, спивающийся интеллигент. «Спасибо», «пожалуйста», и все такое прочее. Понял? Так и говори с ним. Никаких этих твоих хитростей. И держи в уме, что при случае Хорь и Калиныч может по башке дать. Пивной кружкой.

Он подумал и добавил:

— Как по силомеру.

7

Как это ни странно, первым в «реанимации» я увидел Ботаника.

Так Архиповна называет своего отца. Ботаник — с большой буквы.

Но Архиповна улетела, и весь вчерашний вечер мне пришлось провести как раз с Ботаником и его супругой. Оказалось, это довольно хлопотно. Сперва Архип Иванович с интересом рылся в Каталоге галактик, качал стриженой головой, потом увлекся анисовой водкой. Наталья Николаевна смотрела озабоченно. Сама отпила только чуть-чуть хересу. Они этот херес и эту анисовку привезли с собой. Выпив первую рюмочку, Архип Иванович ошпарил кипятком несколько головок репчатого лука, истолок его в ступке с чесноком, добавил соли и перца, и полученную массу, посыпав сухарями, быстренько зарумянил в мик-

роволновке. Оказалось, под анисовку ничего лучше не придумаешь. А еще Ботанику понравился отчет с последнего конгресса *CETI*. Особенно цветная вкладка — групповой портрет участников. Интеллигентные крупные самцы, милых женщин совсем немного. Наверное, милых женщин устраивает молчание Космоса. Архиповна стояла почти в центре — в красном коротеньком платьишке. Рядом астрофизик Троицкий, за ним астроном Новиков, физик Гладилин. Настоящие большие ученые — всем за семьдесят. А этот сумчатый, ну, Бред Каллерман, устроился за спиной Архиповны. Двухметровый, здоровенный. У меня сердце ноет, когда я вижу этот групповой портрет. Если Архиповна из какой-то дурацкой Австралии не может до меня дозвониться, то как мы — человечество — наладим связь с обитателями других галактик?

После третьей рюмочки анисовки Ботанику стало жарко. Он сбросил военный китель и снял с полки шахматную доску.

«Не играйте с`ним», — предупредила Николаевна.

Я подумал и в партии Ботанику отказал. Заодно сообщил ему и его супруге, что пару ближайших ночей проведу не дома. «Ой, — испугалась Наталья Николаевна. — У вас так много работы?» Скромная сотрудница Винницкой городской библиотеки, она в непрестанной борьбе за культуру давно растеряла признаки здравого разума. «А потом на два дня съезжу в бывший Дом колхозника, — добавил я. — Это на нашем искусственном море. Хочу подышать свежим воздухом».

Ботаник понимающе пожевал губами:

«У нас каждый четвертый был осведомителем».

Я промолчал. Не знаю, где такое могло происходить.

8

В «реанимации» Ботаника окружали интересные люди.

Один был в серой фетровой шляпе, в синем дешевом костюме, в роговых очках, при бороде, наверное, выпал из семидесятых годов прошлого века. Другого украшала черная рубашка и черные джинсы. До меня долетел обрывок анекдота. Афроамериканец (негров нынче нет), требует в баре белого сухого. «А вот карпа надо нарезать некрупно, обвалять его в муке, обжарить на растительном масле, — так ответил на анекдот Ботаник. — Отдельно ломтики лука. Отдельно красное вино». Сдержанно, умно ответил. Тот, что в черной рубашке, только вздохнул: «Вино подавать отдельно».

Обыкновенный интеллигентный разговор.

Заказав кружку пива, я со стороны пригляделся к своему будущему тестю.

Похоже, тремя рюмками анисовой он вчера не ограничился. На морщинистом лбу выступил блаженный пот. В мою сторону не смотрел, или не хотел смотреть. «Тут все дело в системе, — понятливо бормотал человек в серой фетровой шляпе. — Игра на бирже, дарвиновский отбор, различные модели экономической конкуренции...» — «Это точно, это всегда так, — блаженно соглашался Ботаник. — Сегодня навалишь в штаны, а завтра совершишь подвиг».

Ответ мне понравился.

Я помахал рукой, но будущий тесть меня не заметил.

У каждого места своя душа. У солнечных лесных полян — душа светлая, солнечная, у городских свалок — угрюмая, с душком, с гнильцой, с глубокими влажными тенями, у лесных омутов — тихая, смутная, с неясными силуэтами робких утопленников. Что же касается «реанимации», ее душа отдавала теплой мочой и живым пивом.

«Из последних математических моделей следует, что мы просто не могли не появиться в таком мире...»

Я мысленно поаплодировал человеку в фетровой шляпе.

Пить пиво, вести неторопливый разговор. Покончу с Хорем и Калинычем, обязательно примкну к компании. Так думая, я вынул из кармана проснувшийся мбильник. «Знаешь, что я сейчас наделала?» — счастливо спросила меня Инесса. Я предположил самое худшее, но она засмеялась: «Нееееееееееееееееееет... Я премию в бутике спустила...» — «Поздравляю!» — «Нет, ты не представляешь! — счастливо засмеялась Инесса. — Кислотные гольфики с отдельными пальчиками и чулочки в сеточку!..»

Потрепанное малорослое существо в сандалиях на босу ногу, в пыльных шароварах, в пыльном пиджаке возникло рядом:

— Привет тебе, человек!

Наверное, прилетел из другой галактики.

Дружелюбно протянул руку, ничего другого у него не было.

— Видишь, как я одет? — спросил. — Видишь, как мне гадко в этой пыльной одежде? Рассказать, как следует прожить жизнь, чтобы одеваться вот так, как я?

Не походил он на Хоря и Калиныча, но мантру свою тянул заученно:

— Я прожил большую поучительную жизнь. Я пропил двухкомнатную «хрущевку», выгнал на улицу беременную жену, двух детей отправил в детдом, сам мошенничал, потом в лечебнице споил лечащего врача...

— Эй! — крикнули со стороны киоска.

Существо в пыльном пиджаке мгновенно обернулось.

— Эй, чего стоишь? Давай в подсобку! Бочку разверни и ящики уложить надо!

Видимо, это было заманчивое предложение. Пыльный товарищ Эй бросился его выполнять.

9

«...при взаимном притяжении образуются кластеры, волновые коллапсы. И социальные революции вызываются притяжением сильных личностей».

Неподалеку от столика, за которым устроился Ботаник и его приятели, топтались у стойки еще два человека. Никаких припухлостей, морды здоровые. Пену с кружек сдували брезгливо.

— А мне — две!

Человек, вставший напротив, делал судорожные глотательные движения.

Этот человек жаждал. «Реанимация» была для него не просто информационным пространством. Он удрученно и быстро поводил удлиненной, как у гуся, головой. Великий немецкий поэт Гете считал, что человеческий череп развился из последнего шейного позвонка, так вот, по отношению к моему соседу теория казалась мне очень верной. Лоб высокий, но узкий. Глазки круглые. Узкие губы зарылись в мутную мягкую пену.

— Ну чё, Шурка, чё?

— А чё? А чё? — задергался я в ответ.

Так отвечать меня научил Роальд. Многому научил. А в карман сунул конверт, надписанный женским почерком — «*Шурке Воткину*». Я Архиповне тайком сунул тысячу баксов, а Роальд — конверт.

— Не помнишь меня?

Я замер от удивления.

— Я у тебя пять кусков занимал!

— Ну, так отдай, чего тянешь? — догадался я.

Теперь удивился Хорь и Калиныч:

— Ты чё, Шурка? Ты совсем того? — видно было, что такого дурака, как я, он давно не встречал. — Ты лучше пива еще потребуй!

Кривая грязная рука без стеснения залезла в мой пакетик с орешками. Выпученные глазки так и бегали. Круглые морды у стойки его не заинтересовали, компания Ботаника тоже, но вот на товарища Эй он несколько раз обернулся. Завершив в подсобке работу, товарищ Эй раскладывал на мятой газетке некую закусь. У них там, в другой галактике, понял я, пробку из бутылки обычно вышибает бритый татарин. Они такого возят в специальном отсеке фотонного звездолета.

— Ты чё, Шурка, бабками интересуешься?

Я неопределенно помычал.

— А фотки умеешь делать?

Я опять помычал.

— Без фоток нельзя. Без фоток нынче совсем нельзя, — Хорь и Калиныч, несомненно, считал, что я понимаю его тарабарщину. — Это так раньше было: стрельнул и жди, когда по телику объявят, что ты не промахнулся. — Он ясно видел, какой я дурак. — А нынче, Шурка, всех отстрелянных не покажешь, никакого времени на такое не хватит. Так что, ты фотку обязан принести. Настоящую цветную фотку, чтобы все как на ладони.

— Ага, я принесу, а ты с фоткой смоешься!

— Ты чё! Ты чё! — задергался Хорь с Калинычем. — У нас честно.

Он даже перекрестился. Он даже мысли такой некрасивой не допускал.

— Хочешь, вместе пойдем к заказчику? — врал, конечно, видел, какой я дурак. Кто это вместе ходит к заказчику? Все в нем пело от восхищения. Наверное, любил дураков. Беспрестанно дергался, урчал, сдувал с кружки мутную пену. Пена пузырилась в уголках узких губ.

— Принесешь фотку?

Я неопределенно пожал плечами.

— Мне тебя всяко рекомендовали. Сечешь? Хорошие люди. Завтра в это время...

— Что завтра? Что в это время?

— А придешь. Снова сюда. — Хорь и Калиныч ликовал. — Я тебе объект покажу. Тебе понравится. — Хорь и Калиныч просто не верил такой легкой удаче. — Я тебе такое покажу...

Подошла подавальщица и молча сунула мне бумажку, на которой значилось «*Семь сорок*».

— Это время? — посмотрел я на Хоря и Калиныча.

Подавальщица возмутилась:

— Сдача, алкаш!

— А почему не монетами?

— Мелких нет. В другой раз придешь, учтем, как монету.

Ну, ладно, решил я. Такая уж выдалась неделя. От Архиповны никаких вестей, родственники заняли квартиру, Инесса купила кислотные колготки с пальчиками. Я попытался представить, как она шевелит пальчиками, обтянутыми нежной тканью. Куртизанка-партизанка сдала какого-то румына, Хорь и Калиныч решил поговорить со мной. Кажется, ничего серьезного. Загляну в крапиву за киоском, сменю воду в аквариуме, заберу Ботаника и пойдем мы с ним пить анисовую. И пусть все проваливается в тартарары!

Туалетом «реанимацию» не оборудовали, конечно, зато крапива на пустыре вымахала по плечи. Седая, тучная, щедро политая, стояла в наклон. Под ногами поскрипывало бетонное крошево, стекло, сминались мерзкие белесые грибочки, от одного вида которых тошнило. Обрывки, окурки, плевки...

...и толстый-толстый слой шоколада.

Ударили меня сзади.
Бутылкой, чтобы не строил иллюзий.
Ноги сладко ослабли. Седые метелки метнулась к глазам.
Так оно всегда и бывает, когда по глупости теряешь бдительность.

«ХЛЮСТРА УПАЛА СТАРОМУ ГРАФУ НА ЛЫСИНУ...

10

Ночь пришлось провести у Роальда.
Голова болела, Роальд поносил меня.
А утром явился Врач с коробкой под мышкой.
Шишка на моей голове его нисколько не удивила.
«*Графиня хупалась в мирюзовой ванне, а злостный зирпич падал с карниза*».
Раньше я думал, что Леня Врач придумывает такие странные изречения сам, но, оказывается, так писали русские поэты серебряного века. Леня — настоящая

крейзовая личность. Не раз порывался уйти из Сыскного бюро, но Роальд умеет убеждать. «Вот пересажаем всех преступников — займешься наукой. Кто тебе будет платить за консультации столько, сколько плачу я? Плюнь на библиотеки. В библиотеках — ископаемые мысли. Набирайся живых».

Жил Врач в пригороде.

Каждый день на электричке.

В кармане Андре Жид или Жан Жене.

«...Через две минуты, когда Люсьен оказался в моих объятиях, уткнулся мне в шею, я схватил его за волосы, чтобы посмотреть ему в лицо, и увидел, что он плачет. За три минувших дня он дошел до предела отчаяния. И тогда в моей душе воцарился покой, оттого что я утешил Люсьена. Я гордился тем, что я — причина слез, источник радости и страданий этого малыша. По моей милости он становился неким драгоценным камнем, до блеска отполированным своими слезами и горем. Его отчаяние, а затем возвращение к жизни сделали его еще красивее. Его слезы, его рыдания у меня на груди свидетельствовали о моей мужественности. Я был его мужчиной».

Обычно к Врачу привязывались цыганки.

«Позолоти ручку! Ну, позолоти!» Врач отругивался, но сизые, как голуби, цыганки не отставали: «Позолоти! Задави жабу! Пруха попрет!» В конце концов, Леня золотил ручку и пруха перла. В автобусе умыкали у него кошелек с зарплатой, зато на остановке находил мятый червонец. Два здоровенных лба прижимали к глухой вокзальной стене, зато, побитый, успевал на свою электричку. Пьяная компания уже на пятом километре выбрасывала его из вагона, но томик Жана Жене не выпадал из кармана. *«...в самом деле, с тех пор как он узнал о моих ночных шалостях, Арман обращался со мной как с товарищем. Он разговаривал со мной, давал мне советы. Его презрение ушло, уступив место немного умильной материнской опеке. Он советовал, как мне лучше одеваться. Вечером, как только мы выкуривали по сигарете, он желал мне спокойной ночи и засыпал. Полюбив его, я приходил в отчаяние от того, что был не в силах доказать ему свою любовь».*

— *«Взнуздав бензиновых козлов».*

Врач разрезал шпагат, и я увидел пазл.

Ничего особенного. Плоская коробка. Тридцатник по диагонали, не больше.

Пластик? Поскреб ногтем. Не похоже... Металл? Тоже вряд ли, не похоже, даже не нагрелся ничуть... Свободное пространство между невысокими стенками залито каким-то полупрозрачным желе. Врач наклонил коробку, желе медленно отвисло темной, нежной, как бы сексуальной складочкой, но на стол не вылилось. А в бездонных глубинах прокатились какие-то нежные отсветы. *В тихом сиянии и славе*, как писал один хороший фантаст.

11

Поглаживая все еще ноющую голову, я раскрыл принесенную Врачом папку.

***Вопрос**: Он склонял вашу жену к половому акту?*

***Ответ**: Зачем? Просто душил. Удавку набросил и душил.*

***Вопрос**: А вы? Что вы делали в это время? Вы не хотели ей помочь?*

***Ответ**: Я отвернулся. Я думал, он не станет тянуть. Я думал, он быстро все сделает, он сам так говорил. А он все про эти собачьи свадьбы. Душит и спрашивает, душит и спрашивает.*

***Вопрос**: Собачьи свадьбы? Расскажите подробнее.*

***Ответ**: Да чего тут рассказывать? У родителей жены домик в деревне. Сейчас живут в Бердске, а был домик в деревне. Ее затопили морем, когда строили ГЭС, но деревенька известная. Там деревянные игрушки строгали. И почему-то, так говорят, я сам не знаю, у дома Стрельниковых всегда собирались собачьи свадьбы. Я-то что? Мне Ася сама рассказывала. Я думал, все быстро кончится, а он ее душит и одно повторяет: «Подвалы в деревне землей не заваливали?» А чего их заваливать, если деревня ушла на дно моря! Кричу: «Кончай ее!» А он то придавит, то отпустит, то придавит, то отпустит...*

Врач особого интереса к папке не проявил.

Папку он принес мне. Роальд любил подбрасывать нам такие материалы.

В самых тупых мозгах, утверждал Роальд, может проснуться нечто вроде прозрения. Прислал Врачу пазл, а мне папку.

Вообще-то пазл — это мозаика.

Такая неприхотливая детская игрушка.

Чаще всего картонный лист, расчерченный линиями, или пластмассовая рамка, которую надо изнутри заполнить цветными детальками. Если ты выложил детальки в правильном порядке, в отведенном для того пространстве появится горная панорама или оранжевая полосатая тигрица, или цветок, или лицо клоуна. Неважно что, главное — появится. В этом смысле пазл румына выглядел несколько необычно. Коробка, заполненная полупрозрачным непроливающимся желе. Каток для лилипутов. Замерзающее осеннее озеро. При самом легком надавливании в бездонной глубине пазла начинали полыхать нежные отсветы. *В тихом сиянии и славе* высвечивались смутные силуэты... То ли мышиные хвостики... То ли хитрые мордочки...

12

Я вернулся к папке.

Банальная, в сущности, история.

Два года назад в Октябрьском районе Новосибирска пропала парикмахерша.

По имени Ася Стрельникова, уроженка деревни Антоновка, молоденькая, двадцать пять лет. Закончила курсы, считалась мастером, но зарабатывала немного. Муж — инженер обанкротившегося завода — торговал на черном рынке ворованными радиодеталями. Там сблизился с некоей Юлей Ключниковой.

***Вопрос**: Расскажите о ваших отношениях.*

***Ответ**: Я же говорю, я полюбил. Я сразу полюбил Юлю. Она особенная, я ее полюбил!* (На цветной фотографии — миленькая девушка. Колени, бедра, грудь — все нежно, все гладко, все, как у людей, только глазки гадючьи.) *На нее смотреть можно бесконечно, с ума сходил от нее.*

***Вопрос**: Это она подсказала вам способ избавиться от жены?*

***Ответ**: Нет, что вы! Как вы можете думать! Она, наоборот, даже подавать на развод запрещала. Так и говорила: ты, дурачок, подашь на развод, вот все нажитое и достанется курице.*

***Вопрос**: Под словом курица гражданка Ключникова подразумевала вашу жену?*

***Ответ**: Ну да. Кого еще? Мы же с женой фактически не жили. Юля права была, не надо нам торопиться. Предупреждала: разведешься — все этой курице достанется. И квартира, и машина, и стиральная машина. Что это все парикмахерша заработала?*

***Вопрос**: Вы торговали ворованными радиодеталями?*

***Ответ**: На них же не написано, что они ворованные. Кто скажет, что ворованное, а что нет? Мне всякое предлагали, я у проверенных людей брал. Сейчас везде много неучтенного товара...*

Я осторожно провел пальцем по поверхности желе.

Кольнуло острым холодком, как электрическим током. В таинственной глубине полыхнуло далекое зарево. Чудовищные пространства осветили вспышки невидимой сухой грозы. Все демократы — подлецы, вспомнил я, а все Лариски — бляди. В чудовищных глубинах пазла таяли дальние отсветы. «Если бы мы были бедными...»

— Смотри.

Врач кулаком ударил по загадочному желе.

Я вздрогнул. Но ни всплеска, ни брызг. Ничего!

Врач засмеялся. Было видно, он доволен. Он раньше всех своих сверстников осознал, что мифов и чудес в природе больше, чем совершенных законов. Значит, решил, заниматься надо отчаявшимися душами. Лечил алкашей, они уходили от него со скорбными лицами, но пить уже никогда не пили. Лечил психов, эти уже ни с кем не делились откровениями Врача. А однажды явилась к нему зареванная толстушка с глупыми овечкиными глазами. Она была убеждена, что ее презирают. Не ошибалась, в общем. Бомжи, соседи, мальчишки и девчонки, герои труда, президент РФ — все считали, что она глупая и тупая, смотреть на нее противно.

«Это точно!» — подтвердил Врач.

И ноги у нее коротенькие и толстые.

«А то! — еще больше обрадовался Врач. — Отрадно, что ты это понимаешь!»

И тут же постарался выяснить, кто больше всех достает толстушку. Мальчишки и девчонки? Ничего удивительного. Завидуют острому спрятанному уму. Учителя? А чего от них ожидать? Не умеют дозваться до души...

«Наверное, романтическими книжками зачитываешься? Про любовь, про даму с собачкой?»

«Ой, это там, где про метелку с хундиком?»

«Вот именно, — кивнул Врач. Считай, есть у тебя шанс!»

«Только один?»

«А тебе больше и не надо. Тебе сколько? Шестнадцать стукнуло? Ну, на шестнадцать и Эйнштейн клюнет. Хочешь получить весь мир?»

«В руки?»

«В руки».

«В мои?»

«В твои!»

«Хочу!» — загорелась толстушка и отерла заплаканные глаза.

«Тогда начни прямо сейчас, — сказал Врач. — Не теряй ни минуты. Для начала переспи с классным руководителем, пусть у него крыша поедет. Культура — это умение жить. Запомни. Стопроцентно овладей культурой жизни. Разврати директора школы, сведи с ума одноклассников, пусть знают, что только с такой дурой, как ты, можно чувствовать себя суперменом. Подари каждому столько свободы, сколько в него влезет. Пусть все вокруг тебя придут в возбуждение. Пусть решат, что именно коротенькие толстые ножки являются символом истинной свободы. Выброси из сердца сочувствие, закрой глаза на слезы подруг и приятельниц, они свое уже откусали!»

Методы Врача оказались действенными.

Толстушка (единственная из класса) попала в университет.

Все ее одноклассники рассеялись по мелким профессиональным училищам и по отдаленным воинским частям, а одноклассницы неудачно повыскакивали замуж, потому что боялись, что кудрявая дура и здесь их обойдет.

Года через два в приемной Врача появилась эффектная блондинка.

«Эта овца меня достала», — ласково укорила она Врача, имея в виду его ассистентку.

«Ты всех теперь держишь за овец?» — обрадовался Врач.

«Ну что ты! Есть еще дятлы. Есть лоси, олени».

Невооруженным взглядом было видно, что блондинка многого достигла.

Принцип теперь у нее был такой: никаких принципов. Страстные и влиятельные мужчины, временные искусственные спутники, скажем так, постоянно вращались вокруг. Из-за нее стрелялся член-корреспондент Российской Академии наук, правда, успел поспособствовать ее переводу в Сорбонну. Из-за нее уехал в США известный академик, надеясь, что она последует за ним. «Я лечу сильными средствами! — так объяснял свои подвиги Врач. — Наркологи мира обеспокоены тем, что богатые рок-музыканты постоянно сидят на игле, а меня больше заботит спивающийся в Линево ансамбль балалаечников. Если ко мне приходит человек с головной болью, я не тяну, я сразу говорю: «Кранты тебе, старичок! Рак у тебя. Приехали». Головную боль как рукой снимает. А если приходит хромой и жалуется, что правая нога у него короче, я

указываю: «Зато левая длиннее!» А если приходит закснченный неудачник и начинает ныть, что в жизни у него ничего не осталось, кроме паршивой общаги, дырявых грязных носков и полного отсутствия перспектив, я говорю: «Ошибаешься! Мир открыт. Вон омут на реке! А вон намыленная веревка! А вон большой банк на центральной площади! Понятно, ограбив банк, попадешь в тюрьму. Но это сразу снимет с тебя заботы по выживанию. В тихой камере можно написать толстую спокойную книгу. Подружиться с камерным пауком, много размышлять. Свести счеты с друзьями и врагами, вылить на общество скопившуюся желчь. И чем несправедливей ты будешь поносить общество, тем внимательнее к тебе будут прислушиваться».

14

На вид 23-24 года...
Рост средний, глаза голубые.
Расклешенное демисезонное пальто...

Розыскные афишки еще трепало холодным осенним ветром, а Стрельников уже привел в дом Юлю.

«*Сырная баба в кружевах*».

Бывший инженер был счастлив.

А Ася... Ну, исчезла, не появляется... Ну, мало ли что могло случиться?.. Может, сама сбежала. Ведь не раз открыто угрожала: сбегу! Одна только Алевтина Николаевна, Асина мать, не оставляла поисков. Прокуратура. Следователи. Сыскные бюро (там Алевтина Николаевна познакомилась с Роальдом). Была даже у известной гадалки. Горбатая старуха неприязненно предупредила: «В зеркало не гляди, на меня не гляди, по сторонам не гляди, глаз не поднимай», и вывернула на серебряное блюдо влажную кофейную гущу.

«Найдешь дочку, — бормотала. — Крещеная кровь не пропадает...»

Сердце Алевтины Николаевны дрогнуло.

«Проселок вижу... Березки...»

15

«В ночь со вторника на среду румынское телевидение показало в записи суд над Николае и Еленой Чаушеску...»

Я покосился на Врача.

Лист «Известий» от 28 декабря 1989 года попал в дело Аси Стрельниковой явно случайно.

Николае и Елена Чаушеску входят в комнату, где находятся солдат и врач.

Врач, обращаясь к Николае Чаушеску: «Сейчас я измерю ваше артериальное давление». Измеряет давление: «Шестьдесят... семьдесят... Где?..» Вопрос оборван. На полях газеты красная галочка.

***Н. Чаушеску**: «...Я не признаю вашего трибунала, не признаю насилия. Я признаю только Великое национальное собрание. То, что тут происходит, это государственный переворот!»*

***Обвинитель**: «Замолчите! Мы вас судим согласно Конституции страны. Не вам давать нам уроки.* (Опять тот же скрытый голос: «*Где?..*» И красная галочка на полях газеты.) — *Мы прекрасно знаем, что нам надо делать, мы прекрасно знакомы с нашими законами».*

***Н. Чаушеску**: «Я не буду отвечать».*

***Обвинитель** (В камеру): «...У обвиняемого и у его жены были шикарные туалеты, они устраивали ослепительные приемы, у них было все, чего они желали, а несчастный румынский народ имел только двести граммов дешевой колбасы в день, — и чтобы даже их получить, необходимо было предъявлять удостоверение личности...* (Все тот же голос за кадром: «*Где?..*» И снова красная галочка на полях газеты.) — *Господа представители правосудия, господин председатель, уважаемый трибунал, мы судим здесь Николае и Елену Чаушеску, которые совершили действия, несовместимые с правами человека. За преступления, которые они совершили, я требую для них смертной казни».*

***Обвинитель**: «...Обвиняемый Николае Чаушеску, встаньте».*

(Голос человека за кадром: «*Где?..*» На полях газеты красная галочка.)

***Н. Чаушеску**: «...Я буду держать ответ только перед Великим национальным собранием, я не признаю ваших обвинений. Я буду отвечать только перед Великим собранием».*

***Обвинитель**: «...Вы знаете положение в стране. У нас не хватает медикаментов, продовольствия, электричества. В домах нет отопления.* (Голос за кадром: «*Где...*» Красная галочка.) -- *Кто отдал приказ совершить геноцид в Тимишоаре?* (Молчание) *Обвиняемый, вы отказываетесь отвечать?* (Голос за кадром: «*Где...*») — *Кто отдал приказ стрелять в Бухаресте? Откуда эти оголтелые фанатики, что до сих пор стреляют в народ?»*

***Н. Чаушеску**: «Я не буду вам отвечать».*

***Обвинитель**: «...На сегодняшний день в разных городах насчитывается более шестидесяти четырех тысяч невинных жертв. Вы слышите? Многие люди покинули страну, государственные фонды разворованы.* (Голос человека за кадром: «*Где?..*») *Кто позвал в Бухарест наемников?»*

17

— Зачем в деле Стрельниковой лежат эти газетные вырезки?

Врач не ответил. Он застыл над пазлом. Ничто его не интересовало.

— Послушай, Леня, — сказал я, потирая голову. — У меня в последнее время жизнь течет неправильно. Меня бьют бутылкой в «реанимации». Мне Архипов-

на не звонит. А через пару часов мне опять в «реанимацию». Так что, отвечай, зачем в этой папке лежат газетные вырезки?

— Разве судьба Кондукатора не стоит внимания? — рассеянно ответил Врач.

— Почему ты называешь Чаушеску Кондукатором?

— А почему Гитлера называли фюрером?

18

...Мокрой глубокой осенью, узнал я, читая листы допросов, когда поиски Аси Стрельниковой окончательно зашли в тупик, Алевтине Николаевне позвонили. Она в это время жила в Новосибирске у знакомой. Хрипловатый женский голос назвал ее по имени и отчеству. И сходу заявил: «Мне деньги срочно нужны».

«А кому они не нужны?»

«Мне *срочно* нужны. *Двести тысяч*».

«*Двести*? — растерялась Алевтина Николаевна. — *Тысяч*?»

«Ну да. *Двести*. И прямо на этой неделе!»

Алевтину Николаевну как обожгло:

«Откуда у меня такие деньги?»

«А вы дом продайте».

«Зачем?»

«Сейчас недвижимость в цене, — хрипловато подсказала незнакомка. Чувствовалось, что ей не терпится. Чувствовалось, что ею лично обсуждаемый вопрос хорошо обдуман. — Зачем одинокой старухе отдельный дом? Правда? — Она даже повысила голос. — В конце недели... Я позвоню, когда... В конце недели встретимся на железнодорожном вокзале... Денег нет? Займите. Знакомые есть. Потом продадите дом, рассчитаетесь. А мне деньги сейчас нужны, я тянуть не буду... Подойдет «Сибиряк», я вас найду в толпе на перроне. Не вздумайте хитрить. Если что, я отопрусь. Мне поверят».

В общем, все было понятно.

Алевтина Николаевна догадалась позвонить Роальду.

Он-то и взял с поличным родную сестру Юли Ключниковой.

Имя Света. Возраст цветущий. Средства на жизнь — нетрадиционными способами.

А сестру Света любила. Так любила, что, впервые увидев Асю, жену инженера, ужаснулась: какой дурак этот Стрельников! Юлиной любви добился, Юля — красавица, а он все еще живет, прости Господи, с мымрой, с парикмахершей!

И привела к сестре человека, способного решить проблему.

Человек оказался седой, смуглый. С порога спросил: «*Кат коста?*»

Акцент и манеры седого сладко заводили сестер. Вовремя отпускал нужное слово, давал советы, уходя, ласково целовал: «*Ла реведере*». Лапал Свету, незаметно лапал сестру. Вел себя непринужденно, ну, и понятно, интересовался *курицей*.

— Да чего о ней! Дура как дура! — счастливо смеялся бывший инженер Стрельников. Чуял свое близкое освобождение. — Как выросла в деревне, так и

осталась деревней. У них там мужики только картошку сажали. Больше ничего. Резали деревянные игрушки, мозаики всякие, пазлы. Даже огурцы не сажали, считали, что они вредны для здоровья. Ведь все, кто раньше ел огурцы, все давно умерли! — счастливо смеялся Стрельников. — Прямо деревня дураков, не зря ее затопили. А перед Аськиным домом, говорят, все псы по весне сбивались...

— Чуяли сучку, — лукаво вворачивала Света.

— *О кямэ!* — смеялся седой. — Не ели огурцов! Как попадают теперь в эту деревню?

— Да как попадают, просто! Камень к ногам, и в воду!

— *Ну вэ ынцелег*, — смеялся румын. — Зачем камень?

— Да говорю же, затопили деревню, когда ставили плотину ГЭС, — задыхался от предчувствия свободы бывший инженер. — Теперь мать *курицы* живет в Завьялово. Село такое.

— А его почему не затопили?

— Высоко стоит.

— *Курица* там бывает?

— Ну да, — томился предчувствиями Стрельников.

— Тогда позвони мне, — весело подмигнул усатый. — Как соберется в село, так позвони. Особенно, если сам ее повезешь. Я на выезде выйду к машине. Как бы попутчик. *Ун сферт де орэ!* Нам полчаса хватит...

19

***Обвинитель**: «...Какие причины мешают вам отвечать?»*

***Н. Чаушеску**: «...Вы заговорщики. Я буду отвечать только перед Великим национальным собранием, перед великим рабочим классом. Я признаю только рабочий класс и Великое национальное собрание. Зачинщикам государственного переворота я ни на какие вопросы отвечать не буду. Это вы, а не я, пригласили наемников. Никто не признает вашу власть».*

***Обвинитель**: «...А ты знаешь, что ты смещен? Так же, как и она (указывает на Елену Чаушеску). Вы смещены со всех должностей в государстве и правительстве».*

(Все тот же неизвестный голос за кадром: *«Где?..»*)

***Н. Чаушеску**: «...Я — президент Румынии и верховный главнокомандующий. Я простой гражданин».*

***Обвинитель**: «...Так простой гражданин или президент?»*

(Голос за кадром: *«Где?..»* Красная галочка.)

20

Тайная светлая мечта бывшего инженера сбылась.

Седой румын проголосовал на дороге и весело устроился на заднем сиденье.

Рассказывал анекдоты. Наклонялся вперед, дышал луком на Асю. Деревянной расчесочкой приглаживал свою шелковую седую шевелюру. *«Цум се спуне.* Правда, в деревне выросла?» Ася не сильно любила свою затонувшую деревню,

да и помнила ее слабо, потому отвечала коротко. Ну да, там и выросла. Ну да, и корзины плела, и мозаику резала. Почему нет? Детские игры всегда востребованы. Один дед в деревне придумывал такие сложные и интересные узоры, что все просто дивились. Сердце у Аси болело. Она поглядывала на мужа, почему он не оборвет наглого попутчика?

Свернули на проселок.

«Это мы куда?»

Вместо ответа румын накинул на шею Аси удавку.

Стрельников потом признавался: «Я, Юлька, чуть не обмарался. Я правду говорю. Не думал, что он такой отчаянный. Думал, *курицу* вытащит на полянку, бросит в траву, а он удавкой...

«А ты? А ты?»

«Ну, я что? Я выскочил из машины. А он совсем озверел. То придавит, то отпустит. То придавит, то отпустит. И орет на нее: «Подвалы-то в деревне землей не заваливали?» Чего это он, а? Я ему: «Кончай давай, вдруг кто свернет сюда». А он то придавит, то отпустит...

Показывая, как сильно доверяет любимой, повез Юлю к месту, где бросили труп.

Там гнилое болотце, сухостой — мертвый березняк. Все выглядело как указывала Алевтине Николаевне горбатая гадалка. «Принеси бензин», — строго приказала Юля. На допросе она мотивировала этот свой поступок тем, что не хотела, чтобы тело *курицы* досталось зверям. Когда Стрельников, пыхтя, приволок канистру, так же строго приказала: «Лей!»

Но старуха гадалка оказалась права. Крещеная кровь, она никогда не пропадает.

Может, все бы и осталось в тайне, кто знает, но Светке-дуре вдруг захотелось больших денег. Это она позвонила Алевтине Николаевне, надеясь на ее старость и слабость. Правда, ошиблась. Алевтина Николаевна связалась с Роальдом. В итоге бывший инженер схлопотал целых четырнадцать лет, его сожительнице дали девять, а Светке — три. Жалко исполнителя не нашли. «*Папася, мамася!*»

«ЦУМ ВА НУМИТИ? СОТ ИЭ?..

21

Я позвонил домой.

«Он умер! Он умер!» — как чайка застонала Наталья Николаевна.

Меня обдало холодком. Неделя не удалась. Архиповна молчит, на Осьмеркину наезжает слабоумный, Роальд держит меня на архивной работе. И Ботаник, оказывается, не ограничился тремя рюмками анисовой. Он даже пивом не ограничился. Как ушел из дома, так и нет его. Даже не ночевал. А у него ранения, контузии. «Ваш товарищ звонил, — стонала в телефон Наталья Николаевна. — Он говорит, что Архип Борисович уже в реанимации».

Я не стал объяснять, что такое «реанимация».

Все равно не поймет. У нее муж запойный, дочка уехала к сумчатым.

Даже не удивился, когда в собственной прихожей неизвестный кобель одним махом распустил мне джинсы от кармана до колена. Парчушники эти американцы, покупать следует отечественную джинсу. Вмазал кобелю по шершавому носу, загнал его под старый столик в прихожей, но на одежном шкафу тоже что-то угрожающе зашипело, а из угла по-звериному пахнуло теплой мочой и чем-то квашеным. Никогда ничего такого в моем доме не было. Под плетеным креслом мелко тряслась от страха тварь, круглая, как арбуз. Кривые ножки, свиной пятачок, обросший чудовищными пейсами, снежная мерлушка по всему телу, но живот голый.

— Чего она трясется, как холодец?

— Ты напугал ее! Это ты напугал ее!

Я осторожно приоткрыл одежный шкаф:

— Наталья Николаевна, откуда кошки?

— Так гибнут же, — стонала Наталья Николаевна. — Во дворах их бьют. А им, видишь, нравится на чистом?

Впрочем, кошкам нравилось не только на чистом.

Им нравилось на скатерти, на ковре, на моем новом костюме.

За какие-то сутки в моей квартире собрались все бродячие твари.

Тощие, длинные, они бродили по квартире, как тени каких-то необыкновенных духов. А Наталья Николаевна оплакивала своего Ботаника. Он контуженный. Он раненый не раз. У него случаются провалы в памяти. Он бывал на войнах, о которых никто не слышал. Отмечен Благодарственными письмами нескольких правительств. Работал с известными заграничными коллегами. Видел, как ученые с мировыми именами даже беспозвоночных обучали вполне осмысленным действиям. У них дождевые черви поддавались тренировке, больше того, они простейших заставляли всплывать по сигналу в стеклянном капилляре.

А теперь он умер, он умер!

Но Ботаник не умер, даже не собирался умирать.

У твоего будущего родственника, сообщил Роальд, когда я до него дозвонился, куча приятелей в местном ФСБ. Представляешь? Опытный старикан, поздравляю с будущим родственником! Будет тебе у кого поучиться. А пересажаем всех преступников, таких вот хорошо проявивших себя стариков повезем на Гавайи. Так что, успокой Наталью Николаевну. Ботаника пасут в известном тебе месте. Бывшие коллеги. Пойдешь толковать со своим приятелем, — намекнул Роальд на Хоря и Калиныча, — сделай милость, уведи старика домой.

Я положил трубку, но запищал в кармане мобильник. Руки Натальи Николаевны снова трагически взметнулись над головой: «Он умер! Он умер!»

Но Ботаник все еще не умер.

Это Инесса звонила. «У твоей дуры каменное сердце, а совсем одна...

Не знала, дурочка, что на левой груди Архиповны есть крошечное тату: лиловый цветочек...

22

В «реанимации» было шумно.

За ближайшим к стойке столиком Ботаник сдувал пену с кружки.

В глаза Архипа Борисовича суетливо заглядывал чернявый мужичонка.

«Четыре человека! В одночасье! — тараторил он. — Сперва привезли отца семейства. Потом старшего сына. Врач, понятно, удивился, что же это такое надо пить? Старший сын намек понял. Говорит врачу: мы — абстиненты. А тот спрашивает: много вас таких? Ответа никакого. Все в коме. Тут, правда, среднего привезли. Он, прежде чем помереть, все молол про какие-то башмаки. Будто бы совсем новые башмаки. Пришлось выезжать на предполагаемое место происшествия. На кухне сразу наткнулись на неполную трехлитровую банку спирта, разведенного на клюкве. Заподозрили неладное. Поставили следственный эксперимент. Вроде никому плохо не стало, но в кладовой обнаружили двадцатилитровую флягу с брагой. Серьезный вещдок. По нему у сержанта с милицейским капитаном даже вышел спор. Сержант утверждал, что брага никак не должна фигурировать в следственном деле, очень уж она высокого качества, а милицейский капитан категорически требовал перевезти опасный продукт из кладовой в линейное отделение...

Ботаник блаженно слушал.

— Архип Борисович!

— *Цум ва нумити?*

Я обалдел. Ответа на румынском не ждал.

— Архип Борисович, а домой не пора?

— *Сот иэ?* — не понимал он.

Чернявый мужичонка взвился:

— Отвали, алкаш! Отвали, блин, пристал к человеку!

23

Я отвалил.

Хоть подавальщица признала меня, признала вчерашнюю расписку.

— Ты вчера еле вылез из крапивы, — покачала головой. — Ты так не пей. Или доливаешь что в пиво?

— Да нет, просто веду активный образ жизни.

Она поняла. Да и Хорь с Калинычем подошел к столику.

Я сразу затосковал. Какое мне дело до Хоря и Калиныча? Почему все самое чудесное всегда происходит в Австралии? Почему мне досталось бутылкой по голове, а Бред Каллерман обнимает Архиповну? Я так скрипнул зубами, что Хорь и Калиныч отшатнулся.

— Ну ты злой, Шурка!

Я не ответил. Он закашлялся.

Почему, черт возьми, я занимаюсь сыскным делом, а не пишу книги, как было раньше? Почему будущий родственник, родом из Винницы, говорит по-ру-

мынски? Раньше что у нас румынского было? Ну, кроссовки «Ромика», ботинки «Инсулейт», автомобиль «Дачия», футбольная команда «Стяуа», блокбастер «Даки». Еще Надя Команечи на брусьях. А теперь...

— Твою мать! Кашель замучил.

— А ты стаканчик слабительного хватани.

— Ну ты злой, Шурка! — Хорь и Калиныч сдул пену с мутных краев кружки и стрельнул косоватыми глазками. — Говорят, тебя вчера обчистили?

— Кто это говорит?

— Народ, — ответил он неопределенно.

— А тебе-то что до того? Ты к народу отношения не имеешь.

— Ну да, не имею, — обиделся Хорь и Калиныч, задергал, как гусь, головой. — Самое прямое имею. Смотри, что мне передали...

И выложил на стол знакомый конверт.

Женский почерк. «*Шурке Воткину*». Врет, конечно, что передали. Но бил не он, я мог в этом поклясться. Не он.

— Принесешь фотку?

— А когда надо?

— В субботу. Прямо в субботу.

— В субботу не получится.

— Последний срок — в понедельник. Но это последний срок.

— Ну, предположим... Ну в понедельник... А с бабками как?..

— Принесешь фотку, получишь бабки.

От важности происходящего он надулся, переступил сразу всеми своими хромыми ножками. Я ему нравился. Давно не встречал таких дураков.

24

Впрочем, и Роальд удивился:

— Хорь и Калиныч вернул конверт?

— Ну да. Тот самый. Только теперь он не пустой.

— А что в нем?

— Кажется, фотография.

— Тогда жми ко мне. Конверт не вскрывай.

Приказ есть приказ. Такая уж выдалась неделя. Архиповна не звонит. Хорь и Калиныч требует фотку. По городу ездит слабоумный с кобурой под мышкой. Будущий тесть не узнает меня. Врача заклинило на детскую игрушку.

В этих размышлениях я еле успел отскочить в сторону.

Синий «жигуленок» тут же с визгом вынесло на бетонный бордюр.

— Спятил? — заорал я.

Но выглянула стильная блондинка:

— Ой! — засмеялась. — Я вас чуть не задавила.

Нашла чем хвастать! Но, если честно, стильные блондинки мне нравятся. Динамика жестов, умоляющие взгляды, противоречивая улыбка. Не хочешь, а

поверишь. В блондинках много ценного. Если такую обнять, Архиповна позвонит моментально.

— Вы поможете мне?

— Вызвать гаишников?

— Нет, на девятый этаж подняться.

Все с той же улыбкой она кивнула в сторону высотного дома.

— Там лифт, наверное, не работает...

— Ну что вы! Дом элитный.

— Ну, поднимусь, предположим...

— Позвоните в шестьдесят вторую квартиру.

— Звонок-то уж точно не работает?

— Ну что вы!

— Может, вместе поднимемся?

— Нет, вместе нельзя, — доверительно сказала блондинка. Поняла, что я думаю об уютных лестничных площадках, где можно передохнуть, скажем, поднимаясь не на лифте, а по лестнице. — Я вас подожду в машине. — Для пущей убедительности она постучала ладошкой по рулю. — Дверь вам откроет мужчина...

— И что дальше?

Я поверить не мог, что поддаюсь на такие идиотские уговоры.

— Дверь вам откроет мужчина и вы скажете...

— Что я ему скажу?

— *Она здесь...*

— Всего два слова?

— Всего два слова...

— А если он бутылкой по голове!

— Ну что вы! Это воспитанный человек! Творческий!

Пальцы длинные, горячие. Мне нравятся такие пальцы — длинные, горячие. Она подождет в машине. Это хорошо, что Архиповна в Австралии. Еще лучше отправить бы ее на Южный полюс — и далеко, и Бред Каллерман не достанет. У меня вдруг разыгралось воображение. Элитный дом. Воспитанный, творческий человек. А на самом деле падла несусветная. Примат-доцент. Жил и работал раньше в Прибалтике, а стильная блондинка у него училась. Всему плохому. Но хорошо. Все эти консультации, беседы на дому, эти пальцы горячие, длинные. («Где здесь роддом?» — «Хотите заняться сексом?») Когда бедняжка родила, примат-доцент, понятно, струхнул. Обычная банальная история. Но ломать творческую карьеру примат-доценту не хотелось, пустился в бега — в сторону Сибири. А стеснительная блондинка решила наказать примат-доцента. Сразу и за себя, и за всех других его учениц. Оставила ребенка подруге, на черном рынке приобрела ствол. *«Сейчас на рынках много неучтенного товара»*. В стильной сумочке, валяющейся на правом сиденье, у нее наверняка браунинг. Сейчас поднимусь на девятый этаж, позвоню в элитную шестьдесят вторую квартиру, скажу: *она здесь!* — и примат-доцент все поймет. Он все поймет сра-

зу. Обреченно расставляя ноги, начнет спускаться по лестнице. И потянется за ним след от собственных нечистот...

25

Я позвонил.

Ждать пришлось недолго.

В нешироком проеме, определенном прочной стальной цепочкой, сверкнули мутные глаза, ударила в лицо волна перегара. Коньяк. Неплохой. Длинные волосы схвачены зеленой резинкой. Гадать нечего: муж Ларисы Осьмеркиной! Видимо, эту вот квартиру он и превратил в художественную студию. «*Всякая лирика, шоу-бизнес, дебилы. Я в круг деятелей искусства не вхожу*, — щеки Осьмеркиной горели от стыда. — *Все демократы — подлецы, все Лариски — бляди!*» Так муж у нее считал. А блондинку, ожидающую в машине, я тоже вспомнил. На улице трещал мороз, по радио играли гаммы, куртизанка-партизанка хотела расслабиться, но именно в тот момент подвалили пьяные козлы, а с ними стильная блондинка. «*Буду умирать, закажу у знаменитого художника свой поясной портрет. Бриллиантовое колье. Алмазные подвески. Платиновый браслет. Пусть подергается...*»

Я невольно понизил голос:

— *Она здесь!*

Думал, что Осьмеркин подпрыгнет от ужаса, заорет, начнет ломиться ко мне, но он только удивился:

— *Здесь?*

Повторил, наклонив голову:

— *Она?*

Ничего я не стал объяснять.

— Подождите, — крикнул поэт мне вслед, но теперь уже я повторил:

— *Здесь она...*

Дверь лифта за мной закрылась.

Пальцы длинные, горячие. Поворот головы, улыбка. В стильных блондинках много шарма. Другое дело, что синего «жигуленка» на проспекте не оказалось. Со стильными блондинками всегда так. Трогаешь — они дергаются. Не трогаешь — дергаются еще сильнее. Но обманывают всегда.

«ХОРЕ, ХОРЕ СТАРОМУ...»

26

В салоне теплохода мы заняли столик под квадратным окном.

Раму подняли, салон продувало. В нежной голубоватой дымке таял берег. Соседи рядом раскладывали закуску, звякали стаканы. А Врач разочаровал меня: выставил на столик пазл.

— Что у тебя должно получиться?

Он пожал плечами.

— Как можно заниматься вещами, о которых не имеешь никакого представления?

На этот раз он и плечами не пожал. Сквозь квадратное окошко падали солнечные лучи, освещали столик, пазл, пускали по салону зайчиков. Судно непоколебимо вспахивало воду, переборки подрагивали от работы машин. Ритмические ровные колебания, солнечные зайчики должны были подрагивать на потолке и на стенах так же ритмично. Но вот странность... Они и секунды не могли постоять на месте... То сбегались в одну точку, то, как вспугнутые, без всякой на то причины, стремительно разбрызгивались по всему салону, разрисовывая стены и потолок причудливыми солнечными лишаями.

Надо было Инессу взять.

В Доме колхозника она была бы на месте.

У нее кислотные гольфики с отдельными пальчиками.

Архиповна все равно не звонит. Надо выправить заграничные паспорта и отправить Наталью Николаевну и Архипа Борисовича к сумчатым. Бред Каллерман будет здорово поражен, увидев на пороге Ботаника, говорящего по-румынски. Или Осьмеркину надо было взять. Она нуждается в помощи. Ведь в конверте, переданном мне Хорем и Калинычем, лежала ее фотография. Наверное, она много чего не договаривала Роальду. «Я мещанка по папиной родне». Может быть. Но с каких пор мещанок стали заказывать профессиональным киллерам?

Ладно. Бреду Каллерману везет.

А про Воронцова-Вельяминова Архиповна рассказывала такое: будто он еще студентом знал наизусть Каталог галактик Шарля Месье. Для нас: дважды два — четыре, а для него: *M 42* — туманность Ориона. Для нас: пятью пять — двадцать пять, а для него: *M 51* — Крабовидная. Для нас: семью девять — шестьдесят три, а для него: *C 45* — скопление Плеяд. И все такое прочее. «*Эта трубка не простая а отнюдь клистирная*». Правильно говорит Врач.

— Зачем ты потащил с собой эту игрушку?

Разумнее было спросить, зачем Роальд разрешил Врачу взять с собой чужую игрушку, но я спросил так, как спросилось. «*Смутно вращая инфернальным умом*». Меня интересовало, что же все-таки может появиться в загадочной глубине пазла? Ведь если нажимать пальцами в разных местах... может, существует определенная система... в глубинах желе начинает что-то меняться... Там проплывают смутные силуэты... Как клубы звездного дыма... Или мышиные хвосты... Все как бы плывет, плывет, но сохраняет определенную форму... Кажется, что-то такое я уже видел...

— Где? — не поверил Врач.

— В Каталоге галактик...

«*Он так испугался, что даже не пискнул*».

Я был доволен. Ну да, в Каталоге галактик Воронцова-Вельяминова.

Врач, спасая лицо, сделал вид, что имя Воронцова-Вельяминова ему незнакомо, но меня это не смутило. «Человек описал более двух тысяч галактик, а ты о нем ничего не знаешь?»

Он не ответил.

Зеленые берега тянулись за бортом.

В бывшем Доме колхозника тихо. Там сосновый бор, дятлы.

«У нас каждый четвертый был осведомителем», — вспомнил я Ботаника.

Там небо в звездах. Разбрызганы Большим взрывом. «Галактики, — сказал я Врачу, — бывают разные. — Я видел, что он злится. Терпеть не мог, когда его принимали за дурака. — Например, крабовидные... — Согнув пальцы, я показал Врачу, как такое выглядит. — Дисковидные... — кивнул на перевернутую тарелочку соседей. — Вихревые, спиральные... Но самые интересные, — добил я Врача, — это те, о которых астрофизики стараются не говорить. Не хотят выносить сор из избы. Нечего им сказать... *Нетипичные галактики.* Слышал о таких?.. Например, *М 51.* Грандиозная раскрученная конструкция со светящимся придатком на конце одной из спиралей. По физическим законам такого просто не может существовать, не могут такие конструкции долго оставаться стабильными... А вот Воронцов-Вельяминов, — ухмыльнулся я, — описал сто шестьдесят таких вот космических образований... Сто шестьдесят! Доходит? Спирали, диски, шары, а к ним, как клещи, прицеплены хвосты, необозримые отростки, звездные мосты. Вон, посмотри в свой пазл... Там тоже будто мышки обнюхиваются...»

Врач понял меня по-своему:

— Тебе Архиповна не звонит?

Я не обиделся.

Он не мог меня понять.

Ему только казалось, что он меня понимает.

Архиповне такое тоже только казалось. В постели, видите ли, бормочу всякие бессмысленности... Конечно, Врачу на мое бормотание в постели наплевать, но интеллектуального преимущества он терпеть не мог. Сказал голосом нежней, чем голубиный пух под мышкою:

— А ты знаешь, что Вальтер Бааде однажды поспорил с Рудольфом Минковски... — имена ученых Врач произносил с видимым наслаждением, надеялся, что я о них никогда ничего не слышал. — Звезды в тесных шаровых скоплениях никогда не сталкиваются, утверждал Бааде, так велики расстояния между ними. А вот межзвездный газ — это другое дело. Облака межзвездного газа столь колоссальны, что не могут не сталкиваться. Доказательства в эмиссионных линиях спектра галактик.

— Выиграл, конечно, Бааде?

— Ну да. Но Минковски зря отдал ему виски.

— Что? В итоге прав оказался он? Бааде вернул должок?

— Не успел.

— Смошенничал?
— Умер!

«ЭТО ШЕСТВУЮТ ТВОРЯНЕ...»

27

Разбудили нас голоса.

Я решил, что это Степаныч очнулся.

Сойдя утром с теплохода, мы никакой разумной жизни в окрестностях не обнаружили. Покосившаяся поскотина на опушке. Сероватый лишайник на жердях. Белый песок под соснами. У заброшенной кухни — пирамида угля, прямо какой-то ужасный закопченный Египет. А хозяин бывшего Дома колхозника был пьян. Так пьян, что мы не рискнули его будить. В неуютной спаленке (она же и столовая) пахло пылью и плесенью. Торчало из глиняного горшка бледноватое дерево-ректификат, так мы решили по запаху. Несколько любительских натюрмортов на бревенчатых стенах: битые тетерева, фазаны, рябчики. Цветущая картошка выглядела бы в этих стенах уместнее. А Степаныч («Он совсем не пьет! — утверждал Врач. — Это у него просто приступ!») лежал ничком на клеенчатом диване чуть ли не хрущевских времен.

На полу под рукой — опорожненная бутылка.

Ладно. Проспится. Мешать Степанычу мы не стали.

А домик выбрали ближе к берегу. С кухонькой, и с верандой. И с пейзажиком на веранде: «*Жуки улетели*». Выгрузили продукты. Врач выставил из рюкзака пазл. Солнце наблюдало за нами сквозь дымку. Лес... Море... Запах перестоявших грибов... Невесомые стеклянные стрекозы трепетали в воздухе...

Перекусив, мы упали на спальники.

28

— Эй, евреи!

Из-за рассохшихся перил веранды на нас смотрел слабоумный.

Я обрадовался. Осьмеркина нисколько не ошиблась. Наивные выпученные глаза, косые бачки, запущенная щетина. Осьмеркина хорошо запомнила каждую деталь: почерневшая цепь на шее, рубашку в горошек. Человека с такими глазами не убедишь в том, что Ахилл никогда не догонит черепаху. Тем более что у покосившейся, поросшей лишайниками поскотины стояли еще двое. Побитая иномарка упиралась бампером в покосившийся телеграфный столб, правая фара высыпалась. Нормальные мужики. Курили, поглядывали в нашу сторону. Еще один тип вразвалочку шагал к дому Степаныча.

— Чего тебе?

— Нам бы веток сухих.

— Ну, иди, собирай, — разрешил Врач.

И ободрил:

— «*Со скоростью, превосходящей все последние изобретения*».

Слабоумный перекрестился. Он не совсем понял Врача. А я не совсем понял, почему номера упиравшейся в поскотину иномарки повторяют те, что запомнились Осьмеркиной. *77-79! «Тойёта королла»*.

— Эй, евреи!

— Чего тебе?

— Нам бы веток.

— На кухне газ есть.

— Он пахнет, — слабоумный показал грязный палец.

— «*Эти апотропические ручки!*» — восхитился Врач. — Кручинин, я тебе рассказывал об Арнольде?

Непонятно, чего он развеселился.

Ну, был у него приятель, еврей лютый.

Я никак не мог осознать, что изменилось в мире. Подъехали отдыхающие, так надо полагать. А Степаныч пьян, встретить некому. А приятель Врача шел с работы и увидел толпу возле городского кинотеатра. Это местные патриоты вышли на борьбу с жидами и масонами. На трибуне — толстые бабы с топорами в руках, у микрофона — лидер. Маленький, горбатый, кашляет. Вот продали святую Русь! А приятель Врача ноль внимания на все это, поднялся на трибуну и выхватил у лидера микрофон. «Люди добрые! Знаю я, как примирить вас с евреями!» Бабы аж побледнели от таких слов, прижали к грудям тяжелые топоры, а горбатенький лидер закашлялся: «Если ты о гафниевой бомбе, русскоязычный, то есть у нас такая! Есть, ты не сомневайся!» — «Знаю, знаю, как вам помочь. Знаю, что надо сделать, чтобы примирить вас!» — тянул свое приятель Врача. И громко провозгласил: «Возлюбите евреев!» От таких слов самая грудастая баба, самая толстая баба в расшитом крестиком сарафане уронила топор и заплакала от ненависти и беспомощности.

— Ты это чего? — растерялся слабоумный.

И крикнул, не оборачиваясь:

— Рубик!

— Чего тебе?

— Они не хочут.

— Чего они не хочут?

— Сухие ветки таскать.

— Ну, так скажи им, что я сказал.

— Я им говорю, а они все равно не хочут.

— Тогда сам таскай! — невежливо отозвался Рубик.

Слабоумный обиженно заморгал. Но я ему не сочувствовал.

Как раз в этот момент вечернее солнце спряталось за сосны, село в море, сладостно зашипев, и я увидел еще одного человека. Он сидел немного в стороне перед старым кострищем. Раскладывая ветки, обламывая сучки, блаженно улыбался. А левой рукой отгонял вьющуюся перед ним бабочку.

Ботаник.

29

— Эй, евреи!

— Чего опять?

— Разменяйте сотку.

Слабоумный протянул через перила стодолларовую купюру.

Впрочем, такой она была только для идиотов. Цифры явно наклеили.

— «*Это шествуют творяне, замениви дэ на тэ*». Много у тебя таких? — заинтересовался Врач.

— Только одна.

— А почему цифры наклеены?

— А как должно быть? — заподозрил неладное слабоумный.

— Напечатано должно быть. Специальной краской. Не знаешь?

— Да что это у тебя все наклеено да напечатано! — обиделся слабоумный. — Ошиблись, наверное.

— Кто ошибся?

— Американки.

— Вот у них и разменивай.

Слабоумный обиженно поморгал. Боком-боком стал отодвигаться от домика. Не выпускал нас из виду, чем-то мы его насторожили. Явно хотел посоветоваться с авторитетами. «*Папася, мамася!*» Я страшно боялся, что он увидит коробку с пазлом, даже подоткнул ее ногой под табуретку.

— Видишь бритого татарина?

— Который у поскотины?

— Ну да.

— Вижу.

— Вчера он был в «реанимации».

— Ну и что? Мало ли кто там торчит?

Врач помолчал. Но я знал, что он хочет сказать.

«КТО, ГОСПОДА, ВИДЕЛ МНОГОУВАЖАЕМОГО АРХИТРИКЛИНА?..»

30

— Эй, евреи.

— Чего тебе?

— Заварка имеется?

— А у вас заварки нет, что ли?

— Закончилась. Вы это. Давайте к костру. Вас Рубик зовет.

31

На реках вавилонских, там сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе...

32

Не пойти было нельзя.

Ботаник, правда, не выказал никакого интереса.

Блаженно улыбался, будто у него программа зависла.

Зато бритый татарин цепко повел черным глазом. Закурил, пустил дым, снова повел взглядом. Человек, похожий на депрессивного принца, горбоносый, худой, тоже на нас уставился. Что-то его томило. Только слабоумный пытался строжиться, правда, только для вида. Хотел понравиться Рубику. Нет правильных китайцев без правильных мыслей. Это целиком относилось к слабоумно́му. А Рубик — мускулистый, крепкий, с лицом, чуть более плоским, чем бывает у самых плосколицых, курил.

— «*Кто, господа, видел многоуважаемого архитриклина?*»

Слабоумный обрадовался, захлопал в ладоши:

— Рубик, я говорил! Они чокнутые!

Зеленоватые глаза Рубика нехорошо сузились:

— Кто такие?

— Рыбаки.

— А снасти где?

— Приятели завтра подвезут.

— Завтра теплохода не будет.

— А вы сюда попали на теплоходе?

Рубик намек понял. Задумался. Потом кивнул слабоумному:

— Чего сидишь? Оторви зад от земли. Сгоняй, посмотри, что там у них в домике.

— А вы моих ребят не дразните, — сказал он уже нам, проводив слабоумного все тем же нехорошим взглядом. — У меня ребята отчаянные. Проверенные ребята. Вот Фарит, — кивнул на татарина, — он во вневедомственной охране служил. А вот он, — кивнул Рубик на депрессивного принца, — груженую машину выталкивает из колеи. Один.

И вдруг заорал:

— Чего у тебя глаза блестят?

— Это от огня, — объяснил Врач. — Контактные линзы.

— Да ну? — удивился Рубик. — Я про такое только слыхал.

И спросил уже дружелюбнее:

— Водки хотите?

33

Нет, Врач не хотел водки.

Он не любит теплую водку. У него дед был алкаш.

Глаза Врача блестели нагло и вызывающе. Он не хочет походить на деда, тот ползал по двору, падал лицом в навоз, чего хорошего? Видел Врач, что водка делает с людьми. Особенно теплая водка.

— Нет, ты смотри, ты только посмотри, Рубик!

Слабоумный торжествующе бросил в траву пазл.

Депрессивный принц тихо улыбнулся — худой длинный человек, про которого никак не скажешь, что он бандит. Улыбка искривила его лицо, но не сделала ни злым, ни добрым. Он просто улыбнулся. А татарин сплюнул. Ему было все равно. Только плоское лицо Рубика стало еще площе и круглее. *В тихом сиянии и славе!* Плоское лицо Рубика источало довольство.

— Твое?

— Конечно.

— Откуда у тебя такое? — не поверил Рубик.

— Осталось от деда Филиппа, — не медля ответил Врач.

— Это который у тебя алкашом был?

— Вот-вот.

— Как же он не пропил такую диковинку?

— Пробовал, не получилось, — сказал Врач. Глаза у него нагло посверкивали. Может, и не врал. Я давно перестал понимать, когда Врач врет, а когда говорит правду. — У деда Филиппа многие собирались. Кто шел мимо двора, тот и заходил. Одни с собой приносили, другие выпрашивали у деда. Он пропивался в лоскут, но выпивка у него всегда была. Он сам варил, настоящий мастер, — глаза Врача нагло сверкнули. — У нас в деревне пили все. А игрушку эту дед Филипп привез еще с японской войны. Переживал. Может, и пил потому, что мы войну тогда проиграли. Армию потеряли, Порт-Артур потеряли. Весь флот у нас японцы утопили, — уставился Врач на Рубика, — а потом и нашу деревню.

— Японцы? Деревню? — не поверил Рубик.

— Да нет. Деревню уже наши утопили. Ну, как «Варяга»! Поставили плотину, дали стране энергию, а деревню под воду. Чего жалеть? Вон какой город рядом выстроили! Одного деда Филиппа вывозили из деревни чуть не силком. Эту игрушку так из рук и не выпустил. Нашел ее в китайской фанзе под Мукденом. Всю войну протаскал в вещмешке, вернулся живым. Чудеса начинались в деревне, когда он выносил пазл на завалинку и ставил на него четверть самогона. Это желе там, — нагло кивнул Врач. — Оно холодное. Как сжиженный азот. Дед Филипп постоянно пазлом пользовался, как холодильником. Когда устроился на кирпичный завод, таскал его с собой. Ему под восемьдесят, а к нему девки бегали. Потом одна с животом оказалась, хахаль ее бросил деда Филиппа вместе с его игрушкой в сушильную печь. Все ждали, что будут похороны, но дед даже не обжегся. Больше того, печь остыла. Целиком. Кирпич потрескался. Деда чуть не выгнали с завода. А этой игрушке ничего, у нее даже уголки не поплавились.

— Заткнись!

Глаза Рубика подернулись злым пеплом.

— Давай завали стаканчик. И корешу своему предложи.

Что-то не связывалось в голове Рубика. Пазл. При чем тут дед Филипп? Пазл нужен румыну, он слабоумного наладил на это дело. Сообщение о деревне Рубика не смутило, но вот пазл...

— Поддержишь дружка... Шурка Воткин?

Прямо Бюро глупых вопросов. Роальд вряд ли выкладывал Врачу детали моих встреч с Хорем и Калинычем, но Врач просек ситуацию и отвел глаза в сторону. Ну, Шурка... Ну, Воткин... Ну, всякое бывает... Стало ясно вдруг, кто действительно стоит за придурком из «реанимации». Заказать куртизанку-партизанку мог только румын. Не лучшая идея, но, наверное, он хотел вернуть пазл. В таком случае почему Врач несет эту ахинею о деде Филиппе?

— Мулт!

Ботаник поднял голову.

— Мулт, ты ведь видел Шурку?

Ботаник кивнул. Вряд ли он узнал *меня*, но блаженно улыбнулся и кивнул.

— Плесните им!

На приказ откликнулся слабоумный.

Водки не пожалел. Налил по самый краешек легкой алюминиевой кружки. «*За глаза красотки девы*»? От таких наглых слов глаза Рубика снова затянуло нехорошим пеплом. Он крепко потер плоскую переносицу. Слабоумный, почувствовав нужное настроение, кривляясь, все заходил и заходил сбоку, пытался грязным пальцем поразить поблескивающие глаза Врача.

— Выпей!

— Я не хочу.

— А ты выпей!

— А зачем мне это?

— Не так страшно будет.

Рубик обернулся к татарину:

— Фарит, ты спускался в погреб, как там?

— Да как весной под Магаданом, — лениво кивнул татарин.

— И замок надежный?

— На все сто.

— Определи их.

Но, оказывается, и у Врача имелись некие свои соображения.

Во-первых, он совсем не хотел в погреб, весна под Магаданом его не устраивала.

Во-вторых, его бесило мое неожиданное превращение в Шурку Воткина. Какой Шурка, почему ему ничего не сказали?

В-третьих, водка все-таки ударила Врачу в голову.

Прямым в нос он опрокинул слабоумного в костерчик.

Взметнулись шумные искры, как над пионерским костром, слабоумный страстно заголосил. На ноги вскочил депрессивный принц, но попал мне прямо под головню. Морда закоптилась, как у лося. Бросив развалившуюся головню, я хлопнул Рубика по ушам. Сразу двух рук, как нас учил Роальд. В спортзале

плохо получалось, но тут Рубик вскрикнул и сел в траву. Из носа и ушей выступила кровь, черная в свете костерчика. А вот с татарином почему-то никак не получалось. Я целил ему по зубам, а попадал по костистому лбу. Врач это заметил и деревянным половником вылил на бритую голову литр кипящей похлебки. «Аха!» — радостно закричал татарин и прыгнул в куст шиповника. Врач был в полном восторге:

— Выходи, падла, выходи!

34

— Да ты и правда, Фарит, выйди...

35

Голос прозвучал ласково.

Мы обернулись. Все обернулись.

Плотный усатый человек откинул помятую дверцу «тойёты».

Может, он там спал, не знаю. Седой. Глаза голубые. Карабин «барс» в сильных жилистых руках. На голое тело джинсовая рулетка. «*Мултумесц*!» — улыбнулся, и сразу стало ясно, кто тут из Трансильвании.

Совсем не к месту затрещал в кармане мобильник.

Я хотел выключить его, но румын ласково разрешил: «А ты ответь, ответь, ждут твоего ответа». Я и ответил. Какая к черту Белокуриха? Уже то хорошо, нежность Лина, что я тебя в бывший Дом колхозника не взял. Золотые кудри, васильковые глаза, ротик с припухлыми от страсти губками... Она бы понравилась румыну... «Ва рог...» Я не хотел, чтобы румын сам сказал это Лине, потому и бросил мобильник в самый жар пылающего костра. Можно не выгребать. Никто этого и не сделал. Но румыну мои действия, кажется, не понравились. Он не привык к такому. Наклонил голову, и две глубокие упрямые морщины пересекли смуглый лоб.

— Говоришь, утопили твою деревню?

Обращался он к Врачу и тот бесстрашно кивнул.

— Зря ты начал махаться, мы бы подружились... *Бунэ сеара, тата*...

Было видно, что румын искренне рад встрече с Ботаником. А нам сказал:

— Сейчас Рубик очнется, прямо не знаю, как оттащить его.

И приказал, жалея:

— Фарит, налей им по полной.

Я жадно глотал теплую водку. Врач пил медленнее, но тоже жадно.

Иногда мы оглядывались. Утирая кровь, урча про себя, сжимая и разжимая тяжелые кулаки, матерясь негромко, поднимался с земли плосколицый Рубик. Потирал переносицу, размазывал кровь. Депрессивный принц удивленно обмывал в ведре закопченное головней лицо. Слабоумный, повизгивая, кружился вокруг Врача, но ударить еще боялся.

— В погреб их!

«В ТОМАТЕ ВЬЕТСЯ СКОЛЬЗКИЙ ИЕЗУЙ...»

36

Не то, чтобы холодно.

Но противно. Мышиный помет, плесень.

Стены в пористом, в грязном на ощупь льду. Какие-то коробки, отпотевшие стеклянные банки. «*С хлыстами и тростями люди здесь лазали в яме*». Прогнувшиеся балки из косого горбыля, брезент засыпан снаружи опилками. Татарин почему-то считал погреб надежным, но на самом деле слепили его на скорую руку. Вот отделали нас — это да, отделали нас от души. Под причудливый ритм чудесного «*Нонино!*» Я слышал мелодию по *МузTV*, румын ее классно насвистывал. Знал, падла, что музыка поднимает настроение. Водка, которой он нас угостил, не сильно напоминала граппу, но насвистывал румын классно. «*Во ржи, что так была густа, гей-го, гей-го, Нонино... Легла прелестная чета, гей-го, гей-го, Нонино...*»

— Голова кружится...

— Это ты своего будущего родственника благодари, — радушно просипел из темноты Врач. Кажется, ко всему прочему, он посадил голос. Но любопытство не отпускало его: — С чего вдруг ты стал Воткиным?

— Об этом спрашивай Роальда.

— «*В томате вьется скользкий иезуй*». — Врач понимал намеки. — Ты, Кручинин, на Ботаника зла не держи. Люди в преклонном возрасте часто страдают потерей памяти. Ходит такой человек, общается с кучей народа, все у него тип-топ, никаких проблем, а однажды входит в собственный подъезд и напрочь забывает, кто он и куда идет. Так бывает. Сколько сейчас Ботанику? За семьдесят? Ну, я так и думал. Возрастная и алкогольная перегрузка. Спазмируются сосуды энцефалона. У нас в деревне одна милая старушка Чехова обожала. Когда умерла, ей положили томик с любимыми рассказами. Кто знает? Вдруг *там* найдется свободное время. А вот очки положить забыли...

37

— Тссс...

Наверху послышались приглушенные голоса.

«Да были у меня ключи. Чего ты говоришь. Висели на гвоздике, на стене».

«Я верю, Степаныч, — гнул в ответ татарин. — Найдутся. Ты поспи, вот они и найдутся. Сунул куда-нибудь».

Голоса отдалились.

Зато на берегу взревел генератор.

Видимо, умный Рубик решил подать в Дом колхозника свет.

— «*Для позументной маменьки...*» — клацал зубами продрогший Врач.

Под тяжелой кадушкой мы нашли, наконец, пару тяжелых отсыревших брусков. Я осторожно потыкал концом одного в нависшую над нами, как брюхо,

кровлю. Мы ее не видели, но, проводя рукой, чувствовали, как здорово она прогнулась. Старый брезент прогнил, кулаком прошибить можно.

— А мы не будем ничего прошибать, — сипел из влажной тьмы Врач. — Мы не будем ничего прошибать, а то неровен час, завалит землей и опилками. Мы просто приподнимем брезент. Мы поползем под ним, как разумные черви. Главное, не чихать.

38

Но сам чихал с остервенением.

Подминал гнилые веточки, размазывал мерзкую слизь.

Наткнись кто-то наверху на бугрящийся, идущий волнами дерн, сдернулся бы с ума.

Вдруг моя рука выскользнула в тепло. Я повел плечами, сгреб с головы сырые опилки и увидел звезды. Расцвеченное тайнами пространство. Нежные разливы бесчисленных звезд. Зачем ехать в Австралию, если над бывшим Домом колхозника небо сияет таким волшебным пожаром? Зачем искать счастье где-то вдали, если все вокруг дышит теплом и миром? Даже пьяный татарин меня не раздражил. На ходу застегивая ширинку, он двигался к погребу. Хотел подкоптить нас. Насвистывая, устроился удобно у вентиляционной трубы и запалил от зажигалки скручивающийся обрывок бересты. Повалил густой черный, татарин сунул потрескивающую бересту в черную жестяную трубу и приник к ней ухом.

Счастливый факельщик.

Я не выдержал и пошел к татарину.

Собственно, мне и скрываться не надо было.

Во-первых, татарин был занят. Во-вторых, я шел со стороны костерка, а оттуда мог прийти только свой. В-третьих, разгоняя черный дегтярный дым, выдавливающийся из трубы, татарин не оборачивался. Такой звездной ночи я давно не видел. Мы все тут очень давно не видели такой красивой звездной ночи. Вот я и вмазал отсыревшим деревянным бруском по бритой голове.

«Он так испугался, что даже не пискнул».

Не теряя времени, я скрутил руки татарина его же ремнем.

— Да чего ты с ним возишься? — просипел Врач. — Давай сразу в реку!

— Зачем река? Не надо река! — очнулся, забормотал татарин.

— Как это зачем? Там раки, рыбы кусаются.

— Зачем раки? Зачем кусаются?

— Не хочешь в реку, можем посадить жопой на муравейник.

— Зачем муравейник? Почему муравейник? Не надо муравейник!

— Ну, ты только посмотри, — сплюнул Врач, — какой неправильный татарин нам попался! Ну все ему не по душе, все ему не так. Река не устраивает, муравейник не нравится. Ладно, — вдруг предложил он. — Давай бросим тебя в лодку и оттолкнем от берега. К утру в аккурат отнесет к плотине.

— Зачем плотина? Не надо плотина!

— Ну, уж и не знаю, что тебе предложить.

Врач широко развел руками:

— Откуда с вами старик?

— Мулт, что ли?

— Пусть Мулт.

— Его Нику так зовет.

— Нику? Этот молдаванин?

— Зачем молдаванин?

— А кто он?

— Румын.

— Мулт тоже румын?

— Зачем румын? Не надо румын.

— Мулт и Нику — они бандиты? Как ты?

— Зачем бандит? Не надо бандит! — затравленно озирался татарин. — Нику не бандит, он — ученый.

— «*Траяску Романиа маре*!» — обалдел Врач.

— Он с Мултом давно.

— Служили вместе?

— Так Нику говорит.

— Зачем ему «барс»?

— Для защиты.

— А «тойёту» угнали?

— Зачем угнали? — начал свое румын, но Врач его перебил:

— Что ищет Нику?

— Зачем ищет? Нырять хочет. Знает места, где много интересного.

Нырять хочет... Знает места, где много интересного... Я вдруг вспомнил слова Натальи Николаевны. Работал с заграничными коллегами. Они беспозвоночных обучали осмысленным действиям. Трудно ли научить таким действиям татарина? Даже дождевые черви поддавались тренировке, даже простейших заставляли всплывать по сигналу в стеклянном капилляре. А тут...

— Давай кончать с придурком.

— Зачем кончать? Не надо кончать!

— Ощипывание перьев только улучшает аэродинамические качества, — непонятно пояснил Врач. — Кроме «барса» есть у вас оружие?

— Пистолет есть, патроны есть.

— Смотри, Кручинин, это ключики от погреба, которые Степаныч искал, — обрадовался Врач, обшарив карманы татарина. — Почему не отдал Степанычу?

— Зачем Степанычу?

Теперь и у татарина зависла программа.

Врач отпер замок, отмахнулся от клубов черного дыма:

— Перезагружайся!

— Зачем перезагружайся?

— Там поймешь, — Врач столкнул татарина в погреб.

39

Примерно полчаса мы отлеживались в кустах.

Генератор страшно ревел, пускал сизые выхлопы. Чудовищно возвышались в звездном мерцании потусторонние пирамиды угля. Голый Рубик выскакивал из баньки, с воплем бросался в кишащую звездами воду. За ним выскакивал слабоумный. Визжал, подпрыгивал, но оставался на деревянном помосте, наверное, боялся воды. Морда в синяках. Наша работа. Рубик, отплескавшись, лез из воды. Тяжело сопел. Навстречу выскакивал депрессивный принц. Голые, они все странно походили друг на друга, даже члены были одинаковые, как у животных.

Один Ботаник не принимал в этом участия.

Сидел, зажав между ног «барс». *«Во ржи, что так была густа...»*

— *Сцузати-ма, тата,* — радовался румын, выходя из бани. Присаживался на скамью. — Елена была бы счастлива.

— *Бинэ, бинэ* Елена...

— *Бинэ, бинэ, тата.* Я знал, что мы встретимся.

Было так тихо, что мы с Врачом слышали каждое слово.

— *Авэти, тата. Враэу са кумпар.* Нас не остановить. Нет, нас не остановить. *Ун милион раз, тата.* Мы готовы ждать. Кондукатор хотел победы. Он был достоин победы, но ему помешали. Ему все мешали, даже дети. Валентин ушел из семьи, знаешь. Зоя сбежала. Нику всегда вытворял вредные глупости. Дети часто неблагодарны, *mama*... И мы с тобой не успели...

Он погладил Ботаника по плечу:

— Мы с тобой не успели, да? Надо было убрать церковника. Ласло Текеш, помнишь его? Мадьяр. Чего от него было ждать? Евреи и мадьяры — вся смута от них, не зря Кондукатор хотел их всех выгнать. Мы хотели великую Дакию, а мадьяры и евреи хотели пить нашу ракию и иметь наших женщин. Помнишь шефа секуритате? Ну да, Юлиана. Красивый генерал, помнишь? Юлиан Влада. Кондукатор считал его близким другом, а кругом были одни предатели. Генерала Тудора Постелнику помнишь? Не можешь не помнить, знаю. Кондукатор и ему верил до конца, а чем занимался министр внутренних дел?

— Наверное, заказывал токану, — вполне разумно ответил Ботаник. — С парной телятиной. Обжаренную на свином сале.

— А генерал Василе Миля? Разве он не мог подарить победу Кондукатору? А что сделал трусливый министр обороны? Он застрелился, *mama*! И этим предал своего Кондукатора.

...можно добавить розовый мелко нарезанный лук, — уже не так разумно согласился Ботаник. — Когда мука тоже порозовеет, плеснуть в нее две ложки столового вина...

— Они все предали Кондукатора!

...но можно поставить и фригэруй, — на этот раз совсем уже неразумно причмокнул губами Ботаник и еще крепче сжал коленями «барс». — Подрумянить печень в коровьем масле...

— И Виктор Стэнкулеску оставил Кондукатора! Слышишь, *mama*? И Вирджил Мэгуряну его оставил! И Джелу Войкулеску! — Румын чуть не застонал, даже сжал голову руками. — Кто громче Виктора рассуждал о великой Дакии, которая протянется от Вены до Черного моря? Кондукатор ему верил. А он сам вышел к десантникам. Он сам приказал, никто его не тянул за язык: «Расстреляйте предателей родины!»

...чулама, — радовался Ботаник.

— Предатели захватили Особый отдел. Я едва смог уйти. Мне пришлось стрелять, *mama*. Говорят, они перерыли весь отдел. Все полки, все ящики, все архивы. Вскрыли все системные блоки компьютеров, разворошили звездные каталоги. Предатели знали, что мы работаем на победу Кондукатора. А он верил нам до последней минуты, — румын печально покачал седой головой. — Я видел стенограмму его допроса. Грязная бумажонка! Судьбу мира, *mama*, часто вершат предатели.

Румын поднял голову и уставился на звезды.

— Все сущее из илема, *mama*. Из смеси нейтронного газа и излучения.

У голых ног румына счастливо устраивался слабоумный. Он вил гнездо шумно и радостно, как большая голая собака. «*Во ржи, что так была густа...*» Слабоумный светился. «Фарит колечко купил, — лепетал он. — Рубик Фарита послал в «Янтарь». Только приглядеться. Вход, сигнализация, охрана. А там в каждой витрине золото. Рубик любит, когда много золота. А у Фарита в голове пусто, — слабоумный счастливо рассмеялся. — Он жадный, он сильно жадный, Нику. Он ходил между витрин и наводил порчу на продавщиц. И радовался тому, что золото дорожает. А потом купил себе бронзовое колечко. Самое дешевое, — захихикал слабоумный. — Остальное, говорит, сами возьмем».

И не выдержал:

— Нику, я тоже хочу колечко.

— Будем в магазине, — разрешил румын, — выберешь самое толстое.

— Золотое? — обрадовался слабоумный. — Я его на пальчик надену! — он счастливо показал грязный безымянный палец. — Видишь, царапина? Это я хворост таскал. На мне все сразу заживает. Как на собаке. Вот мне палец отстрелить, — счастливо похвастался слабоумный, — через три дня новый вырастет!

— А мы проверим, — засмеялся румын.

И негромко приказал:

— *Ца плацере, тата!*

Наверное, слабоумный знал несколько румынских слов, потому что взвизгнул, вскакивая:

— Ты что? Ты что?

Но Ботаник уже вскинул карабин.

— Мулт, не стреляй! Ты что? Нику шутит!

Но Ботаник уже выстрелил. Навскидку. Почти в упор.

Первая пуля заставила коробку пазла подпрыгнуть. Мы с Врачом это ясно видели. Вообще-то пуля должна была в куски разнести всю коробку и разбрыз-

гать желе по кустам. Ботаник стрелял с двух шагов, но коробка только подпрыгнула. Мы это видели ясно. Ни всплеска, ни взлетевших обломков. Вторая пуля снесла слабоумному безымянный палец. На грохот выстрелов выскочили из баньки Рубик и депрессивный принц. Румын несильно, смеясь, пнул слабоумного: «Сам сказал, что на тебе все заживает, как на собаке. Если к следующей субботе отстреленный палец не вырастет, Мулт тебе отстрелит еще один».

И растроганно обнял Ботаника:

— *Сцузати-ма, тата...*

«СОЗЕРЦЕБЕН ЕСТЬ ВРАЖДЕБЕН...

40

Подпереть дверь баньки, когда в ней окажутся все четверо...

В узкое окошечко не выскочишь. Кирпичную печь не разберешь. Бревенчатые стены раскатаешь. Правда, загнать в баньку сразу всех выглядело как-то проблематично. Через какие-то интервалы Рубик с румыном с уханьем выскакивали на деревянный помост, а Ботаник прилежно сторожил на скамеечке.

Укрываясь за пустыми домиками, мы перебежали к разбитой «тойёте».

Из круга яркого электрического света видеть нас не могли, зато отчетливо поблескивало в траве битое стекло. А под передним колесом «тойёты» стояла черная спортивная сумка. Врач незамедлительно залез рукой в оттопыренный наружный карман. При слабых отсветах мы различили имя: «*Канат Халымов*». С черно-белой фотографии какого-то временного удостоверения пучился на нас слабоумный. Родился, наверное, в каких-нибудь Старых Овнищах. В семь лет первый привод в милицию. В двенадцать исключен из школы. В девятнадцать впервые сел. Наверное, человеком почувствовал себя только при румыне.

— «*Во время кражи,* — просипел Врач, — *необыкновенное спокойствие уживается во мне со страхом. Мое тело трусит. Стоя перед витриной ювелирной лавки, я не верю, пока не окажусь внутри, что могу украсть. Но, переступив порог, точно знаю, что выйду из лавки только с дорогим кольцом или в стальных наручниках*».

Может, Рубик действительно любил только золото, я готов был поверить слабоумному, но спортивная сумка была набита валютой. Сплюнув через плечо, Врач забросил ее в чердачное окно ближайшего домика:

— Теперь построю частную лабораторию криминалистики...

— Но деньги надо вернуть!

— Ты знаешь, где хозяева? Знаешь, кто они? — грозные черные круги вокруг глаз делали лицо Врача похожим на череп. — Пока так называемых хозяев найдут, тоже воров и бандитов, все исчезнет до цента.

И толкнул меня:

— Сваливаем!

— Куда?

— На соседнюю базу.

— Знаешь, как туда пройти?

— Я тут все тропинки знаю, каждый овраг.

— Тогда иди, — согласился я. — Наверное, у соседей есть телефон. Вызовешь Роальда...

— Не валяй дурака, Кручинин.

— Я не могу пойти.

— Из-за Ботаника? — удивился он. — Но ведь это он отвесил тебе полешком!

— Зато отстрелил палец бандиту.

— По приказу другого!

41

Румыну нравилось нырять.

Мускулистый, смуглый, всплывал сразу у другого берега.

Размашисто плыл назад, рывком взлетал на деревянные мостки, посылал Ботанику поцелуй. Они без слов понимали друг друга. Похоже, когда-то им сильно не повезло: не успели убрать мадьярского церковника. Не знаю, кого они имели в виду. Какой-нибудь румынский правозащитник. Предатели не дали им развернуться. Предатели убили вождя. «*У нас каждый четвертый был осведомителем*»... Ну да... А еще генералы Постелнику, Миля, Стэнкулеску, Мэгуряну... Не простая компания... «*Во ржи, что так была густа...*» Румыния долго стояла, раскачивали ее гораздо дольше, чем Германию или Польшу. Что поделаешь, мамалыга не взрывается. «Есть ли среди раненых террористы?» — опрашивали журналисты сдержанных бухарестских врачей. — «Нет, только борцы за революцию».

42

Николае Чаушеску: «*...Мы обсудим это только перед Великим Национальным собранием. Я не буду говорить с вами. Это — вульгарная провокация*».

Обвинитель: «*Вы должны подписать заявление*». (Голос невидимого человека за кадром: «*Где?..*» На полях газеты красная галочка.)

Николае Чаушеску: «*Я не собираюсь делать никаких заявлений, я ничего не буду подписывать*».

Обвинитель (*в камеру*): «*Обратите внимание — обвиняемый отказывается подписать заявление...* (Голос человека за кадром: «*Где?...*») — *Обвиняемый не признает нас. Он отказывался признать новую власть*».

Николае Чаушеску: «*Да, я не признаю вашу власть*».

Обвинитель: «*А что вы знаете о новой власти? У вас есть объективная информация о новой власти?*» (Голос человека за кадром: «*Где?..*»)

Николае Чаушеску: «*Вы много чего сказали. Этого достаточно, чтобы понять. Я не признаю вашу власть. Вы не можете менять устройство государства. Это невозможно, у вас нет права. Все узурпаторы были строго наказаны. Румынская история прямо указывает на это. Никто не может низложить Великое Национальное Собрание*».

***Обвинитель** (поворачиваясь к Елене Чаушеску): «Может, вы подпишете? Вы всегда были более благоразумны. Вы ведь ученый человек. Вы были самым важным помощником, человеком номер два в правительственном кабинете. Говорите! Вы ведь знали о геноциде в Тимишоаре?»*

***Елена Чаушеску**: «Какой геноцид?..* (Голос невидимого человека за кадром: *«Где?..»*) *Я не буду отвечать ни на какие вопросы».*

***Обвинитель** (с насмешкой): «Ну да, вы не знали о геноциде, вы ведь только химик, и имели дело всего лишь с разными полимерами!..»* (Голос невидимого человека за кадром: *«Где?..»*.)

43

«Унде ун телефон аич?»

Румын тоже интересовался связью.

Было темно. Совсем темно. Только баньку окружал круг яркого света да высоко над лесом распласталась звездная бабочка Ориона. Мобильник сгорел в костре, можно было не ждать звонка Архиповны. Ей некуда было звонить. Мир изменился. Огромная Вселенная сжалась в тесный круг, освещенный электрическим фонарем. Я всей шкурой чувствовал ночь и одиночество. Я выпал из Вселенной, в которой существовали наука и искусства, где Инесса, радуясь, покупала кислотные гольфики, а Лина мечтала о душе в хорошей гостинице, а Бред Каллерман показывал Архиповне сумчатую Австралию. Где мир обдувало теплым ветерком с моря, а затопленные деревеньки медленно заносило илом. *Проблема связи с внеземным разумом.* Да нет, конечно. Ученые правы. *Проблема сканирования с высоким разрешением.* Мою Вселенную определяли уже не Архиповна и даже не ее австралийский друг. Мою темную Вселенную с этими потусторонними угольными пирамидами, с выкриками Рубика и румына, с плеском воды, с Ботаником, вцепившимся в «барс», определяли теперь именно они — Рубик, румын, депрессивный принц, постанывающий от боли и ужаса слабоумный. Бритый наголо татарин, запертый в погребе, несколько меньше ее определял, но и его существование каким-то образом сужало мою Вселенную.

— Следи за банькой.

— Что ты задумал?

— Попробую перехватить румына на той стороне...

44

На темном причале я бесшумно отвязал лодку.

Случайное облачко прикрыло Луну, звезды засияли ярче.

Будто плеснули на них хрустальной водой. В призрачном звездном свете все выглядело сказочно. Все имело какие-то свои тайные продолжения, свои непростые, только угадывающиеся тени. На колеблющейся, серебристой реке баньку скрыл горбатый мыс, как шерстью, поросший сухими кустиками.

Вообще-то я не люблю воду. На глубоком месте сразу начинаю паниковать.

Что там под мутной водой? Что там на илистом дне? Прошлогодние листья? Облезшие ржавые автомобильные покрышки? Деловитые раки? Или замытый песком утопленник? Выскакивая из лодки на травянистый берег, совсем не к месту вспомнил одну прошлую историю. Даже не знаю, по какой ассоциации. Может, из-за чувства беспомощности. Давно, еще учась в универе, выбрел ночью на пустой проспект. Собутыльники и девчонки потерялись, но моя душа горела. Так горела, что я здорово обрадовался, увидев над проспектом раскачивающиеся дымные факелы.

Музыка, правда, не ободряла, но я вышел навстречу: «Мир вам!»

Мне, конечно, обрадовались: «Вот он, сука! Давай кидай его в гроб!»

И, ошеломленный, я поплыл в деревянном жестком ковчеге над головами мортусов. Пару минут по инерции еще радовался: где похороны — там поминки, а где поминки — там выпивка. Но протяжная музыка тревожила. Она рвала сердце. Ее стоны, чудовищно растянутые во времени, напоминала о конце света.

Я сел.

Закурил.

На меня шикнули.

Красивой выдалась та ночь, вспомнил я.

Звездная бабочка Ориона так же летела в небе.

Провожающие, кстати, были недурно прикинуты. Некоторым, может, вкуса не хватало, но прикид у всех был добротный. Каждый пиджак, каждая шляпа стоили денег. Я, разумеется, выглядел бедняком. Впрочем, зачем студенту, да еще и покойнику выделяться? Повернут к морю, успокаивал я себя, запалят веселые костры, начнут шутить, зазвенят стаканы...

Но процессия свернула к старому кладбищу.

К счастью, на подходе к нему, как по сигналу, из-за всех деревьев повыскакивали милиционеры. «Наладился на тот свет, падла? — выдернули меня из гроба. — Врешь! — Дали по морде — От нас не уйти!»

Оказывается, известного бандита ловили.

45

На мокром дне лодки валялся ржавый багор с обрезанным примерно на пару метров древком. Там же я подобрал моток капронового фала. Устраиваясь за кустами колючего шиповника, опять не к месту вспомнил: этот румын... он не просто *ученый*... он умеет убивать...

Хлопнула на том берегу дверь баньки.

— Нет, Нику, не поплыву я! Нет, Нику, нет! Пальчик болит у меня, Нику!

— Как он может болеть? *Сцузати-ма!* Нет у тебя никакого пальчика!

Пошутив так, румын нырнул.

Мокрая голова высветилась у моего берега.

По воде побежали тревожные искривленные круги.

Насвистывая непринужденно (*«Во ржи, что так была густа...»*), румын вылез на травянистый откос и деловито пристроился под сумеречной сосной. В двух шагах от меня поблескивала влажная смуглая кожа. *«Мы с ним физически очень точно подходили друг к другу»*. Ну да, куртизанка-партизанка так считала. А он задушил Асю Стрельникову. *«То придавит, то отпустит, то придавит, то отпустит»*.

Жутковатый холодок пронизал меня.

«Во ржи, что так была густа...»

Румын щедро поливал сосну.

Он не оглядывался. Он ничего не боялся. Он *знал*, что мир принадлежит ему.

Наверное, из страха, а вовсе не из-за смелости, я сунул ржавое острие багра между лопаток румына. По коже как судорога пробежала. Мой мертвый ужас мгновенно передался румыну, сжег все нервные переходы. Он ведь *знал*, что тут никого нет. Он ведь *знал*, что его все боятся. *«Во ржи, что так была густа...»* Он прервал свист на судорожном выдохе. Теряя равновесие, обхватил сосну.

— Что?! Что?!

На влажной коже выступила, оплывая, кровь.

— Что?!! Что?!!

Румын был парализован. Он умирал от мертвого, непристойного ужаса.

Умирая, он ползал по сосне, упал коленями в мокрый мох. От него несло мочой и потом. С освещенного берега нас никак не могли увидеть, но мною двигал такой же, как у румына, страх. Вывернул его руки, я накинул на влажные запястья тонкую капроновую петлю.

46

Триста тысяч.

Кажется, столько обещали за поимку румына.

Триста тысяч, валяющиеся под сосной, отдавали запахом мочи и пота.

— Зачем пугал бабу? — заорал я.

— Что?!! Что?!!

— Бабу! — орал я.

— *Це эстэ*? Бабу?!!

— Не помнишь? — приткнул я его острием багра. Я готов был убить, я, наверное, мог убить, но для этого меня надо было испугать еще сильнее. — *Тютика*! Ларису! Ну? Вспомнил?

— Что?!!! Что?!!!

Глаза румына, наконец, сфокусировались на мне.

Не знаю, что он думал увидеть, но мой вид его потряс. Человек с багром. Козел без оружия. Глаза расширены ужасом, не меньшим, чем у него. Он тут же поднялся на колени. Он зашептал, сжигая, гипнотизируя меня:

— *Приетэн*... Молчи... Я знаю... Ты хочешь денег...

Каким-то необъяснимым нюхом он чувствовал мой страх.

— Ты хочешь много денег... — он застонал. Теперь уже не от ужаса. От ненависти. Он насквозь видел мое ничтожество. — Ты возьмешь... Большие деньги... Я возьму пазл и Мулта, а ты деньги и Рубика...

— Зачем тебе Мулт?

— Он брат мне! — румына вырвало от ненависти.

— Большие деньги... *Минтака... Альнилам... Альнитак...*

Сперва я подумал, что он обливает меня ругательствами, потом дошло: это же он повторяет названия звезд пояса Ориона. Повторяет названия висящих над нами звезд, как неведомое заклинание.

— Зачем тебе пазл?

— А зачем тебе будущее?

Он явно уже приходил в себя.

Он не рвался на крюк багра, не звал на помощь, просто поверить не мог, что *с ним* такое случилось.

— Что можно увидеть в пазле? Ну?

Румын застонал. Он не хотел говорить.

— Зачем тебе этот Мулт? Откуда ты, кто?

Румын застонал от ненависти и беспомощности.

— Я и Мулт — мы из команды Дрейка.

Архиповна не зря прочищала мне мозги.

Архиповна всегда считала, что я мало занимаюсь философией.

Для писателя это большой грех, так она считала. Меня привлекал чудесный лиловый цветочек на ее левой груди, крошечное тату безумной страсти, а ее привлекал поиск разумных миров. *Проблема сканирования с высоким разрешением.* О Фрэнке Дрейке она говорила с обожанием. Дрейк не обошел дикую планету на потрепанной «Золотой лани», как когда-то поступил его знаменитый однофамилец, зато придумал послание, адресованное *другим разумным мирам.* Собрал группу интеллектуалов, не желающих мириться с чудовищным молчанием необозримой Вселенной. Привлек, например, Тилюти Дерриса. Знаменитому журналисту помогали астрофизики Линда Саган (жена астрофизика Карла Сагана) и Джордж Ломберг. Даже русский затесался в компанию. Не Архип Борисович, конечно, а некий радиоинженер из Москвы (Архиповна была с ним знакома) — Валентин Борнаков. Фрэнк Дрейк считал, что гармонию мира по-настоящему может выразить только музыка. Дирижер Муррей Сидлин и музыковед Алан Лонакс отобрали для межзвездного послания самые звучащие гаммы Баха, Бетховена, Моцарта, Стравинского. А если не титаны классики, то прорвутся к *другим* синкопы Чека Верри, труба Луи Армстронга, клавиши Рэя Чарльза...

— Ты Нику Друяну?

Мочой и потом несло как из бердского автобуса.

Архиповна о Нику Друяну говорила с замиранием сердечным.

Она ведь не знала, что он душит молоденьких парикмахерш. Она ведь не знала, что он укрылся в России. После румынского переворота он загадочно исчез,

сперва о нем ходили всякие слухи, потом в ученом мире о нем забыли. Кроме Архиповны, понятно. Она обожала всех членов команды Фрэнка Дрейка. Наверное, она и сейчас могла бы заговорить с Нику Друяну. Почему нет? Ведь он относился к тем, кто *понимает* молчание Вселенной.

47

Наверное, понимал это и Ботаник.

Из Румынии Архипа Борисовича отзывали дважды.

В первый раз на Лубянке два молодых подполковника безопасности (один бывший латыш, другой — будущий афганец) семь часов подряд разводили на откровенный разговор молодого физика, привезенного из новосибирского Академгородка. Конечно, его не били. Зачем? О неприятных вещах спрашивали, как без этого? — но не били. Это все придумывают, что бьют на Лубянке. А Архип Борисович предложил молодому физику стакан румынского коньяка. Это тоже не нарушало прав человека. В конце концов, физик признал тот факт, что в течение почти двух лет лично занимался неким артефактом, случайно извлеченным водолазами со дня Обского моря. Небольшая коробка, заполненная полулупрозрачным желе, тридцать на тридцать — материал технологам неизвестен, загадочное желе ни вылить, ни вытряхнуть. Где коробка сейчас? Физик не знает. Кто ему помогал? Да, в общем, никто. У него есть голова на плечах, он не сильно нуждается в посторонней помощи. В румынский коньяк заранее добавили особенный препарат. Он не давал ни вкуса, ни запаха, зато снимал все запреты. Имеются в виду запреты сознания, да подсознания тоже. Физик попросту не мог врать. Значит, пазл действительно был потерян.

Во второй раз Архипа Борисовича отозвали для разговора на Лубянке незадолго до катастрофы, постигшей Кондукатора. Возмужавших полковников (служебный рост налицо) опять интересовал потерянный артефакт. Новосибирскому физику не повезло, он, кажется, впрямь потерял загадочный пазл, но, может, вы что-нибудь знаете, Архип Борисыч? Ботанику, как коллеге, предложили стакан хорошей анисовой водки (знали его вкусы). Вы ведь знаете, Архип Борисович, какие подарки получал опекаемый вами Кондукатор. Ну да, старинные гобелены, полотна великих мастеров, чудесный китайский фарфор, ласковые меха из Канады. Ну да, это все понятно, кивали мужественные полковники и подливали в стакан анисовку. А вот что подарили румынскому партийному вождю дружественно настроенные египтяне? Вы же патриот! Вы близки с ученым Нику Друяну. Астрофизик, математик, специалист по внеземному прослушиванию, человек из знаменитой команды Фрэнка Дрейка! Вы ведь дружите много лет, мы знаем! Под Нику Друяну Елена Чаушеску создала в Национальной Академии Румынии Особый отдел. Категорически засекреченный! Откуда у Нику Друяну пазл? Ну, вы должны помнить, такая коробка, заполненная загадочным желе, подарок египтян... Не подарок?.. Нет? Полковники обменялись удивленными взглядами. Египтяне не подарили, а просто *вернули* пазл? Что значит *вер-*

нули? Разве этот пазл попал в Румынию не из Сибири? Вы ведь помните молодого физика...

Не верили.

48

А я не верил румыну.

Отзвучал последний аккорд народной революции. Суд над Кондукатором был недолгим. Сразу после вынесения приговора осужденных вывели во двор казармы. У стены обшарпанной солдатской уборной Кондукатор запел «Интернационал», Елена прошептала: «Долой предателей!» В тот же день кадры расстрела показали по румынскому телевидению. «Антихрист убит в Рождество!»

Ну, убиты.

Такое случается.

Но при чем тут Особый отдел Национальной Академии?

При чем тут системные блоки компьютеров Особого отдела, звездные каталоги, научные архивы?..

«Все сущее из илема, *mama*...»

Румын извивался на мокром мху, дергался. Зачем ему пазл? Он ненавидел мою тупость, мои вопросы. А зачем нам понимание мира? Он презирал меня. Извиваясь, незаметно (так ему казалось) пробовал на крепость капроновый фал. Известны ли ему еще такие же пазлы? Он снова застонал от ненависти и беспомощности. У генерала Василе Миля было описание подобных диковинок, но личный сейф генерала разграбили. Глаза румына тускло отсвечивали. С большими деньгами, прошипел он с ненавистью, ты начнешь новую жизнь.

— Кто еще видел описание пазла?

— Кондукатор. Его расстреляли.

— А кроме Когдукатора?

Елена Чаушеску Ее расстреляли.

— А кроме Елены?

— Шеф секуритате.

— Ну, этого-то уж точно расстреляли?..

49

«Во ржи, что так была густа, гей-го, гей-го, Нонино!.. Легла прелестная чета, гей-го, гей-го, Нонино!..»

50

***Н. Чаушеску**: «...Я не признаю самозваного трибунала, я признаю только Великое национальное собрание».*

***Обвинитель**: «Мы вас судим согласно Конституции страны...* (Голос за кадром: *«Где...»*) *— Мы прекрасно знаем, что нам надо делать, мы знакомы с законами».*

***Н. Чаушеску**: «Я не буду отвечать на ваши вопросы».*

Обвинитель (в камеру): *«...У обвиняемого и его жены были шикарные туалеты, они устраивали ослепительные приемы, они всегда и во всем роскошествовали, а простой народ имел двести граммов самой дешевой колбасы в день — и то, чтобы их получить, необходимо было предъявлять удостоверение личности.* (Голос за кадром: *«Где...»*) — *Ты разорил народ, но это отрицаешь...* (В камеру): *Господа представители народного правосудия, господин председатель, уважаемый трибунал, мы сегодня здесь судим Николае и Елену Чаушеску, которые совершили действия, несовместимые с правами человека...* (Голос за кадром: *«Где...»*) *За преступления, которые они совершили, я требую для них немедленной смертной казни... Они виновны по всем пунктам... Никакого снисхождения... Обвиняемый Николае Чаушеску, встаньте! Я приказываю вам!* (Чаушеску не встает.) *Ты слышал обвинение?..»*

Н. Чаушеску: *«Я буду отвечать только перед Великим национальным собранием, я не признаю ваших обвинений».*

Обвинитель (в камеру): *«...Все знают о трагическом положении в нашей стране. У нас не хватает медикаментов, продовольствия, электричества. У нас всего не хватает. В домах нет отопления...* (Голос за кадром: *«Где...»*) *Кто дал приказ совершить геноцид в Тимишоаре?..* — (Молчание). — *Обвиняемый, вы отказываетесь отвечать?..* (Голос за кадром: *«Где...»*) *Кто дал приказ солдатам стрелять в мирных жителей столицы?»*

Н. Чаушеску: *«Я не буду отвечать на ваши вопросы».*

Обвинитель (в камеру): *«На сегодняшний день в городах Румынии насчитывается уже более шестидесяти четырех тысяч невинных жертв. Многие покидают страну, государственные фонды разворованы...»* (Голос за кадром: *«Где...»*)

51

Румын напрягся.

Ты ведь видел отчеты?

Я чувствовал, как ему хочется вцепиться в меня.

Ты ведь видел отчеты, орал я. Испарина покрыла лоб румына. Ты ведь знаешь, о чем спрашивали Кондукатора? Я страшно боялся, что румын разорвет капроновый фал. Ты ведь знаешь? Да? Кто этот человек, так ни разу и не появившийся в камере? У румына страшно вздулись жилы на висках. Догадка, пришедшая мне в голову, была нелепа. *«Наверное, заказывал токану... С парной телятиной. Обжаренную на свином сале...»* Сумасшествие... Но почему нет? *«Можно добавить розовый мелко нарезанный лук... Подрумянить печень в коровьем масле...»* О чем спрашивал Кондуктора Мулт, прежде чем Николае Чаушеску отвели к уборной? Румын бился под сосной, как в припадке эпилепсии. Это Мулт вывез пазл в Россию? Это его ты искал?

Румын выгнулся, пытаясь дотянуться до меня зубами. Пришлось пустить в ход багор. Почему вы разошлись с Мултом? Румын застонал. Почему ты называешь его братом? Румын уже не мог говорить. Зачем ты хочешь увести стари-

ка с собой? Влажное голое тело Нику Друяну сводили судороги. Коротким движением я захлестнул свободный конец фала за толстый сук.

— Сиди на поводке, а то скатишься в воду и утонешь, скотина.

«И ТОМНОЙ ГРУСТЬЮ ЖАЖДЫ ТОМИТЬСЯ СЕРДЦЕ СТАЛО...

52

Ржавые уключины взвизгнули, Врач на освещенных мостках рассмеялся.

Он открыто рассмеялся, он ни от кого не прятался. Меня все еще морозило, но, кажется, Врачу, как и мне, повезло. Крупные звезды сияли над ним. Дивные звездные пояса, дымные призрачные дорожки. А дверь баньки подпирала тяжелая лиственничная колода.

— Неужели получилось?

— Легко!

— Они все там?

— Все до одного.

— А Ботаник? Он с ними?

— Ботаника нет. Он ушел к Степанычу.

— Ты этим и воспользовался? Ты его облапошил?

— Ну да! Прости, что я так с твоим родственником. — Врач откровенно торжествовал. — Ты, надеюсь, утопил румына?

Я бы утопил, да кто с таким справится?

Какая неправильная ночь. Меня все еще морозило от пережитого.

Сырой погреб... Сухие кусты шиповника... Ржавый багор... Кровь на влажной коже... Фал, впивающийся в запястья... И Архиповна не позвонила... И Хорь и Калиныч передал фотку Ларисы Осьмеркиной...

«Открой, падла!»

В баньке, наверное, было тесно.

Полежать в траве. Все выбросить из головы.

Но ночь еще не закончилась.

— Руки за голову!

53

«Барс» в руках Ботаника не дрожал.

Подняв руки над головой, я обреченно прислонился к смолистой сосне.

Как понять такое? Разве мы должны проиграть? Кто за кем тут охотится? Зачем Врач притащил в бывший Дом колхозника игрушку, про которую мы, в сущности, ничего не знаем? Зачем Ботаник рисковал из-за нее жизнью? Почему из-за пазла румын готов убивать?

— На землю!

Тоже странно, подумал я.

Подолгу командовать как-то ни у кого не получается.

Я, например, командовал совсем немного: только когда вязал румына.

И у Рубика долго не получилось. И у татарина. Даже румын с этим пролетел.

Не знаю, чем занимался Архип Борисович в Румынии, но что-то мне подсказывало, что и ему не придется долго командовать...

54

Да, я знал... В советское время сотрудников госбезопасности нередко прикомандировывали к национальным вождям. Профессиональный обмен. Нелегкое, кстати, дело. «Не в шахматишки гонять». Последние слова я, кажется, произнес вслух, потому что Ботаник насторожился, и это мгновенно уловил Врач.

И позвал:

— Архип Борисыч...

Ботаник не ответил.

— Архип Борисыч... А о шахматах можно?..

Искал живого контакта. Искал ключевое слово.

— Я с настоящими гроссмейстерами играл, — похвастался.

Подумав, добавил сипло:

— Даже с румынскими.

— Это с кем еще?

— С Георгиу.

— С Флорианом? — не поверил Ботаник.

— С ним, с ним, — сипел Врач, боялся окончательно потерять голос. — Ты только ствол на меня не наводи, ладно? Я в сеансе одновременной игры с Георгиу встречался. Я студентом был, он приезжал на олимпиаду. У меня свой стиль, — не удержался от хвастовства Врач. — Я отличался от остальных, Флориан сразу это подметил. Он тогда не вылезал из ничьих. — Видимо, это была правда, потому что Ботаник зачарованно слушал. — На мемориале Чигорина взял подряд шесть половинок. Еще одна и Георгиу вылетал из турнира. Но в следующей партии против него стоял Ганс Рее, помните такого? «Или партия будет результативная или пусть меня повесят на *рее*». Так тогда сказал этот Георгиу. И выиграл.

«Мулт, падла, открой!»

Криви в баньке не умолкали, но Архипа Борисович не торопился. Имя румынского гроссмейстера явно многое ему напомнило.

— А ты-то играл с ним? — осторожно не отставал Врач.

Ботаник кивнул. Вполне осмысленно.

— Сколько партий?

— Три.

— И все три выиграл?

— Ты что! Ты что! Проиграл.

«Открой, Мулт! Открой, падла!»

— Да пальни ты по дверям, — страдальчески предложил Врач. — Чего они расшумелись? Тепло, вода есть. Пусть парятся.

Ботаник не ответил.

Палить по дверям он не собирался, но и открывать не спешил.

Темные тени играли на исписанном морщинами лице. Ну да... Флориан Георгиу... Ганс Рее... Не пустые имена... Сладкий ветер воспоминаний овевал морщины Архипа Борисовича...

— Ты их не выпускай, — нашептывал Врач. Голосом лукавого змея. Может, таким же вот голосом Мулт давил на Кондукатора: «*Где?..*» — Пусть попарятся. Им на пользу. Им шахматы до лампочки.

И осторожно запустил еще один пробный шар:

— Ты, наверное, с самой Еленой играл? Я читал, что она была умная. Родилась в козьем городке... Ленцуа, да? Так писали в газетах... Помогала отцу продавать свечи, потом сама торговала семечками на вокзале. Ну и что, правда? Многие с этого начинали. Ты у нее выигрывал?

— Как можно?

— А почему нет?

— Перед ней и Флориан не стоял!

— Может, специально? — осторожно предположил Врач.

— Ты что! Ты что! Но дети у нее были от мужа...

Это было неожиданное признание.

— Значит, врали про нее?

— Маурер всегда врал.

— Это который был премьер-министром у Кондукатора?

— Он шкуру свою спасал. Врал где мог. А с ним Силвиу Брукан.

При всей энциклопедичности своих знаний Врач явно не знал, кто такой этот Силвиу Брукан. Даже голос у него сорвался:

— Это он писал, что Елена — дура?

Ствол «барса» дрогнул. Я зажмурился.

Неграмотная? Да она член ЦК! Она член Политбюро! «*Подобно звезде, мерцающей подле другой на вековечной небесной тверди, стоит она рядом с Великим мужем и озирает очами победоносный путь Румынии*». Что вы, крысы, можете знать о Елене? Барбу Петреску, родной брат Елены, любил «Жигулевское». Понятно, отдельного производства. С Архипом Борисычем пробовал все новые поставки. Непременно с Архипом Борисычем. Сам плохо видел, но очков никогда не носил. Не к лицу Первому секретарю столичного комитета РКП прятать глаза от народа. Доклады для Барбу печатали специальным шрифтом.

— В какой руке?

— В правой, — догадался Врач.

— Ну, видишь, черные, — повел стволом Ботаник.

Оказывается, у него были свои маленькие хитрости. Он хотел сыграть в шахматишки. Две контузии, пара ранений, ну и что? На шахматы памяти у него хватало. Явно мог играть вслепую, без доски. А выбор цвета — это всегда важно. Он честно предложил: в какой руке? А Врач *не угадал*...

— Все честно, — согласился Врач.

И спросил:

— Можно я лягу на спину?

— Это зачем? — заподозрил плохое Ботаник и даже поднял голову, будто в небе могли висеть шахматные подсказки.

— *E-два — e-четыре...*

Я обалдел. Они, правда, начали партию.

— *Пешка c-шесть...*

— *D-два — d-четыре...*

Врач ответил ходом коня.

Даже моих небольших знаний хватило, чтобы понять, что они разыгрывают защиту Каро-Канн. Позже Врач утверждал, что разыгрывали они не просто знаменитую защиту, а какой-то особенно любимый Флорианом Георгиу вариант.

Не знаю...

По-моему, Врач просто пытался разменять все фигуры.

Сипел, вздыхал, ворочался. Смотрел в небо, снова вздыхал. Броситься на Ботаника никак у него не получалось. И у меня не получалось. Под стволом «барса» торопиться нет смысла. Мы пока только присматривались. А Ботаник улыбался. Непонятно улыбался, какой-то смутной улыбкой. Возможно, считал, что он снова в гостеприимном доме своего старого друга Нику Друяну. К нему иногда сама Елена заглядывала. Она любила белые платья в горошек. А Барбу Петреску любил пиво. И тоже приходил к Нику. Карабин в руках Ботаника не дрожал. Елена, между ходами вспомнил он, умела все. На нее много грязи вылили, а она выросла на фармацевтической фабрике. Из активного молодняка выбилась в «Королевы труда»...

55

«Мулт, открой!»

— *Конь берет на f-шесть...*

«Мулт, падла, вылезу — пасть порву!»

— *Король e-два...* — грохнул выстрел, в баньке взвизгнули.

Я нисколько не удивился. Я уже понял, что единственным авторитетом для Ботаника здесь был румын. Что бы между ними в прошлом ни происходило, они тянулись друг к другу. Но Нику Друяну, друг и брат, валялся на той стороне реки под темной, им же описанной сосной, сжигаемый ненавистью и бессилием.

Не зная этого, Ботаник считал себя главным.

— *Длинная рокировка...*

— *Пешка g-пять...*

В темноте зашуршали неуверенные шаги.

Знал я, знал прекрасно, что румын никак не мог выпутаться, ну никак не мог выпутаться хитроумный Нику Друяну из капроновой петли, но сердце застуча-

ло с перебоями. Знал я, знал, что румын, даже если бы переплыл реку, не мог вот так старчески, так беспомощно загребать листья ногами.

Он бы подполз скрытно.

Он не дал бы нам вскрикнуть.

И правда. В круг света вступил Степаныч.

Хозяина бывшего Дома колхозника заметно пошатывало.

Телогрейка на голое тело, мятые черные шаровары. Лисий нос, красный от возлияний. Как безумного мотыля влекло Степаныча на яркий свет. Не понимал, что происходит. Удивился:

— Кто такие?

— Пленные, — не совсем понятно ответил Ботаник.

— Как пленные? — испугался Степаныч, глядя на нас с Врачом. — Война началась?

Ботаник неохотно кивнул. Появление Степаныча нарушало установленный им порядок.

— Я ключи от погреба потерял.

— Сбей замок.

— Он новый.

— Тогда терпи.

«Мулт, падла, глотку порвем!»

Степаныч пораженно поднял глаза:

— И в баньке пленные?

— И в баньке.

— Зачем нам столько?

— Будут картошку тебе копать.

— Да какая сейчас картошка? Выкопали уже.

— В последний раз, что ли? — осторожно подал голос Врач. — Будут еще хорошие урожаи...

И еще осторожнее предупредил:

— Ты, Степаныч, с замком не спеши. В погребе тоже пленные.

Степаныч удрученно покачал головой. Он ничего не смог связать. Вопли и брань, несущиеся из баньки, ему не нравились. Лежащие в траве люди не нравились. «Барс» в руках Ботаника тоже не нравился. Что такое в самом деле? Уснул на часок, а тут уже война началась. С кем война? Почему столько пленных? Почему Ботаник при оружии?

— *Тата...*

Меня пробрало морозом.

Из-за сосны выступил человек.

Кажется, я действительно недооценил румына.

Нику Друяну все недооценивали. Так получалось. Потому он и шел седой тенью по провинциям разных стран. Голая грудь, голые плечи. Кровоточащие царапины, запястья в синяках.

— Брось мне карабин, *тата*...

Бросить карабин? Ботаник оглянулся.

Почему Нику голый? Если купается, зачем ему карабин?

Пленные — это понятно. Так, наверное, думал Ботаник. Степаныч — тоже понятно. Но почему Нику голый? Почему с него течет? Архип Борисыч тоже не мог связать концов. Зачем Нику карабин, если он купается? Ботаника не учили отдавать оружие. Если бросить карабин, пленные разбегутся еще до того, как оружие окажется в руках Нику.

«Мулт, глотку порвем!»

Все смешалось.

— Молчать! — вдруг заорал Степаныч. Что-то перегорело в его разъеденных алкоголем мозгах. — Всем предъявить путевки!

Зря он закричал.

Рука Ботаника дрогнула.

Карабин грохнул, как пушка.

Ботаник еще поворачивался, а Врач уже сшиб его на землю.

Я на лету подхватил «барс» и повел по опушке просветленной оптикой.

Вялая листва, сбитая хвоя, сломанная ветка... Бесформенные клочья мхов, брошенная бутылка... Как же без бутылки? Где вы видели лес без брошенной в нем бутылки? Меня била крупная дрожь.

— Лежать!

Но румын меня не услышал.

Когда я наклонился над ним, он выдохнул:

— *Тотул е бине, тата... Меня убили... Мулцумеск...*

Темные глаза закатились. Он принимал меня за Ботаника.

— *Е импосибил... Пэкат кэ сантымплат, тата...* — голое плечо румына дрогнуло. — *Ла реведере...*

«МЕФИТИЧЕСКИЙ МЯСНИК...

56

Стучал дятел.

Голова болела.

Роальд сидел за столом.

Полуденное солнце золотило траву, примятую колесами эфэсбэшных джипов.

«*Во ржи, что так была густа...*» Уютно, по-домашнему поскрипывали сосны. Поскрипывали стены бывшего Дома колхозника. Я и спал-то часа три, не больше, но всех уже увезли. Даже Степаныча.

— Они пазл забрали! — стонал Врач.

— По сравнению с тем, что вы тут наделали...

— А что мы тут наделали? — на всякий случай поинтересовался я.

— Что? — грубо ответил Роальд. — Татарин спятил. У него застарелый тюремный туберкулез, а вы сунули его в сырой погреб. Слабоумный клянется, что вы отстрелили ему палец. Один держал, другой стрелял. Рубик твердит, что вы напали на них, когда они у костра читали интересную книгу.

— А румын что утверждает?

— Румын? — Роальд опустил глаза.

Я понял. И так же, как Роальд, опустил глаза.

Земля пухом Нику Друяну, человеку из команды Дрейка.

— А Ботаник? — выглянул я в окно. — Где мой будущий родственник?

— В ФСБ ценят своих сотрудников. Даже бывших, — сплюнул Роальд. — Архип Борисович в госпитале. И твоя будущая теща при нем. «Ботаник, Ботаник!» — презрительно сплюнул он. — Затвердили, как попугаи. А у этого «ботаника» тридцать лет безупречной службы. Доходит? *«Жизнь короче воробьиного визга»*. Это Кондукатор считал, что скорее Дунай потечет вспять, чем в Румынии начнется перестройка. Не все так думали...

Роальд не зря дружил с авторитетными конторами.

Он лучше нас знал, почему Елена Чаушеску надеялась именно на румына. Собственно говоря, это она и настояла на секретных разработках Нику Друяну. Она как никто верила в великое будущее Румынии. Никто сильнее ее не верил, что Кондукатор построит великую Дакию — от Вены до Черного моря. Но не хватило времени. Катастрофически не хватило. Толпа окружила правительственный дворец и генерал Василе Милю струсил. Он не отдал нужный приказ, он предпочел застрелиться. Кондукатор сам вышел на Дворцовую площадь, но было поздно — его забросали камнями. Удрученный, он бежал в свою летнюю резиденцию Снагове. Молодой майор Ион Мареш, сопровождавший вождя, предложил укрыться в казармах Тырговиштского гарнизона. Елена Чаушеску смутно чувствовала неладное, но отговорить мужа не сумела. Майор беспрерывно клялся в верности, но уже двадцать пятого декабря бывший генсек был арестован и предстал перед военным трибуналом. *«У нас там каждый четвертый был осведомителем»*. На закрытом процессе прокурор Джику Попа предъявил Кондукатору обвинение сразу по семнадцати пунктам. Он знал, что делает. По каждому из предъявленных пунктов Николае Чаушеску светила высшая мера...

— А пазл?

— Этим занимался Архип Борисыч.

— Но зачем нужен пазл? Что это такое?

— Не знаю, — грубо ответил Роальд. — Но в Румынии и сейчас верят, что Кондукатор почти успел заключить военный союз с высадившимися в Трансильвании инопланетянами...

57

— Они увезли пазл!

Роальд грубо усмехнулся.

У него тоже были претензии.

Пока мы издевались над богобоязненной и законопослушной компанией Рубика, не давали им читать у костра интересную книгу, отстреливали палец слабоумному, жрали теплую водку под закусь, выловленную из чужого погреба, а нажравшись, нагишом купались в реке, он времени не терял. Он работал за нас. Мы били баклуши и пьянствовали, а он пытался неимоверными усилиями компенсировать отсутствие придурков-энтузиастов. Например, Хорь и Калиныч вовремя получил нужную фотку. Через чьи руки? Неважно. Но, конечно, от лица Шурки Воткина. На чудесной цветной фотке, переданной Хорю и Калинычу, куртизанка-партизанка лежала лицом в изящном блюде китайского старинного фарфора. Нежные разводы, сияющий хрусталь. «*Я ведь мещанка по папиной родне*». Роальд не пожалел творческой выдумки. Первым выстрелом (на фотке) Ларису Осьмеркину отбросило на спинку стула (отчетливо была видна смазавшаяся кровь на стене), второй оказался смертельным. «И это все ты!»

Я кивнул.

Все плохое от меня.

Об одном жалел, ужасно жалел: теперь я уже никогда не поднимусь в элитную квартиру примат-доцента. «*Она здесь*». Румын и примат-доцент. Хорошенькая компания. «*Она здесь*». Теперь-то я знал, как следовало правильно произнести эти два слова. Теперь-то я знал, как удобнее ухватить косичку, стянутую зеленой резинкой. И как вмазать по узкому глазу, чтобы монгольский прищур совсем заплыл. У приват-доцента просторная кухня, широкие подоконники под мрамор, непременно дорогой музыкальный центр, много иностранных книжек. На овальном столе ваза с розами (алые, как кровь якобы убитой Ларисы Осьмеркиной). Прелестные кактусы в коричневых глиняных горшочках. Я бы показал примат-доценту чудесную страшную фотку (заранее обговоренную с Хорем и Калинычем), и он, конечно, непременно процитировал бы что-нибудь красивое. Он это любил. «*Марина, которой Бояном написано столько...*» Он ведь Боян. Он считает себя Бояном. Это все Лариски нынче — бляди. «*...в ту ночь, как обычно, с боярином Ставром легла*». Посмотрим, что он станет цитировать сокамерникам.

— Они все дерьмо, — поставил точку Роальд.

— Но мой пазл! Они увезли его!

— Видишь сумку?

О грубости Роальда ходили легенды.

Однажды заметка о нем появилась в разделе «животные».

Врач безнадежно наклонился над сумкой. Другая (спортивная) ждала нас на чердаке пустого домика, но Врач о ней даже не вспоминал. Из-за синяков вокруг глаз голова его странно напоминала череп.

— Мой пазл!

— Не твой. Румына.

— Брось! Мне ли не знать?

— Твой пазл в ФСБ, — грубо объяснил Роальд. — Они его забрали вместе с бандитами. Правда, они считают, что у них пазл румына. Но у них *твой* пазл. Не советую их в этом разубеждать.

— Хочешь сказать, что таких пазлов все-таки несколько?

— А где ты видел поле, на котором бы рос только один колосок?

— Подожди, Роальд, — сжал я виски. — Что ты знаешь об этой игрушке?

— Немного. — Роальд скучающе оглядел нас. — Покойный Нику Друяну считал свой пазл чем-то вроде резервного контейнера с топливом для инопланетного корабля. Сажал я одного. Тоже говорил, что у него дед — инопланетянин. Правда, ничего не говорил о том, почему дед облысел и почему у него такие плохие зубы. В официальном отчете на имя Елены Чаушеску Нику Друяну предупреждал об опасности. В случае разрушения топливного контейнера, считал он, взрыв мощностью превзойдет десяток водородных бомб. Европе при таком раскладе ничего не светило. Доходит? Так что был смысл ставить на великую Дакию от Вены до Черного моря...

58

А существуют ли инопланетяне?

Это другой вопрос. О нем говорить не будем.

Вот молчание Вселенной — это совсем другое дело. Молчание Вселенной — это давно признанный факт. Я осторожно наклонился над пазлом. Далекие отсветы, затаенные полыхания. *В тихом сиянии и славе.* Архиповна — круглая дура. Ей бы не в Австралии болтать с сумчатым Бредом Каллерманом, а сидеть в Доме колхозника. Если коробку наклонить, загадочное желе обвисает нежной сексуальной складкой. А на левой груди Архиповны есть тату — чудесный лиловый цветочек. Сквозь облачки неясных туманностей проглядывали силуэты звездных обнюхивающихся мышек. И еще какие-то выбросы, спирали, вихри. Когда перед отъездом я намекнул Архиповне, что пекулярные галактики напоминают мне нечто живое, она страшно удивилась: «Ты еще скажи, что они разумны». И обняла меня: «Я думала, ты только в постели бормочешь всякие милые бессмысленности!»

Но там что-то изменилось.

Звездные мышки показались мне испуганными.

— Роальд, — Врач думал о своем. — У тебя же друзья в ФСБ.

— Сажал я одного...

— Погоди!

Врач потрясенно провел мизинцем по темной поверхности желе.

Наверное, его укололо разрядом, он вздрогнул, и быстро заговорил:

— Я ведь не спорю, когда ты утверждаешь, что науками и искусствами можно будет заняться только когда мы пересажаем всех преступников. Бред, правда? Настоящий бред! Но я же не спорю. И ты не спорь. Пазлы надо собрать в одном месте...

— *«Эта трубка не простая а отнюдь клистирная»*.

— Ну да. Но ты сам подумай. Фрэнк Дрейк из Корнеля придумал изобразить на золотой пластинке схематический атом водорода, излучающий радиоволны, —

Врач здорово страдал. Синяки сильно уродовали его лицо. — Пластинку отправили в космос на «В[illegible] На ней же выгравировали орбиты планет Солнечной системы, даже с[illegible] ракетного корабля, покидающего третью планету...

— *«Мефитический мясник»*.

— Но если твой мир не похож на другие, если ты — вот такая разумная, раскинувшаяся в пространстве звездная мышка, то как тебе понять жалкую земную символику? Если ты похож на такую вот звездную мышку и весь соткан из миллионов звездных туманностей и скоплений, и занимаешь собой, своими ответвлениями чудовищные, почти безмерные пространства, то как тебе понять назначение человеческих тел?

— Проще простого, — грубо ответил Роальд.

Мы одновременно засмеялись. Но Роальд не думал шутить:

— Не можешь выразить смысл символами, пошли соседям сам объект!

— Ты хочешь сказать?.. Ты хочешь сказать?.. — глаза Врача вспыхнули. — Ты хочешь сказать, что этот пазл — часть Вселенной?.. Что нам попросту подбросили часть настоящей Вселенной?..

— *«Смутно вращая инфернальным умом»*.

— Это Нику Друяну додумался до такого? — вцепился в Роальда Врач. — Ну да! Ты же читал его отчеты. Ты сам это сказал. — Врач изумленно уставился на загадочное желе, мерцающее перед ним, как тусклое зеркало. — Значит, Нику Друяну не врал Кондукатору? Значит, он видел путь к настоящему контакту? Ну да, — заорал Врач, — посылать надо не символ, посылать надо сам объект! Любую схему можно интерпретировать как угодно, но сплав хрусталя с необычным изотопным составом — это именно сплав хрусталя с необычным изотопным составом, а живое существо со сложными макромолекулярными цепями — это именно живое существо со сложными макромолекулярными цепями...

— Ты что? Думаешь, в этой коробке целые миры? Думаешь, там галактики?

— Может, даже разумные! — заорал Врач. В течение ночи его не раз били по голове, вот он и спрыгнул с ума. — Теперь я понимаю. Теперь я понимаю! Послание, обращенное к другому разуму, должно выглядеть именно так. Никак не иначе. Отправлять надо то, что не претерпит существенных изменений в течение многих миллионов лет. Доходит? Такой вот пазл можно утопить, его можно обронить в сушильную печь кирпичного завода, на нем можно остужать самогон, стряхивать пепел, терять в Трансильвании, находить на дне искусственного моря. Он может переходить из рук в руки, от одной трибы к другой, от одного племени каменного века к другому, украшать храмы, валяться в кладовых. Будут проходить миллионы лет. Это неважно. Объект неуничтожим. Он будет теряться, его будут находить, даже не понимая, что он из себя представляет. Но однажды Шарль Мессье или Воронцов-Вельяминов составят Каталоги галактик. И тогда в глаза *разумному существу* бросится странное сходство звездных мышек, раскиданных в небе и отраженных в пазле...

59

На поясе Роальда задергался мобильник.

Он поднес трубку к уху и, ухмыльнувшись, передал мне.

Если это Лина, с нежностью подумал я, на этой же неделе поедем в Белокуриху. Постоять под душем, вода нежно стекает по бедрам... А если Инесса, сдеру с нее кислотные гольфики...

— Кручинин!

— Архиповна!

— Мое животное!

— Моя сладкая нежность!

Я смотрел в таинственные глубины пазла, ловил слабые отблески космических зорь, слышал родной голос и таял. Молчание Космоса? Да ерунда это все, придумки высоколобых! *Проблема сканирования с высоким разрешением.* Вот что должно волновать умного человека. Архиповна дозвонилась! Океанский накат, свист ветра на горном перевале, грохочущие раскаты лавин, писк зарождающейся слабой жизни, — разве разумные миры не могут воссоединиться?

— Зачем ты это сделал?

— О чем ты, родная? Откуда ты звонишь?

— Конечно, из Шереметьевской таможни!

— Прямо из таможни? Так соскучилась?

Я радовался. Архиповна не скрывала своих чувств. У нее сильные чувства. Она не выдержала и позвонила прямо из таможни! На ее левой груди крошечное тату — лиловый цветочек. Архиповна — не символ. Она — целая Вселенная!

— Когда ты прилетишь?

— Завтра, если меня не препроводят в тюрьму.

— Ты убила Бреда Каллермана? — обрадовался я.

— Я в шереметьевской таможне, — повторила Архиповна. В такт ее словам в глубине загадочного пазла мерцали и гасли нежные вспышки. *В тихом сиянии и славе.* — В течение получаса меня раздевали девушки-офицеры.

— Я бы справился с этим быстрее!

— Кручинин, животное! Ты специально это подстроил!

— Подставить тебя девушкам-офицерам? Ты что такое говоришь!

— В кармашке моей кофточки нашли тысячу долларов.

— Ну и что? Тысячу можно не декларировать.

— Но у меня есть еще и свои! Я получила деньги за выступления. Черт тебя побери, Кручинин! Десять новеньких сотенных бумажек, я даже не догадывалась о их существовании! В Австралии мне кофточка не понадобилась, я надела ее только перед посадкой. Кручинин, сладкое животное, я убью тебя!

— Тогда прилетай скорей!

66

Я был в восторге.

Если Архиповну посадят, я окружу ее вниманием.

Конечно, я не олигарх, но камеру оборудую, как для олигарха.

Подкуплю тюремных чиновников. Куплю всякое оборудование для одиночек. У нас с Врачом на чердаке пустующего домика валяется черная спортивная сумка, доверху набитая валютой. Деньги бандитов пойдут на доброе дело. Буду носить Архиповне научные журналы, новые Каталоги галактик. Покажу ей пазл. Много ей не дадут. Отсидит, выйдет честная. А Бреда Каллермана, как иностранца, к ней никогда в камеру не допустят.

Качнулась за окном ветка. По низкому потолку метнулся зайчик.

Над этим пазлом, подумал я, могли плавать панцирные рыбы. Мы не знаем, когда и кем он послан, как попал на планету Земля. Динозавр мог наступать на эту прохладную коробку. Египтяне замуровывали пазл в темных переходах пирамид, японский солдат гасил в желе дешевые сигареты. Ботаник пальнул из карабина...

Ботаник!

Из карабина!

Кажется, Врач, подумал о том же.

Он молча приподнял пазл. Он внимательно изучил его стены, дно, но не нашел никаких пробоин. Значит, пуля еще летит! Пальнуть по Вселенной! Пуля пронизывает пространства, ее путь почти бесконечен.

— В эту штуку стреляли из карабина!

— Не в эту, — отозвался Роальд. — Та в ФСБ.

— Ты не понял. Я говорю о том, что Ботаник в упор пальнул по нашей Вселенной!

— Сажал я одного. Всех-то делов! Ну, пальнул. Ну, оторвет хвост какой-нибудь звездной мышке...

Мы переглянулись.

Слова Роальда нас поразили.

Оторвет хвост? Звездной мышке?

Так вот откуда неясная тревога, источаемая дальними зарницами, вспыхивающими в неимоверных глубинах пазла. Пуля, выпущенная Ботаником, летит. Она преодолевает бесконечные пространства. Масштабы там смещены, они чудовищны. Мы можем ждать реакции на выстрел Ботаника еще миллионы лет. *«Во ржи, что так была густа»*. Но пуля выпущена. Десять тысяч лет или сто миллионов — для Вселенной все равно.

61

«Легла прелестная чета...»

62

А пуля летит.

63

«Со скоростью превосходящей все последние изобретения».

НАТАЛЬЯ ОСОЯНУ

ПЕРО ИЗ КРЫЛА ФЕНИКСА

ЗОСЛЕПИТЕЛЬНО СИНЕЮЩЕЙ ДАЛИ — ТОНКАЯ, КАК ЛЕЗВИЕ бритвы, граница между двумя безднами. Звон в ушах — отражение смеха; это солнце смеется над букашкой, червем никчемным, что дрейфует без руля и без ветрил.

Его руки онемели от напряжения и вот-вот упустят спасительное, но предательски скользкое бревно. Он видит, как над водной гладью парят призраки — прозрачные руки то и дело тянутся, норовят схватить, увести за собой. Беззвучно шевелятся их тонкие губы: разве ты не настрадался вдосталь? Разве не просил всех богов, в которых верил и не верил, о встрече с нами? Так вот мы, здесь. Просто протяни руку — и все закончится.

Просто... протяни... руку...

Он многое мог бы им рассказать и объяснить, но язык его неподвижен, как дохлая рыбина. Рассудок — или то немногое, что от него осталось, — издевательски хохочет, и смех эхом гуляет под сводами пустого черепа. Тсс, тише! А не то из глубины поднимется смертоносная тень с восьмьюдесятью щупальцами и утянет туда, где Морская царица и Великий Шторм кружатся в вечном танце. Там быстро рыбы принарядят нового гостя и устроят украшением на коралловом деревце — маленьким белым скелетиком...

Нетерпеливый призрак скользит над водой, все ближе и ближе. Знакомый суровый взгляд из-под насупленных бровей, грозно топорщатся жесткие усы — а широкая ладонь, испещренная шрамами, уже совсем близко. Вот-вот схватит за шиворот, точно котенка, и утащит!

...от страха он отпускает бревно.

Тотчас соленая вода накрывает с головой, даруя облегчение и боль, неся прохладу обожженному лицу и разъедая раны. Он кричит, захлебываясь в собственном страхе: нет, нет, ещё слишком рано! Я не хочу к Морской царице!!! НЕТ!!!

Он неуклюже барахтается, словно только-только научился плавать, и вечность спустя вновь хватается за вожделенное бревно — а потом понимает, что окончательно сошел с ума.

На бревне появляются два глаза, которые смотрят очень сочувственно...

— Тако! Эй, шкипер! Глянь, какую интересную рыбу я поймал!

Полное безветрие закончилось; норд-ост крепчал, и Тако не торопился обернуться на оклик помощника — прежде всего, следовало проверить, хорошо ли затянуты узлы. Если нагрянет шторм, их старой шхуне придется несладко: прошлая буря сильно потрепала «Верную», и мачта едва не сломалась. Тако хо-

рошо знал предел возможностей своего кораблика; шхуна, в свою очередь, доверяла капитану.

«Мы с тобой столько штормов прошли, что иному боевому фрегату не снилось, да? Не́ грусти, малышка — вот вернемся в порт, и ты сможешь отдохнуть...»

Шхуна прочитала его мысли и ответила образом родной гавани: утреннее солнце золотит крыши рыбацких хижин, волны ласково шепчутся с деревянным причалом, легкий бриз колышет мачты маленьких кораблей.

— Шкипер, ты бы поспешил, а то рыбка сдохнет!

— Кракен тебя побери... — зарычал Тако и осекся. Здоровяк Унаги держал за шиворот утопленника — точнее, еле живого от ран, усталости и солнечных ожогов мальчишку. — Проклятье, Унаги! Что тебе стоило сегодня спать за работой, как ты обычно делаешь? Спать, а не смотреть туда, куда не надо, и уж подавно не ловить *такую* рыбу!

— Шкипер... — Матрос остолбенел.

— Дубина. — Тако сплюнул за борт. — Забыл, что случилось перед самым нашим отплытием?

Унаги считали туповатым и недалеким увальнем, способным только перетаскивать тяжести и заливать пиво в бездонное брюхо, однако шкипер достаточно долго наблюдал за матросом, чтобы понять: на самом деле здоровяк хитер и изворотлив, а дурачка изображает потому, что с невеликого умом и спрос невелик.

— Ты о башне, да?

Отсутствие любопытства — ценное качество, но когда к родному берегу подкатывают мутные волны междоусобной войны, оно и вовсе переходит в разряд «днем с огнем не сыщешь». С того дня, как жители Сармы узнали, что *пламенный Феникс*, лорд Фейра был предательски убит, а его старшего сына обвинили в заговоре против Императора и казнили, над гаванью словно нависло плотное темное облако. Рыбаки сделались подозрительными и молчаливыми; в тавернах по вечерам было тихо и скучно, во взглядах редких посетителей читались смятение и тревога — что теперь будет? Неужто в самом деле такое возможно — чтобы уничтожили целый клан?

А Тако был по-прежнему спокоен и на осторожные вопросы отвечал всегда одинаково: «А мне-то что? Не интересуюсь...»

Время шло, «Верная» продолжала перевозить грузы. Пять дней назад шкипер и его помощник как раз перетаскивали ящики с товаром, когда в северной части порта раздался страшный грохот — и тут-то старый рыбак решил выкурить перед выходом в море ещё одну трубочку. Целиком поглощенный этим важным занятием, Тако внимательно слушал, о чем говорили проходившие мимо люди. Когда трубка потухла, он уже знал, что случилось: взорвалась башня алхимика Лейста Крейна.

Алхимик был магусом из клана Воронов, и его недолюбливали, как и всех прочих небесных детей, — за долгий век, за железное здоровье и нечеловеческую силу, — поэтому во всех догадках о причинах взрыва присутствовала изрядная доля злорадства.

Дескать, доигрался.

«Вороны — следующие? — спросил себя Тако, вытряхивая пепел из давно остывшей трубки. — А мне-то что... я не интересуюсь...»

Нашлись люди, которые видели, как старый колдун впустил троих незнакомцев в черном; странные гости очень быстро ушли, а вскоре башня превратилась в груду камней. К счастью, стояла она на отшибе, и по соседству домов не было — один лишь старый сад, в котором вывернуло из земли половину деревьев. Неудивительно, что алхимика вместе с его учеником тотчас признали покойниками.

Тако лишь однажды повстречал этого самого ученика в порту, но запомнил его лицо. У парнишки были забавные разноцветные глаза — один зеленый, другой синий. Да ещё имя, его часто повторяли — Кристобаль. Не иначе, мальчишка был где-то под крышей, и взрывом его отбросило далеко в море; там он уцепился за бревно и поплыл по воле волн. Шкипер прикинул расстояние и скорость течения: да, все сходилось.

...Ну зачем мне неприятности! — взвыл Тако, ощущая, что «Верная» начинает нервничать. — Я простой рыбак! Иногда перевожу кое-какие грузы из Сармы в Огами, но лишнее внимание мне ни к чему! А теперь как щупачи прознают о таком *улове*... эх, плакала моя спокойная старость, мой домик и сад яблоневый...

— Но мы не можем его бросить, — тихо, но уверенно проговорил Унаги. — Он живой. Видишь, дышит?

— Вижу! — рявкнул шкипер. — Думаешь, я совсем бессердечный?

Унаги с неожиданной аккуратностью положил мальчика на палубу, и Тако ощутил, как «Верная» выпустила невидимое щупальце и принялась очень осторожно обследовать незваного гостя. Это было редчайшим проявлением любопытства со стороны шхуны и могло значить лишь одно: в мальчишке дремал талант навигатора.

— Хм. — Тако почесал заросший подбородок. — А вот это интересно...

Настроение шкипера сменилось быстрее, чем ветер над морем.

Он склонился над бездыханным телом. Бывший ученик алхимика дышал хрипло, со свистом; тело покрыто ожогами и порезами, правая сторона лица сильно обгорела на солнце, а левая полностью скрылась под коркой запекшейся крови. Уцелел ли глаз? Если нет, то даже лучше: с такой особой приметой найти мальчишку не составит труда. «Потрепало тебя изрядно, — пробормотал старый моряк. — Как только жив остался? Не думал я, что человек на такое способен...»

В этот миг Унаги удивленно воскликнул:

— Искусай меня медуза! Да ты только глянь на это!

Тако послушно перегнулся через фальшборт и обомлел.

Посреди волн плыла рыбина длиной в три локтя, с высоким плавником на спине и костяным выростом на носу. Она неотступно следовала за «Верной», держась на почтительном расстоянии... и от неё тянулось тонкое, еле ощутимое щупальце, — прямиком к лежавшему на палубе мальчишке. Унаги, конечно, этого не увидел.

— Какие странные у неё глаза... — прошептал матрос. Они и впрямь оказались удивительные, *разноцветные* — зеленый левый и синий правый. «Почему меня это не удивляет?» — подумал шкипер.

Масть у кораблика была редкая, с прозеленью.

— Ну-у, тихо, тихо. — Тако погладил борт шхуны, ощутив, что та напряглась, словно старая склочница, завидевшая первую красотку в городе. — Чего дергаешься? Она хоть и *шустрая*, но маленькая совсем, а ты у нас опытная, так ведь? Ты самая лучшая в окоеме.

Незамысловатая похвала в сочетании с грубой лестью подействовали. Убедившись, что маленький фрегат и не думает отставать, Тако обернулся к Унаги.

— Перетащи-ка его в тень и дай воды, — сказал шкипер. — В Огами мы прибудем к вечеру, а там сразу пойдешь в таверну «Услада моряка» и спросишь Велина-целителя. — Тако на мгновение умолк. — Может, ещё не будет поздно?

...а может, он все-таки отправится навстречу Великому шторму, считать острова? Ох, я старый грешник. Ладно, пусть боги все решат, а я побуду немного перевозчиком душ. Ох, Унаги, и зачем ты выглянул за борт...»

* * *

В маленьких портах, где все друг друга знают едва ли не с детства, незнакомцев всегда опасаются. А уж если время смутное, лихое, когда даже магусы, наделенные властью, не могут быть уверены в том, что поутру найдут свои головы на прежнем месте...

«Видал? — сказал один рыбак другому, когда однажды в полдень на причале показались высокий суровый мужчина и худощавая бледная девушка с необычайно длинными черными волосами. — Никто не хочет их на борт брать...»

Второй рыбак закивал, и оба принялись собирать снасти.

Странная пара появилась в Огами две недели назад. «Морская звезда» зашла в порт, чтобы пополнить припасы, а они сошли на берег — да там и остались. Хозяин дешевой гостиницы был единственным, кому они назвали свои имена: мужчина представился как Кайрен, торговец из Лазурной гавани, а девушка оказалась его невестой. Звали её Лара.

Едва это стало известно портовым сплетникам, Огами загудел. Торговец? Где же его товар? Да и девица не выглядела очень счастливой для невесты, хотя на Кайрена заглядывались девушки — он был статный, красивый мужчина. Жили эти двое замкнуто и поначалу никому не говорили, куда держать путь.

Так прошла неделя, а потом торговец и его невеста стали прогуливаться по причалу; Кайрен то и дело подходил к матросам со шхун и расспрашивал их о пути следования. Всем стало ясно, что эти двое ищут попутный корабль, а значит, деньги у них на исходе: чтобы нанять перевозчика, требовалась кругленькая сумма.

Миновало несколько дней, но Кайрен так и не сумел договориться ни с одним капитаном. Его невеста обычно следила за разговором, стоя поодаль. Её странная неброская красота напоминала о северных ветрах, и постепенно жите-

ли Огами стали побаиваться незнакомки: они наконец-то вспомнили о том, что именно на Севере сейчас слишком жарко...

— Вот скажите, сударь, куда катится мир? — Портовый нищий, дремавший на солнце, неожиданно схватил Кайрена за полу куртки. «Торговец» вздрогнул от неожиданности и невольно потянулся к поясу — туда, где ещё недавно висела сабля. Деньги за неё позволили им прожить две недели в Огами, ночуя под дырявой крышей и перебиваясь с хлеба на воду. — Сударь, разве это и есть та *Золотая эпоха*, которую нам обещали после вступления на престол императора Аматейна, да продлят боги его век? Его *век*... — Нищий рассмеялся хрипло и тоскливо. — Магусы, верно, надеялись поначалу переждать смуту... а вот и нет! Пришел и их черед страдать... пришел черед...

Он заковылял прочь, бормоча что-то о справедливом возмездии — грязный, старый, слабоумный. Кайрен глядел ему вслед, сжимая кулаки, а потом почувствовал полный скорби взгляд Лары.

— Он в чем-то прав, — тихо сказала девушка.

Кайрен покачал головой.

Док, цель их сегодняшнего поиска, выглядел очень старым — как и все постройки в Огами. Над заграждениями из серого камня, поросшего скользким мхом, непривычно низко покачивались мачты шхуны с убранными парусами; откуда-то снизу доносилось смутное эхо тихого разговора. Кайрен, оставив Лару на пристани, перебрался по шаткому мостику на осыпающуюся стену.

Док был осушен почти полностью, и шхуна лежала на песчаном дне, недовольно прищурив глаза. Возле неё бродил по пояс в воде худощавый парнишка; он то и дело останавливался, касался борта кончиками пальцев и на птичьем морском языке что-то говорил своему собеседнику, которого Кайрену не было видно.

— Эй, парень!

Юноша поднял голову; его узкое загорелое лицо пересекала черная повязка.

— Чего тебе? Не видишь, я занят.

— Скажи, это «Шустрая»? — В надежде на удачу Кайрен решил не обращать внимания на непочтительность, хотя случись такое на полгода раньше, мальчишка уже окунулся бы в грязную воду с головой.

— Да, а что? — Одноглазый ухватился за свисавший с борта трос и легко, словно белка, взлетел на палубу. — Есть предложения?

— Я хотел бы поговорить со шкипером Ристо...

— Шкипер занят. — Нахальный матрос улыбнулся. Шхуна внезапно заворочалась, подняв невысокие волны, и из трюма послышались приглушенные ругательства. — Если вы хотите перевезти груз, то учтите: наши трюмы полны. Разве что товар занимает мало места и его очень надо спрятать...

Кайрен оглянулся и встретил умоляющий взгляд Лары: девушка стояла достаточно близко, чтобы слышать весь разговор, и теперь на её лице была написана мольба.

— Наш груз прятать не надо, — сказал он, натянуто улыбаясь. — Всего два человека — я и моя невеста. Мы слышали, «Шустрая» направляется в Гармсиль...

Строго говоря, слышали они кое-что другое. «За такое дело возьмется только Ристо, — сказал один из капитанов после долгих бесполезных уговоров. — Он любит по лезвию ножа бегать». В переводе на человеческий язык это означало, что шкипер слегка сумасшедший.

— Ой, нет-нет! — Матрос решительно замотал головой, и шхуна снова качнулась. — Мы пассажиров не берем!

Кулаки Кайрена сжались.

— Слушай, наглец! Да как ты смеешь...

Договорить он не успел; из недр шхуны вынырнула взъерошенная физиономия, вымазанная чем-то черным, и заявила:

— Я все сделал, Ристо! Можно грузиться!

Кайрен похолодел.

— Вот и славно, Унаги, — кивнул подручному одноглазый шкипер. Должно быть, к его увечью все давно привыкли, потому и не удосужились предупредить. — Сейчас будем поднимать нашу девочку, я вот только разберусь с одним делом.

Глядя на Кайрена снизу вверх, Ристо вел себя спокойно и непринужденно. Впрочем, разве шкипер на палубе собственного корабля может испытывать неуверенность?

— Я о вас слышал, — сказал он негромко. — Молодая пара ищет шхуну, которая подвезла бы их до Гармсиля. Вы, верно, удивляетесь, отчего ни один корабль туда не идет?

Кайрен промолчал.

— Так я скажу. Проблема вовсе не в кораблях, а в вас самих. Только полный идиот мог не догадаться, кто вы такие на самом деле...

Пока он говорил, вода в доке начала подниматься, а вместе с ней и корабль. Кайрену вдруг показалось, что его надежды остались на дне, в мутной круговерти.

— Ваши лица совсем не загорели, — продолжал между тем шкипер, и его единственный глаз хитро прищурился. — Распознать в сударыне северянку не сумел бы только слепой. Вы аристократы, но знавали лучшие времена — это видно по одежде. Остается один вопрос: вы люди или *магусы*? Ответ, на мой взгляд, очевиден. Огами — город контрабандистов, и юная девушка, если она человеческого рода, ни за что не заявится в доки, пусть даже в сопровождении жениха...

Палуба поднялась достаточно высоко, и шкипер, разбежавшись, перепрыгнул на стену.

— Вот, собственно, и все мои догадки. — Вблизи было видно, что он и впрямь молод, хоть и не настолько, как показалось Кайрену поначалу. — Весть о том, что Император осадил цитадель клана Совы, дошла сюда недавно. Как вы двое выбрались из замка, окруженного войсками, мне не интересно. Клан Соффио попал под удар третьим, после Фейра и Амальфи. Мне, право, жаль... — Он чуть

помедлил. — Но я обычный рыбак и не намерен вмешиваться в политику. Вам придется подыскать другого перевозчика... — Ристо умолк и уставился куда-то мимо Кайрена.

— Вы слишком догадливы для простого рыбака, — сказала Лара Соффио, младшая дочь лорда Совы. — А хотите, я скажу, кто *вы* такой на самом деле? — Загорелое лицо шкипера побледнело, голубой глаз прищурился. — Вы мелкая рыбка, которая плавает у берега и всякий раз, поглядывая в сторону открытого моря, говорит себе: ну как же я могу отправиться туда? Там кракены и мерры, там водокруты и мурены — съедят и не заметят. А здесь, на мелководье, меня уважают и даже боятся...

— Можете считать меня трусом, сударыня! — Ристо насмешливо поклонился. — Моя шкура не тоньше шкуры фрегата, уколов я не чувствую. Засим позвольте откланяться — до Гармсиля путь неблизкий, а нам ещё грузиться.

Кайрен сжал тонкое запястье невесты. Миг, когда она вдруг стала излучать силу и мощь, как и подобает наследнице древнего рода, миновал — теперь перед ним была просто уставшая и расстроенная юная девушка.

— Пойдем, — тихонько сказала Лара. — Может, это ещё не конец? Сказано было когда-то: «...все яства и богатства земные скорми всепожирающему пламени, и когда ляжет серый пепел там, где бушевал огонь, — ты увидишь перо из крыла феникса, ты познаешь новую надежду...»

Кайрен внезапно ощутил на себе чей-то тяжелый взгляд. Он обернулся и увидел Ристо: шкипер стоял на прежнем месте, скрестив руки на груди. Что-то странное было в выражении его лица.

— Конечно, мне не очень-то хочется связываться с щупачами, — вполголоса произнес Ристо. — Но, быть может, они и не обратят внимания на *мелкую рыбешку*?

Лара закрыла глаза.

— Условия на шхуне далеки от роскошных. Слишком мало места...

Он отвлекся: уровень воды в доке сравнялся с наружным, и ворота открылись. Шевеля плавниками, шхуна стала выходить из дока, и шкипер напряженно следил за этим. Лишь убедившись, что все в порядке, он сказал:

— В общем, если вы не передумали — добро пожаловать на борт!

«...и с той поры между Кланами началась междоусобная война. С течением времени споры за острова все чаще решались руками простых людей. Даже необученный магус стоит десятерых, а уж отряд из пяти опытных воинов способен учинить страшные разрушения на поле битвы. Люди гибли в сражениях сотнями, а гарнизон из нескольких магусов мог удерживать небольшую крепость до тех пор, пока не кончалась вода...»

Лара Соффио захлопнула книгу и положила её обратно на полку.

До тех пор, пока не кончалась вода.

Последние полгода её жизни прошли как в тумане, где изредка посверкивали осколки некогда прекрасного витража, разбитого вдребезги в ночь первого

штурма. С чего все началось? С летящих в небе огненных снарядов, взрывов во внутреннем дворике, падающей крыши...

Она и Кайрен совершили побег в первые дни летней засухи, а теперь, должно быть, запасы воды в цитадели подходили к концу.

— От нас не останется даже книг, — пробормотала Лара, ведя тонким пальцем по краешку книжной полки. Этот предмет обстановки оказался неожиданной находкой на корабле контрабандиста, но ещё больше она удивилась, когда прочитала надписи на корешках.

«Искусство морской войны»... «Тактика»... «Осада крепости»...

Хоть их Ристо и старался всячески продемонстрировать, что войны магусов его не интересуют, полка выдала шкипера с головой. Он, конечно, повел себя очень галантно, уступив пассажирам каюту, но такую улику следовало бы спрятать. Отчего же он этого не сделал?

«Странно...

Следующая книга в её руках открылась сама, и девушка вздрогнула от неожиданности, но тут же успокоила себя: некто часто перечитывал именно эту страницу, только и всего.

«...не может подвергаться сомнению, что наиболее серьезную угрозу императорской власти и Трону представляет клан Феникса. Даже если не принимать во внимание легенды о том, что именно Феникс нарушил заветы основателей и научил людей пользоваться огнем...

Лара похолодела. Откуда у контрабандиста мог взяться «Огненный трактат», самая крамольная из всех запрещенных книг в Империи? Десять лет назад её отец успел пролистать такую же незадолго до того, как её пришлось бросить в костер, — а потом он передал *отражение* книги дочери, вместе с другими знаниями.

По слухам, в костер отправился и автор.

...не стоит забывать о даре, которым наделены все Фениксы. Пламенный взгляд — страшное оружие, перед которым мало кто устоит...

— Да кто ты такой?!. — прошептала девушка, и в этот момент дверь каюты распахнулась. На пороге стоял Ристо — руки скрещены на груди, единственный глаз смотрит так мрачно, что кажется — вот-вот испепелит её на месте.

— Ну, хватит, — заявил шкипер. — Читать чужие книги — это даже более бестактно, чем читать чужие письма! Положите-ка её на место!

— Что же вы их не спрятали? — Лара отступила на шаг. «Огненный трактат» она по-прежнему сжимала в руках. — Отчего не... — она осеклась. — Постойте-ка! Так вы что, подслу... ой... как же вы узнали, что я...

— Я на этой шхуне капитан, — хмуро отозвался Ристо. — Я вижу и чувствую всё и всех на борту, понятно?

Книга со стуком упала на пол. Шкипер наклонился и поднял её; бережно отряхнул обложку и поставил на полку. Лара стояла неподвижно, словно мраморное изваяние.

— Советую выйти на палубу, сударыня, — коротко бросил напоследок контрабандист. — Там свежий воздух и все такое...

...Три дня на борту «Шустрой» показались Ларе самыми длинными в её жизни.

Поначалу все было не так уж плохо. Ристо уступил гостям каюту, а сам отправился ночевать на палубу. «Я всегда так делаю летом», — сказал он небрежно, да вот только Лара на собственной шкуре успела испытать, что такое летняя ночь в этих широтах — пронизывающий холод, пробирающий до костей, да вдобавок к нему и сырость. Но если шкипер собрался сражаться с этими коварными врагами с помощью одного тонкого одеяла, она не намерена была его переубеждать: для пятерых человек кораблик оказался тесноват. На «Шустрой» была всего одна каюта — капитанская, да ещё тесный кубрик, где ночевали Унаги и Велин. Трюмы были под завязку заполнены какими-то ящиками, и Лара не торопилась узнать, что в них находится.

Здоровяк Унаги за все время их знакомства не проронил и трех слов, но зато он умел играть в шахматы, чем они с Кайреном и занимались почти все время. Велин — высокий, улыбчивый мужчина, чем-то напомнил Ларе старшего брата. Только Марку было сто тридцать лет, а Велин, должно быть, едва успел разменять четвертый десяток.

Лара не сразу поняла, что недосчитала одного члена команды — саму шхуну. Корабли всегда приводили девушку в трепет: вырастая из маленькой невзрачной рыбешки, фрегат мог превратиться в небольшую шхуну вроде «Шустрой» или настоящую громадину — «Морскую звезду»; все зависело исключительно от воли навигатора, с которым фрегат был связан. «Эта связь может прекратиться лишь со смертью корабля или навигатора, — когда-то рассказывал Ларе отец. — Тогда оставшийся в живых может подыскать себе новую пару... если, конечно, у него не пропадет интерес к жизни».

Уже на второй день Лара почувствовала себя неуютно, и причин тому было несколько. Прежде всего, шкипер: Ристо расхаживал по палубе с такой кислой физиономией, что благоприятное впечатление, произведенное его поступком накануне, испарилось без следа. Лара, тем не менее, мучилась угрызениями совести.

Вторая причина была серьезней, и звалась она «Кайрен».

...он станет твоим мужем. Так будет лучше для всех нас.

Их сговорили. Клан Совы, как и прочие семейства, пытался соблюсти баланс между чистотой крови и близкородственными браками; Хотя Кайрен был лишен совиной памяти, их родовые линии не пересекались восемь поколений.

...во благо Клана ты должна родить здорового и одаренного ребенка.

За день до их свадьбы произошел штурм.

Полгода осады не внесли в их отношения ничего нового: Кайрен при встрече говорил ей «вы» и целовал руку, а Лару это вполне устраивало. Бегство и невзгоды дальнего пути их сблизили ненамного, а вынужденное безделье привело к тому, что Лара призадумалась.

«Я же совсем его не знаю...»

...«Шустрая» резала носом воду, и брызги долетали до платья, но девушка не замечала этого.

— Не советую здесь стоять, — тихонько проговорил кто-то позади неё. — Промокнете и заболеете, а у меня снадобья закончились.

Лара обернулась.

— Так вы лекарь, Велин?

— Нет, не лекарь. — Он покачал головой. — Целитель. Знаете разницу?

Конечно, она знала.

— Вы исцеляете прикосновением руки? — Девушка восторженно разглядывала стоявшего перед ней человека. — Я знаю, что целители видят человека изнутри, перебирают его воспоминания, словно драгоценные камни. Восхитительно! Но разве целитель не может найти себе более достойное место, чем шхуна контрабандистов?..

Велин рассмеялся.

— Я вырос в городе контрабандистов, сударыня! К тому же, разве это место недостойное? Шкипер мой лучший друг, я когда-то спас ему жизнь, а потом он не раз спасал меня. Это ли не повод, чтобы находиться именно здесь, а не в другом месте?

— Вот как... — проговорила Лара. — Значит, долг крови?

Целитель снова не согласился.

— Долг дружбы, и больше ничего. Просто вы пока ещё не разглядели его настоящее лицо — возможно, он этого и сам не хочет.

Лара бросила короткий взгляд в сторону кормы: Ристо сидел там, скрестив ноги и выпрямив спину, и выглядел безучастным.

— Он все слышит, — ответил Велин на невысказанный вопрос. — Такова природа связи с кораблем. Можете себе представить, что сейчас он одновременно прислушивается к нашему разговору и к стуку шахматных фигурок о доску, чувствует течения и силу ветра, замечает каждую рыбину, проплывающую мимо?

Девушка попыталась — и беспомощно развела руками.

— Вот и я не могу. Поэтому не судите его слишком строго...

«А за что я должна его судить?»

Не открывая глаз, шкипер вдруг произнес:

— Унаги, на горизонте в самом деле фрегат, или Шустрая опять вздумала пошутить?

Здоровяк тотчас вскочил и направился к корме; Велин и Лара последовали его примеру, а Кайрен остался сидеть у шахматной доски. Приглядевшись, Лара высмотрела вдали еле заметную черточку.

Ей внезапно стало холодно.

— За вами, — сказал Ристо, продолжая сидеть в прежней позе. — Они опасны?

— Очень... — Лара опустила взгляд. — Но отчего вы так уверены...

Черточка-парус сделалась немного больше.

— Сейчас время смутное, торговые суда ходят только караванами. А этот фрегат, как видите, один — и весьма целеустремленно движется по нашему следу. Ветер ему благоприятствует, и скоро он нас догонит...

— Вы так и будете сидеть и ждать? — раздался у Лары за спиной голос Кайрена.

— А что, если я брошусь за борт, они испугаются и отстанут? — Голубой глаз приоткрылся и взглянул на магуса с иронией. — Ох, знал я, что вы двое втравите меня в большие неприятности...

Шкипер поднялся и стал наблюдать за приближающейся погоней с таким видом, словно не имел к ней никакого отношения.

— Это в самом деле страшные люди, — сказал Кайрен. — Ищейки Его Величества...

— Слышал о таких, — небрежно отозвался Ристо. Он смотрел за корму и поэтому магусу пришлось обращаться к его затылку. — Из каких кланов? Скопа? Или Ястреб?

— Скопа, — ответил Кайрен. Легкая заминка выдала его недовольство. — И, вроде бы, один из клана Чайки.

— Чайка подчиняет волю людей, Скопы делают дело, — кивнул Ристо. — Очень остроумно.

— Я не понимаю! — взорвался Кайрен. — Неужели вы не...

На горизонте уже можно было сосчитать паруса фрегата-преследователя.

— Я простой рыбак. — Шкипер развернулся и оказался лицом к лицу с разъяренным Кайреном. — Могу и испугаться.

— Ты, сволочь...

— Прекратите! — Лара бросилась между ними, загородив спиной Кайрена. — Сейчас не место и не время выяснять отношения. Если мы спасемся, то заплатим вам за все причиненные неудобства, но сейчас я прошу о помощи. Эти люди... им нужна я.

Кайрен сжал запястье невесты.

— Лара, не надо...

— Он должен знать, во что вмешался... — проговорила девушка, а Ристо пробормотал еле слышно: «Да, самое время». — Император уничтожает наш клан, потому что мы *Помнящие*, хранители знания, которое стало слишком опасным. Я храню память рода Соффио, от самого прихода основателей и до сегодняшнего дня.

Лицо Ристо осталось непроницаемым, и Лара вдруг поняла, что гораздо легче смотреть на его руки, скрещенные на груди, на удивительно тонкие пальцы.

— Я не знаю, что произошло с моими родными в Совином гнезде, — продолжала Лара. — Возможно, они все мертвы, и теперь Император хочет заполучить меня...

Шкипер молчал, и Лара тоже умолкла. Ей показалось, что все звуки исчезли, пропали — и далеко не сразу она поняла, в чем дело.

— Ветер стих, — сказал Унаги. Все это время он стоял, прикрыв глаза от солнца ладонью, и наблюдал за фрегатом. — Они замедляют ход...

— Вот бы нам сейчас помощь... — проговорил Велин, ни к кому не обращаясь. — Вот бы кое-кто приплыл...

Раздался тяжелый вздох. Тонкие пальцы дрогнули, беззвучно отбили барабанную дробь.

— В гроб меня сведете, — сказал Ристо тоном обиженного ребенка. — Унаги, где упряжь?

Здоровяк юркнул в трюм и вскоре появился на палубе со связкой веревок. Втроем они принялись закреплять веревки на бортах — так, что свободные концы падали в воду. Шкипер работал наравне со своими помощниками, а Кайрен и Лара наблюдали за этими бессмысленными действиями. Ветер опять усилился, и фрегат за кормой стал ближе.

— Готово! — Ристо отряхнул рукава. — Ну-ка, пригласим гостей!

Он резко отвернулся, и Лара почувствовала, как дрогнула палуба под ногами, — а вслед за этим послышался тонкий свист.

Ристо покачал головой. Слышно было, как он бормочет: «Кракен меня побери, не получается...»

— Сейчас будет неприятно... — начал Велин, и в этот миг снова раздался свист. Он почти сразу утих, а Лара почувствовала, что у неё заложило уши.

Палуба задрожала опять.

Веревки одна за другой стали натягиваться; Лара подбежала к фальшборту и от удивления чуть не свалилась в воду.

Бок о бок с «Шустрой» плыли твари. Их черные блестящие тела извивались, плавники работали споро, вздымая тучи водяных брызг, носатые рыла целеустремленно указывали на юг. В пастях твари сжимали веревки, и теперь Ларе сделалось ясно, отчего Ристо назвал тросы «упряжью».

— Боги, как их много! — прошептала она. Хоть существа и выглядели устрашающе, по сравнению с опасностью, поджидавшей в кильватере, они казались очень милыми. — Семь... нет, восемь! — Она рванулась к другому борту. — И тут тоже...

— Отойдите, — раздался голос Унаги. — Сейчас они понесутся.

Его предупреждение едва не запоздало: «Шустрая» внезапно рванулась с места и пошла так быстро, что у Лары закружилась голова и она едва не потеряла равновесие. Велин, оказавшийся к девушке ближе всех, оттащил её к мачте и тотчас кинулся к Ристо — лишь теперь Лара увидела, что шкипер выглядит совершенно обессиленным. Впрочем, стоило целителю сделать шаг в его сторону, Ристо тотчас выпрямился.

— Я в порядке, — проговорил он хрипло. — Ветер стих, очень удачно.

— Лишний раз подтвердим репутацию неуловимых, — Велин пожал плечами. — Но мне показалось, или ты в самом деле...

— Не показалось. — Ристо вытер пот со лба тыльной стороной ладони. — С каждым разом это все труднее. Если бы ты знал, как мне надоело... — он осекся, спохватившись, что на палубе есть кто-то чужой. — Вот, сударыня. Любуйтесь на дельфов, пока есть возможность.

— Это в самом деле они? — ошеломленно проговорила девушка. — Я... я читала, но...

В книгах её отца дельфы описывались иначе. Там говорилось, что они подобны змеям и нападают на фрегаты, если сбиваются в стаи... что они опасны. Испуг, должно быть, отразился на лице девушки, потому что шкипер сказал с усмешкой:

— Не все то, о чем предостерегают книги, опасно. И о скольких опасностях они умалчивают...

При слове «книги» она невольно вспомнила случившееся утром в каюте и вновь задумалась о том, откуда у перевозчика, промышляющего контрабандой, могла взяться запрещенная книга.

— Не подходите к фальшборту, — прибавил Ристо. — Качка будет усиливаться, вы можете выпасть...

Он покачнулся.

— Что происходит? — Лара уже не пыталась скрыть растерянность. — Как вы это делаете?

— Какая разница? — Шкипер вымученно улыбнулся. — Я вас спасаю, только и всего...

Кайрен стоял у кормы, сурово глядя за горизонт, как будто был на шхуне совершенно один. Лара вдруг поняла, что оставшиеся три дня на борту «Шустрой» будут совершенно невыносимы...

...Дельфы несли их до позднего вечера. Уже стемнело, когда зубастые создания побросали упряжь и скрылись во мраке, на прощание кувыркнувшись над водой. «С каждым разом это все труднее», — вспомнились Ларе слова шкипера. Интересно, от кого шхуне приходилось спасаться раньше? Воистину, странный корабль был полон тайн, но она слишком устала, чтобы думать об этом.

— Идите спать, — сказал Велин, который умудрялся весь вечер следить за ней и за шкипером одновременно.

— Меня мучает совесть, — ответила девушка. — Ваш капитан, он выглядит... уставшим. Мне неловко отнимать у него каюту...

— Не болтайте чепухи! — резко отозвался Ристо, на сей раз не сочтя нужным притворяться, что не слышит их разговора. — Со мной все в порядке...

Велин развел руками, и Лара не стала спорить. Она отправилась спать в каюту, а Кайрен, выглядевший отрешенным и задумчивым, устроился на тюфяке у двери. Девушка уснула, едва её голова коснулась подушки, но сон был тревожным.

— Лара! — Кайрен тряс её за плечи, его лицо было обеспокоенным. — Проснись!

Она и сама поняла, что пора вставать. Палуба под ногами сотрясалась, как будто кто-то бился о корпус «Шустрой», но это было только полбеды. Лара

ощутила волны страха, идущие со всех сторон — шхуна отчаянно боялась, но вот только чего?

Девушка наспех отряхнула помятое платье и выбежала на палубу.

Снаружи была глубокая ночь; палуба шхуны светилась бледно-зеленым светом, призрачным и очень неприятным. Дул сильный ветер, но почему-то Ларе показалось, что «Шустрая» не двигается, как будто вода вдруг стала густой.

— Идите в каюту! — прошипел Ристо. Он стоял у правого борта шхуны, сжимая саблю. — Вам тут делать нечего!

Лара огляделась и увидела, что Велин на корме и Унаги у левого борта — оба были вооружены, один — саблей, а другой — боевым молотом. Лица у них были встревоженные.

— Что происходит? — спросил Кайрен. — Нам грозит большая опасность? Я могу помочь...

Ответ Ристо убедил Лару в том, что опасность не просто большая, а смертельная.

— Нас занесло в гнездо мурен, — неохотно отозвался шкипер. — Они спят, но в любой момент могут проснуться, и тогда... боюсь, от нас не останется даже обрывка паруса. У меня в каюте под койкой есть ящик, в нем лежит абордажная сабля...

Кайрен вернулся в каюту, а Лара осторожно продвинулась к правому борту и выглянула через него. В клубящемся тумане ей не удалось разглядеть воду — одно сплошное месиво из плотно сплетающихся чешуйчатых тел. Они еле заметно шевелились во мраке, но пока что ни одна страшная голова, ни одна ощеренная пасть не взметнулась над змеиным ковром. Конца и края не было видно этому кошмару, и казалось, что «Шустрая» застряла здесь навсегда.

— Вы надеетесь от них отбиться? — прошептала Лара, искоса поглядывая на саблю в руках шкипера. — Разве у нас есть шансы?

— Шанс всегда есть, — так же тихо ответил Ристо. — Кроме того, я не намерен сидеть и смотреть, как от моего корабля будут отгрызать по кусочку...

На палубе показался Кайрен, и шкипер взмахом головы указал ему встать у носа. Лара вспоминала рисунки в древних книгах: разверстые пасти, острые зубы...

— Мы почти прошли. Осталось немного.

Лара решила, что шкипер просто хочет их подбодрить, но, взглянув в сторону носа шхуны, увидела вдалеке поблескивающую воду. Она приближалась ужасающе медленно: казалось, прошла целая вечность, пока нос шхуны вышел на чистое пространство, и сразу же её движение ускорилось. Лара искоса взглянула на Ристо: шкипер был по-прежнему неподвижен, но его губы чуть заметно шевельнулись: «Быстрее!»

Вот корпус высвободился до половины...

На две трети...

...и, наконец, «Шустрая» оказалась на свободе.

— Тише! — Ристо предостерегающе поднял руку. — Они не все спят в одном месте, бывает и...

Что-то глухо ударило по корпусу, и сразу же над правым бортом «Шустрой» взметнулась косматая голова с огромными светящимися глазами. Шкипер рванулся навстречу мурене, с силой оттолкнув Лару.

Шхуна вздрогнула, а змея издала трубный крик боли; тотчас позади раздались ответные крики. Парус «Шустрой» резко развернулся — полетели ошметки тросов, — и шхуна, поймав ветер, рванулась с места с такой скоростью, что Ларе почудилось удивление во взгляде, которым мурена проводила ускользающую добычу.

«Шустрая» неслась вперед, твари за кормой вопили все громче — а потом ветер неожиданно прекратился, и по правому борту шхуны разлилось серебристое мерцающее сияние.

Из тумана выплыло *нечто*.

Это был фрегат — но такого огромного корабля Ларе не приходилось видеть даже в столице. С десяток мачт вздымались над палубой, на некоторых вместо парусов висели почерневшие лохмотья, на других птицы свили гнезда. Корпус исполина оброс водорослями и ракушками так сильно, что напоминал, скорее, плавучий остров.

Фрегат был молочно-белого цвета.

Фрегат был совершенно слеп...

Чудище из детских сказок, создание, о котором даже в совершенной памяти Лары Соффио хранились лишь бесполезные обрывки сплетен, медленно проплывало мимо замершей шхуны и застывших в изумлении людей и магусов. Когда оно скрылось в тумане, то оказалось, что вместе с ним исчезли и мурены.

— Ч-что это было? — прошептала Лара.

— Понятия не имею, — честно ответил Ристо. — Если верить легенде... нет, глупости. Я думал, он не существует. — Он тяжело вздохнул и проговорил слегка сварливым тоном: — Может, вы отпустите наконец мою руку?

— Ох... — Лара покраснела до ушей. Она и не заметила, в какой момент схватила шкипера за руку, но теперь её ладонь хранила память о его сухих горячих пальцах. Она отступила на шаг — а потом шкипер начал оседать на палубу.

— Велин! — вскрикнула девушка испуганно, и целитель, который до сих пор вглядывался в туман, пытаясь рассмотреть там очертания белого фрегата, тотчас же оказался рядом.

«Со мной все в порядке...» — пробормотал шкипер. Его лицо исказилось от сильной боли, руки прижимались к животу, но Лара вдруг поняла, что не видит крови.

— Он не ранен. — Велин поднялся с колен и подошел к фальшборту. — Ранена «Шустрая», и это очень плохо...

Посреди борта, чуть выше ватерлинии, зияла глубокая рваная рана, из которой сочилась серебристая кровь — или то, что текло в жилах фрегата вместо крови.

— Что за балласт у нас в трюмах? — спросил шкипер, морщась от боли. Видно было, что он очень страдает и едва удерживается в сознании. — Как... обычно?

— Да, — коротко отозвался Велин. Подошел Унаги, опустился на палубу рядом с Ристо. Кайрен наблюдал за происходящим издалека. *Фрегат восстановит любую рану в том случае, если его снабдить сырьем.* Лара представила себе, как в трюмах «Шустрой» растворяются мешки с балластом и ей почему-то сделалось не по себе.

— Я... я сейчас... — шкипер вымученно улыбнулся. — Просто... отвык...

Корпус шхуны задрожал. Велин снова перегнулся через борт и стал наблюдать за исцелением, в котором он не мог помочь, а Лара следила за выражением лица Ристо: когда стало заметно, что боль постепенно отпускает, девушка вздохнула с облегчением.

— Почти все... — сказал Велин. — Вот... готово, даже следа не осталось!

Но палуба по-прежнему дрожала.

— Велин... — Лоб Ристо прорезала глубокая морщина. — Ох, нет...

Корпус судна залихорадило так, что Ларе пришлось ухватиться за фальшборт.

— Что происходит? — закричала она, но безответно. Раздался странный звук, похожий на протяжный стон, потом ещё и ещё один.

— Она жрет груз, — севшим голосом проговорил шкипер. — Кракен меня раздери, она хочет расти... Унаги, нет! — Здоровяк застыл у люка, ведущего в трюм. — Она намерена очистить трюмы и я не смогу её остановить... три тысячи кракенов...

Он тяжело поднялся, но тотчас же упал на колени, потому что палуба отрастила тонкое щупальце, которое схватило его за ногу и дернуло что было сил. Второе щупальце вцепилось ему в волосы.

— Не шевелитесь, — сказал Велин, вспомнив о её существовании. — Не двигайтесь, если вам дорога жизнь...

— Кайрен... — шепнула Лара и увидела, что Унаги удерживает её жениха и что-то ему говорит. — Что это такое, Велин?

— Это проблема, которую шкипер пытается решить уже не первый год, — вполголоса ответил целитель. — Шуструю не устраивает её нынешний размер, она хочет вырасти и стать фрегатом. А он пытается ей помешать. До сих пор получалось...

— А теперь? Что будет, если не получится?

— Ничего хорошего. Мы сейчас гораздо ближе к смерти, чем там, среди мурен. Если они не сумеют договориться, Шустрая сведет его с ума и разорвет на части, а потом примется за нас... не смотрите, не надо...

Он крепко взял её за плечо и заставил отвернуться; она лишь мельком успела заметить, как новые щупальца оплетают тело шкипера. Шустрая закричала снова и снова; это продолжалось так долго, что Ларе показалось — именно она сойдет с ума первой.

А потом стало тихо.

Всего на несколько мгновений.

Раздался треск, и палуба ушла из-под ног Лары — если бы не Велин, она упала бы в воду. Борта шхуны раздались, носовая часть внезапно оказалась в два раза дальше, чем была, а потом Лара почувствовала, что они поднимаются. Она крепко зажмурилась, но все-таки чувствовала, что трансформация продолжается и что шхуна наверстывает упущенное за несколько лет.

«Что она делает? В кого хочет превратиться?»

...когда Лара открыла глаза, она решила, что сошла с ума.

Она стояла на палубе самого прекрасного фрегата из всех возможных. Гладкие и хищные обводы корабля наводили на мысли о морских чудовищах, о свободе и о битве. Три мачты несли трепещущую громаду парусов, легко и свободно ловя ветер.

Паруса были темно-зеленого цвета.

...Шкипер, в трюме пусто, — доложил Унаги, заглянув в грот-люк. Особого желания туда спуститься он не выказал. — Шаром покати.

— Проклятье! — Ристо очень медленно поднялся, закрывая лицо руками. Его шатало, словно пьяного. «Шустрая» мчалась вперед, ловя ветер, и выглядела весьма невинно — ну, насколько это слово можно применить к фрегату. После того, что она натворила, бывшая шхуна словно показывала своим спокойным видом: вот *теперь* делай со мной что вздумается.

И все-таки, проиграл шкипер или выиграл? Лара огляделась. За такой фрегат любой капитан Его Величества продал бы душу — если б это могло помочь. Но контрабандисту этакая громадина, да ещё с приметными зелеными парусами, совершенно ни к чему. К тому же, из-за сумасбродства шхуны он потерял груз.

«Что же он теперь будет делать? Её не продашь, не подаришь. Даже не бросишь...»

Ристо отнял руки от лица, и Лара вздрогнула от неожиданности. Черная повязка исчезла — свалилась, когда «Шустрая» схватила шкипера за волосы. Под ней оказался здоровый глаз — обычный, если не считать цвета.

Он был зеленый. Такой же, как паруса «Шустрой»...

Разноцветные глаза прищурились, и Лара смущенно отвернулась. Ей стала понятна раздражительность шкипера и его нежелание брать на борт пассажиров: из-за них ему пришлось носить повязку и во время плавания, а это должно быть очень неудобно. Немного поразмыслив, она поняла и остальное: расчет был простым и действенным, она тому живое доказательство. Одноглазые в портах иногда встречаются — океан мало кого оставляет в целости и сохранности, — а вот о такой особой примете, как разные глаза, ей слышать не доводилось. Значит, он прячется... но от кого?

А ещё она наконец-то разглядела одну вещь, от которой захотелось поскорее оказаться в Гармсиле. Худое лицо Ристо с тонкими изящными чертами было очень красивым...

— Стерва... — беззлобно выругался шкипер и пнул грот-мачту. Корабль не отреагировал. — Кто теперь будет по счетам расплачиваться? Дрянь...

— Выбирайте выражения, — подал голос Кайрен. — Здесь дама.

— Пусть дама заткнет уши, — огрызнулся Ристо. — Мы в трех днях пути от Гармсиля. Без еды, без груза... без ничего. Но хуже всего то, что...

— Что за нами снова погоня, — перебил его Унаги, указывая рукой за корму. Это прозвучало так буднично и просто, что Лара даже не испугалась.

— В чем же дело? — Кайрен вопросительно поднял бровь. — Вызовите этих тварей... дельфов...

Ристо вгляделся в далекий горизонт — туда, где снова появилась черная точка, — и только после этого ответил:

— У нас нет упряжи, Шустрая её съела. Как и все остальное. А если бы даже и была — дельфы не сумеют тащить фрегат так же быстро, как шхуну... все, я устал...

Он махнул рукой и направился в каюту, позабыв о том, что временно там не живет. Когда за ним закрылась дверь, раздался настоящий шквал изощренных ругательств — к счастью, приглушенных.

— Она съела книги, — вздохнул Велин. — Мстительная зараза...

Направляясь к корме — туда, где стоял Унаги, — целитель дважды споткнулся на ровном месте.

— Ты так спокоен.

Кайрен кротко взглянул на свою невесту и улыбнулся.

— Почему-то мне кажется, что все будет хорошо. Может, этот Ристо что-нибудь придумает? Он находчивый. А если нет, я буду сражаться за тебя.

Лара отвернулась. «Какие громкие слова...»

— Один против троих. Ты не выстоишь.

— Значит, погибну за любовь.

— Это глупо! — она раздраженно дернула плечом. — Только в древних легендах рыцари так поступали, но я живу сегодня, сейчас! Я не хочу романтически погибнуть, я хочу выжить!

— Тогда выживи, — сказал Кайрен, и что-то в его голосе показалось Ларе странным. — Ты готова заплатить любую цену за жизнь?

— Да! — выдохнула она, не успев подумать. Лицо Кайрена осветилось улыбкой.

— Тогда я спокоен...

Фрегат-преследователь поравнялся с «Шустрой», но таранить не стал — его правый борт ощетинился абордажными крючьями. Своенравная зеленопарусная красавица, словно только что заметив погоню, попыталась увильнуть, но простой ловкости оказалось недостаточно — требовался опыт, которого не было ни у «Шустрой», ни у её капитана. Корпус фрегата содрогнулся, когда его пронзили крючья, а потом появились незваные гости.

Их было трое.

— Приветствуем, госпожа Соффио! — высокий человек в черном говорил очень уважительно и кланялся достаточно низко. — Наш господин велел передать вам заверения в дружбе и просил сопроводить к нему...

Лара оцепенела.

— Желательно — по доброй воле, — добавил второй магус. Третий — худощавый юноша в плаще с капюшоном — стоял поодаль, неподвижный и безучастный. — Нам не нужно кровопролитие, да и вам тоже.

Она не успела ответить, как Кайрен метнулся вперед, сжимая саблю.

...время потекло медленно-медленно — вот он заносит руку для удара, вот блестит солнечный луч на лезвии... а вот Скопа небрежным движением отмахивается, словно от надоедливой мухи — и Кайрен падает навзничь.

Под ним растекается лужа крови.

Медленно...

Кисть Скопы покрыта костяными шипами, а смертоносным когтям позавидовал бы любой хищник. Он улыбается.

— Но если невозможно обойтись без кровопролития, то — увы...

— В самом деле — увы, — раздалось позади. На лицах ищеек отразилось мимолетное удивление.

— А-а, вот и капитан этого прекрасного фрегата! — сказал старший. — Император отблагодарит тебя за такой подарок его флоту, ха-ха... может, объявит героем... посмертно, естественно...

— Мне это не нужно, — ответил Ристо, обходя Лару, которая по-прежнему не могла пошевелиться. — Я скромный.

— Как пожелаешь! — прошипел Скопа, занося когтистую ладонь...

...а в следующий миг на палубе «Шустрой» вспыхнули три живых факела.

Лара смотрела, не в силах закрыть глаза: вот Ристо взмахивает рукой, и магусов охватывает ревущее пламя — жадное, голодное. Пыхнуло жаром, словно из раскаленной печки, а потом все закончилось так же быстро, как началось.

Никто даже не успел вскрикнуть.

— Бросьте за борт этот уголь, — шкипер сморщил нос. — Хотя, надо признаться, при жизни от них воняло сильнее...

Он повернулся к чужому фрегату, который по-прежнему оставался сцепленным с «Шустрой» — она подрагивала, пытаясь стереть с палубы три опаленных пятна.

— Я знаю, вы меня слышите! — крикнул Ристо. — И знаю, что среди этих детей кракена не было вашего капитана! Вы сейчас уберете крючья и отправитесь восвояси, понятно? И забудете о том, что видели...

Никто не ответил ему, но абордажные крючья один за другим стали подниматься...

— Я сейчас, сейчас! — Велин опустился на колени возле Кайрена, который неподвижно лежал на палубе. Лара очнулась от оцепенения и тоже приблизилась к жениху — она только сейчас поняла, что ранен он очень серьезно.

Ладони целителя сомкнулись, и между ними появилось золотистое сияние.

— Не надо... — вдруг проговорил Кайрен. Велин ошеломленно застыл. Первая заповедь целителя — помогай тем, кто попросит... Я не прошу. Не хочу, чтобы кто-то читал мои мысли...

— Ты бредишь. — Лара коснулась горячего лба. — Не сопротивляйся! Это ведь такой пустяк...

— Я в полном сознании! — Забывшись, он попытался подняться и застонал от боли. — Я хотел... чтобы ты знала... Мы сумели выбраться из Совиного гнезда... Помнишь, как это было?

Она помнила. Потайным ходом они вышли на другую сторону острова, где уже ждала лодка. Ночь была безлунная и холодная...

— Нас выпустили не случайно. — Голос Кайрена окреп. — Нас *не заметили*... потому что я выдал ищейкам местонахождение потайного хода... в обмен на твою свободу... но меня обманули...

Ларе показалось, что палуба ушла из-под ног.

Выдал?

— Но... это значит...

— Дальнейшее промедление будет стоить ему жизни, — послышался спокойный голос Велина.

— Ты... — Глаза Лары наполнились слезами. — Ты предал нас...

В ответ послышался еле различимый шепот:

— Я *тебя* любил...

— Лорд Фейра... или шкипер Ристо? Как мне теперь вас называть?

Усталый магус сидел, облокотившись о грот-мачту и вытянув длинные ноги.

— Последний лорд Фейра умер десять лет назад. Мое полное имя — Кристобаль. Если оно вам больше нравится...

Синий глаз приоткрылся, взглянул на неё с интересом.

— Вы что-то не кажетесь мне опечаленной.

— Это так заметно? — Лара отвернулась. — Род Соффио несет свое собственное проклятье. Мы живем прошлым, поэтому настоящее обретает для нас ценность не сразу. Пройдет время... и тогда я пойму, что произошло... тогда я сумею оплакать его...

«И вместо могилы приду к берегу океана».

— Но любовь существует вне времени, — возразил шкипер. — Вы же были обручены...

— А вы сожгли заживо трех человек, словно делаете это каждый день.

Он вздрогнул и ничего не ответил.

— Мы двое — осколки прошлого. — Лара подошла к фальшборту. — Если Кайрен в самом деле предал Соффио, то все мои родные уже давно мертвы. Но я пока что не могу это осознать, для меня это только слова...

— Мне было десять лет, когда уничтожили клан Фейра, — негромко произнес Кристобаль. — Нас заклеймили позором и стерли с лица земли. Я чудом

спасся. Человек, который приютил меня, был убит... а мне снова повезло. И я подумал: может, стоит начать заново? Новая жизнь, новое имя... новая судьба...

Лара покачала головой.

— Проще выпустить всю кровь из собственных жил.

— У меня почти получилось, — возразил магус. — Если бы не вы двое...

— Я снова слышу голос маленькой рыбешки, — девушка грустно улыбнулась. — «Ристо» — это ведь на самом деле не новое имя, а укороченное старое. И, мне кажется, имя «Шустрая» совсем не подходит фрегату...

Она не удивилась, ощутив, как палуба задрожала.

— В самом деле? А какое ей подходит?

Лара призадумалась.

Шустрая — маленькая, верткая и незаметная. После того, как шхуна выросла, её никак нельзя было назвать незаметной. Большой фрегат, горделиво несущий странные зеленые паруса... и внутри — трепетная душа, своенравная натура, упрямая и дерзкая... а что скрывается ещё глубже?

— Я чувствую с ней некоторое родство, — сказала Лара. — Я была такой же, когда обручилась с Кайреном. Когда думала, что люблю его... Она напоминает мне невесту перед алтарем...

НЕВЕСТА.

— Чья же она невеста? Океана?

Над головой Лары могучие паруса искали ветер. Нет, океан здесь ни при чем — он слишком стар и слишком огромен для такого создания. Океан, скорее, подошел бы на роль её отца, но вот жених...

Лара невольно рассмеялась. Ответ все это время кружился прямо над её головой.

— Ветер. Она — невеста ветра...

НЕВЕСТА ВЕТРА.

В недрах фрегата что-то глухо ударило — а потом забилось ритмично, словно огромное сердце. *Тук-тук...*

Лара обернулась — Кристобаль сидел все в той же позе, но выражение его лица было совсем иным. Это было умиротворенное лицо человека, который наконец-то обрел покой...

Они прибыли в Гармсиль в полдень.

Народ собрался на пристани быстро: желающих поглазеть на новый фрегат нашлось предостаточно. Кристобаль сильно нервничал, и его волнение передавалось «Невесте ветра» — или все было как раз наоборот?

— Я чувствую себя так, словно заново учусь ходить, — признался шкипер. — Она стала такой неповоротливой...

— А я чувствую, что в скором времени здесь будет не протолкнуться от желающих наняться на фрегат, — пробормотал Велин. — Нам понадобится корабельный мастер... и матросы, чтобы следить за парусами и чистить палубу... и ещё много кто...

— Об этом я подумаю завтра, — буркнул Кристобаль. — Поразмысли лучше над тем, как добраться до пристани — я ведь теперь не могу пришвартоваться у берега, там слишком мелко, а лодки у нас нет...

— Лодка уже направляется сюда. — Унаги взмахнул рукой. — Смышленый тут народ, нечего сказать!

— Да уж...

Лара стояла у фальшборта, краем уха прислушиваясь к разговору. Она радовалась за Кристобаля, который после примирения с кораблем выглядел по-настоящему счастливым, но к этой радости примешивалась странная горечь, незнакомое чувство, которому она не могла подобрать названия. К тому же ей следовало решить, что делать дальше.

В Гармсиле жил старый друг её отца, у которого они с Кайреном собирались просить помощи. Но теперь Лара впервые задумалась над тем, может ли она подвергать опасности этого человека?

Раньше о таких вещах думал Кайрен, а она предавалась тоске о прошлом.

— Нерешенные проблемы? — нарочито будничным тоном спросил Кристобаль.

— Всего одна, но большая, — вздохнула Лара.

— А-а... вот у меня их великое множество. Набрать команду. Не попасться на глаза кредиторам, чей груз я... хм... потерял. Разобраться, под каким именем сойти на берег... ах, да — самое главное! Где бы денег взять?..

Лара почувствовала, что краснеет.

— Я, кажется, не сумею сдержать обещание...

— Ни слова больше! — Кристобаль порывисто схватил её за руку. — Имя стоит дороже всех земных сокровищ, поэтому именно я в долгу, а не вы... — Он улыбнулся. — Ну, мне не привыкать быть в долгах, как в шелках...

Она промолчала, смущенно улыбаясь.

...А потом они сошли на берег и отправились гулять по городу. В Гармсиле Кристобаль раньше не бывал, его кредитор ждал прибытия шхуны «Шустрая» вместе с одноглазым шкипером Ристо — поэтому магус не стал надевать повязку и назвался настоящим именем, почему-то прибавив к нему фамилию «Крейн».

Ещё одно имя из прошлого? Так или иначе, Ларе это понравилось.

Они бродили долго и никак не могли насытиться Гармсилем — его просторными улицами, садами, приветливыми жителями. Взобравшись на холм, они полюбовались изумрудными парусами «Невесты ветра», и тут-то Лара призналась, что не любит зеленый цвет.

— А какой любишь?

— Цвет лесных фиалок...

На рыночной площади они поначалу растерялись, а потом Кристобаль вдруг что-то заметил неподалеку и попросил её подождать, пообещав, что скоро вернется. Он скрылся, а Лара осталась стоять, чувствуя себя слегка захмелевшей от этого восхитительного дня, который подходил к концу.

...говорят, это было страшно. В замке не осталось ни одной живой души.

— И что теперь? Там, наверное, поселят императорского наместника...

— Нет, его снесут — если уже не снесли. По велению Его величества от тех, кто предал его, не должно остаться никаких следов.

— А мне все-таки их жаль... вот уже третий клан пал. Кто будет следующим?..

Лара стояла посреди площади — среди толпы она ощущала себя совершенно одинокой.

«Никаких следов...»

Смысл сказанного ускользал от неё, словно верткая рыбка или скользкий угорь. Мертвы. Все защитники замка Соффио мертвы. Она спаслась благодаря предательству...

— Эй, милая! Хочешь, я тебе погадаю?

Не дождавшись ответа от странной девушки, гадалка отошла, боязливо оглядываясь. Лара по-прежнему стояла неподвижно, но теперь её мысли не ползли, точно улитки, а неслись быстрее дельфов.

Клан Соффио уничтожен, но Императору все-таки нужна их *память*. Если один раз его ищейки сумели разузнать, кто вывез Лару и Кайрена из Огами, им ничего не стоит сделать это опять.

— Я бы хотела остаться... — прошептала девушка чуть слышно. — Я бы хотела...

Где-то на другом конце рыночной площади Кристобаль Фейра нашел то, что искал — торговку с букетиками лесных фиалок...

* * *

Легкий ветерок тронул ветви деревьев в яблоневом саду. Закатное солнце светило ласково, и Тако с наслаждением вытянул ноги: в последнее время он стал мерзнуть.

— Старость не радость, — пробормотал старый моряк. — Видать, мой последний порт уже совсем близко...

Он вспомнил тот день, когда они с Кристобалем окончательно решили отпустить «Верную» в океан. «Она отслужила тебе пятьдесят лет, — сказал его ученик. — Между вами такая прочная связь, что я не представляю другого человека на твоем месте».

«Даже себя самого?» — спросил Тако, хоть и знал ответ заранее.

«Даже...» — тихо ответил мальчишка, и в порту качнулся парус «Шустрой», в те дни — совсем маленькой лодочки.

И они отпустили «Верную». Шхуна, лишенная капитана, долго кружила у острова — Тако частенько видел её паруса из окна своего домика на холме. Хоть они и договорились, что встречаться со шхуной больше не следует, он обманул Кристобаля и однажды, услышав зов, все-таки пошел на берег.

«Верная» была там. Она совсем одичала и уже мало напоминала себя прежнюю, но Тако узнал бы свой корабль, даже если бы тот превратился в каркардо-

на. Они смотрели друг на друга — стареющий моряк на берегу и *существо*, чей срок службы человеку подошел к концу, дикое и свободное.

А потом «Верная» уплыла.

— Я ни о чем не жалею, — пробормотал Тако. — Лучше пусть она будет свободной, чем служит кому-то другому...

Поодаль за деревьями залился лаем пес, и старик услышал чьи-то легкие шаги по дорожке. Его навещала соседская девочка, но сейчас приближалась не она.

— Отдыхаешь?

Тако кивнул.

— Можно мне?..

Он подвинулся, освобождая место на скамейке. Они долго молчали; Тако искоса разглядывал гостя — тот сидел, вытянув длинные ноги и устало опустив голову.

— Ты изменился, Кристобаль, — наконец произнес старый моряк.

Магус усмехнулся и ничего не сказал.

— Я знал, что ты не сможешь долго играть роль. — Тако шумно воздохнул. — Залатанная куртка шкипера Ристо для наследника Фейра тесновата. К тому же, люди в Огами заметили бы рано или поздно, что ты не стареешь...

— Ну, не стоит списывать Ристо со счетов, — с наигранной небрежностью ответил магус. — Он мне пригодится. К тому же, есть способы выглядеть старше.

— Да, конечно. — Тако чуть помедлил. — Красивое имя ты выбрал для малышки... хотя какая она теперь малышка? Ха-ха... Каково это — управлять не шхуной, а целым фрегатом?

Кристобаль поморщился, словно от зубной боли.

— Трудно, — признался он очень неохотно. — Она своенравна, упряма... бывает просто отвратительной...

— Прямо как ты сам, — Тако закивал, а Кристобаль хмыкнул. — Но все-таки в тебе что-то изменилось... я вот не могу понять, что именно...

Магус вместо ответа снял рубашку и повернулся к Тако спиной.

Старый шкипер долго рассматривал свежую татуировку — две танцующие птицы, чье оперение было черно-красным, не были ему знакомы, но он знал, что они означают.

— Я простой рыбак, — сказал Тако. — Но все-таки слышал как-то раз, что на всех клановых знаках изображено *по одной* птице, и только на императорском — *две*. Две цапли. Но это...

— Это фениксы, — спокойно кивнул Кристобаль.

Тако протянул руку, но побоялся дотронуться — ему вдруг показалось, что рисунок может его обжечь.

— Расскажи мне, что произошло...

— Я потом узнал, что Соффио пали и были перебиты все до единого — значит, она тоже это услышала и поняла, что осталась последней в роду. Но я все равно ждал...

Стемнело, и они перешли в дом — а там Кристобаль, не прерывая рассказа, подошел к очагу и дохнул на поленья, которые тотчас занялись.

— Надеялся, дурак, что она передумает...

— Но она не пришла.

— Не пришла, — эхом откликнулся магус. — Все небесные дети до ужаса упрямы. Она вбила себе в голову, что подвергнет меня опасности... глупая...

— И ты больше ничего о ней не слышал?

Кристобаль вздохнул.

— Месяц назад в Лазурной гавани в лавке одного торговца нашли десять экземпляров «Огненного трактата». Новехонькие. Конфисковали, сожгли... а потом нашли ещё и ещё...

— Совпадение?

Он покачал головой.

— Моя книга была последней, и её сожрала «Невеста». Восстановить книгу дословно мог только кто-то из клана Соффио, *помнящих*. То есть только Лара.

— И что ты теперь будешь делать?

— Хочу все-таки отыскать её. Это глупо — в одиночку бороться с Императором, пытаться сделать то, что не удалось целому клану...

Тако грустно рассмеялся.

— Не слышу убежденности в твоем голосе, сынок.

Магус покраснел и потупился, словно провинившийся мальчишка.

— И этот твой знак... уфф... не мне судить, но то, что ты намерен делать, опасно.

— Не спорю, — откликнулся Кристобаль.

— Смертельно опасно...

— Ты совершенно прав.

...и очень увлекательно.

Магус улыбнулся.

— Если ты пришел за советом, — сказал Тако, — то зря. Я тебе в этом деле не советчик. Но могу сказать одно... — он тяжело вздохнул и мечтательно возвел глаза к потолку. — Эх, хотел бы я оказаться вновь двадцатилетним, и чтобы «Верная» была рядом. Мы отправились бы в путь вместе — искать сокровища, вершить месть, проклинать и влюбляться, одерживать победы и помогать друг другу переносить поражения. Но мой век короток, а твой — почти бесконечен, да к тому же только начинается. Я могу лишь пожелать тебе удачи. А сейчас уважь старика — выпей со мной чарочку сидра...

В домике посреди яблоневого сада свет погас глубокой ночью.

И только тогда большая тень у Черных скал, удовлетворенно фыркнув, ушла в глубину.

ВИКТОР НОЧКИН

НЕЛЮБОВЬ

Эпизод первый

РИДРИХ ИДЕТ ПО ТЕМНОЙ ГАЛЕРЕЕ. ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ раздается глухой удар, своды дрожат, на голову сыплются клочья мха и куски сгнившей штукатурки. Это неприятно, шлем Ридрих потерял, когда протискивался в узкий лаз.

Еще после схватки на мосту, стало ясно — Игмор не устоит. Возможно, кто-то питает иллюзии, но Ридрих достаточно опытен, чтобы сообразить: без старого барона им не продержаться. Старик — тот был отличным вождем, в меру храбрым и в меру подлым... Но на этот раз Фэдмар переоценил себя. Не взбреди старому упрямцу в голову устраивать вылазку — все, быть может, обошлось бы. Да и после — можно было укрыться в замке, поднять мост... но вот приспичило остолопу Фэдмару затевать идиотский поединок с верзилой в зеленых доспехах! Теперь и сам лежит во рву с разрубленной башкой, и мост из-за него поднять не успели. По мосту лигисты подвели таран и колотят в ворота так, что весь замок содрогается. А сопляк Отфрид, баронов сын, совсем ошалел от страха и не знает, что делать. Потому Ридрих надумал, не дожидаясь, пока осаждающие прорвутся во двор и устроят резню, укрыться в подвале, в старой части Игмора. Здесь можно отсидеться — два, три дня... вряд ли потребуется больше. Когда искать защитников замка перестанут, Ридрих попробует выбраться. А сюда, в заброшенные подземелья, вряд ли заглянут.

Под ногами захлюпало, дальше коридор затоплен — интересно, как высоко поднимается вода? Снова над головой бухнул таран, сыплется склизкая дрянь, с плеском падая на залитый водой пол. Ридрих даже различил расходящиеся по луже круги. Странно, что в подземелье не совсем темно — похоже, фосфоресцируют стены и своды... Солдат шагает в воду и бредет, держась за осклизлые кирпичи. Неглубоко, едва-едва по щиколотку. Снова грохнул таран, посыпались ошметки... и — через несколько секунд — еще удар, теперь звук другой, это рухнули ворота. Конец, замок пал. Ридрих замер и несколько минут прислушивался — вроде бы он даже различает крики и звон оружия. Во всяком случае, таран больше не колотит. Солдат пожимает плечами и пробирается дальше.

Вскоре коридор раздваивается, Ридрих выбирает правый ход, там суше. Ход обрывается лестницей, ведущей вниз. Понятно, почему здесь нет воды на полу — имеется сток. Ступени покатые, покрыты слизью — незачем туда идти, неровен час, поскользнешься, так и башку недолго разбить. Солдат заворачивается в накидку и садится под стеной...

В галерее темно... клонит в сон... Плеск, топот, Ридрих вскидывает голову. Торопливые шаги, хлюпает вода, по стене скачут отблески — кто-то бежит, в его руке фонарь... Следом — еще шаги, тяжелые. Хриплое дыхание. Тот, что с фонарем, сворачивает влево, преследователи — за ним. Ридрих встает, вытаскивает меч, крадется к развилке. Выглядывает. Двое догнали беглеца, тот роняет фонарь, последняя вспышка, пламя с шипением умирает в черной воде на полу. В темноте мечутся тени, стальные лезвия высекают искры... Ридрих едва различает силуэты, дерущимся и того хуже — ослепли, когда погас огонь, рубят наугад. А беглецу не повезло — выбранный им левый коридор заканчивается тупиком, непонятно, зачем вообще был проложен ход... Бедняга отбивается, прижавшись к стене. Новый удар отшвыривает его, вываливается кусок кладки, с грохотом осыпаются камни, человек проваливается в образовавшуюся дыру, мечи преследователей с шорохом рассекают пустоту. Ридрих бросается на них, рубит того, что ближе. Крик боли, солдат выдергивает меч и едва успевает отбить удар, клинок ломается в руке — Ридрих скорее чувствует, чем видит это, сплеча бьет врага рукоятью в челюсть, тот визжит, отшатывается. Ридрих прыгает на него, оба падают в грязь. Прижимая правую руку противника коленом, находит горло, сжимает, наваливается всем телом, вминает в хлюпающую, чавкающую грязь. Пальцы лигиста скребут по рукаву — слабее и слабее... В проломе показывается спасенный Ридрихом беглец, но помощь не требуется — по телу врага пробегают последние конвульсии, он мертв.

— Я... сейчас зажгу... — тонким голосом.

Ридрих узнает мальчишку Отфрида.

— Фонарь? Не получится, намок.

— Нет, я и свечей захватил... Сейчас.

Вспыхивает огонек, свеча разгорается, выхватывает из тьмы исцарапанное грязное лицо баронета. Тут же серебристые очертания, обрисованные фосфоресцирующей плесенью, исчезают, их больше не различить.

— Ну и зачем ты сюда бежал? — спрашивает Ридрих.

— Здесь подземный ход, можно уйти из замка.

Ридрих поднимает руку — ему послышались голоса в галерее. Может, еще лигисты? Схватив Отфрида за рукав, солдат увлекает парня в пролом, потом торопливо втаскивает покойников — сперва одного, потом другого — и обрушивает камни потревоженной кладки. Выходит удачно, дыра, которой вошли, завалена, а следов не осталось в луже. Тесная галерея, черный проход уводит наклонно вниз.

— Идем!

Чуть позже Ридрих вспоминает, что у него нет оружия, и отбирает у Отфрида кинжал. Тот не возражает. Идут. Догорает свеча, Отфрид поджигает от мигающего огонька другую. Коридор низкий, но стены, выложенные камнем, выглядят надежно. Становится холоднее. Справа показывается темный прямоугольник — развилка? Нет, крошечное помещение. Склеп, что ли? Отфрид просовывает руку со свечой внутрь.

На полу два скелета — абсолютно голых, ни клочка плоти, ни пряди волос, ни остатка одежды. Только на одном тускло поблескивает цепочка с медальоном — обвивает позвонки у самого черепа, а другой сжимает рукоять меча, лезвие скрывается между ребер того, что с медальоном. Покойники лежат, охватив друг друга руками, сплетясь в ком. Беглецы протискиваются внутрь. Отфрид быстро хватает цепочку (трещит хребет, череп откатывается в сторону) и меч.

— Ты знаешь, кто это? — спрашивает солдат.

— Предки, — бормочет Отфрид, избегая Ридрихова взгляда.

— Между прочим, мне тоже причитается доля в добыче, — тут Ридрих замечает, что меч поврежден, острие отломано.

Баронет, удерживая свечу двумя пальцами, быстро стаскивает перстень с рубином, свеча дрожит в его руке. Ридрих осматривает перстень — золотой, массивный. Почему бы и нет?

— Ну, идем? Холодно здесь...

Мальчишка протискивается из склепа наружу, Ридрих наугад сует руку в нагромождение костей, пальцы встречают что-то твердое и гладкое.

Отфрид снова идет впереди, солдат следом. Теперь, когда у него есть перстень, а у мальчишки меч, он спиной к баронету не повернется. Хотя пацан и кажется безобидным, но если хоть немного походит на папашу... Украдкой Ридрих разглядывает находку — ничего интересного, отломанный кусок клинка с острием, ерунда. Сам не понимая зачем, наемник сует обломок в карман.

— Эй, что там, почему встал?

— Свеча гаснет. Ридрих, смотри — пламя отклоняется. Здесь сквозняк?

— Да, парень, похоже, мы почти выбрались... знать бы еще, куда...

Эпизод второй

Капитан Риллон прохаживается перед неровной шеренгой, оглядывает своих людей. Солдаты хмурятся и отводят взгляды. Не больше получаса, и начнется схватка, в которой большинство наверняка погибнет. Еще скорее — погибнут все. Можно ли сказать, что виноват в этом капитан? Сказать можно, кто из них, наемников, не поступил бы так же, как он — едва стало известно, что к войску герцога Энриха движется обоз со слабой охраной, само собой возникло решение — захватить богатую добычу именем его величества.

Когда лазутчики донесли, что обоз проходит соседним трактом, капитан как раз хмуро оглядывал с головы до ног Ридриха с Отфридом, явившихся проситься на службу. Оглядывал в десятый раз, раздумывая, нужны ли ему эти двое оборванцев.

После того, как они счастливо выбрались из захваченного замка, Отфрид увязался за солдатом, а тот согласился — уж лучше вдвоем. Прежде всего, беглецы привели в порядок одежду и умылись, потому что из подземелья вышли измызганными, в паутине и грязи — будто демоны из преисподней. Ридрих заметил, что мальчишка украдкой вытащил из кармана цепочку с медальоном и разглядывает. Перехватив взгляд спутника, торопливо напялил. Медальон выполнен в виде страшной оска-

ленной морды, рогатой, клыкастой, а глаза блестят красным — должно быть, крошечные рубины вставлены. Вещица затейливая, сделана искусно, но ценности небольшой. Меч из склепа тоже был не очень-то — обломанный клинок так и не удалось заточить, хорошее лезвие заканчивалось обрубком. В общем, перстень, подаренный Отфридом куда лучше. Кое-как приведя себя в порядок, побрели прочь от родового гнезда баронета. Пару раз натыкались на сожженные селения, однажды набрели на место недавней схватки — голых обобранных покойников никто не подумал похоронить. Хотя в этих местах непрерывно шли схватки между войсками его величества и дружинами мятежных сеньоров, истинный хозяин страны был один — война. Война собирала здесь налоги, война венчала и отпевала, война подчинила себе производство и торговлю, все молились и поклонялись ей одной... Беглецы решили подыскать какого-нибудь военачальника и наняться на службу — как еще выжить в краю, где владычествует война? Вернее всего — служить ей!

Ридрих напрасно обходил поле боя — оружия так и не нашлось, а Отфридов кинжал все же маловат. Пришлось подобрать древко пики и примотать кинжал к нему — вышло короткое копье. Пока солдат мастерил, парнишка все возился с клинком, пытался отточить. Вдруг вскрикнул и ухватился за грудь. «Что с тобой?» — окликнул Ридрих. «Нет, ничего...» — но сам полез под рубаху. Потом на ткани проступило крошечное темное пятнышко влаги — древним медальоном укололся, значит. Ридрих закончил возиться с копьем, и они двинулись дальше... Набрели на отряд капитана Риллона, и тот, может статься, отказал бы... но появились разведчики, сообщили о вероятной добыче, капитан и согласился. Обоз взяли легко, обошлось почти без крови... Да вдруг оказалось, что потому и охрана невелика, что герцог движется навстречу, и его авангард уже на подходе... Отряд Риллона прижали к реке, и не больше, чем через полчаса, солдаты герцога пойдут в атаку. Капитан прохаживается перед неровной шеренгой, смотрит на своих людей... они молчат... Взгляды устремлены на далекий пригорок, поросший кустами — за ним враг. Позади, там, где остались захваченные фургоны, фыркают лошади.

Доносится отдаленный топот копыт, над кустарником вырисовываются острия пик, солнце играет на них — длинные слепящие блики. Риллон становится в строй. Проходит минута, всадники уже на вершине — разглядывают наемников и ждут свою пехоту.

Отфрид выдвигается вперед, Ридрих косится на парнишку — лицо баронета меняется, чуть выступают челюсти, нависают надбровные дуги, глаза будто светятся под ними... Лицо паренька превращается в застывшую маску. Ридриху кажется, что он узнает эту гримасу, но, хоть убей, не помнит, где и когда видел нечто похожее.

— Прикрывай мне спину! — властно бросает Отфрид и поднимает нелепо обрубленный клинок.

Предводитель кавалеристов на холме машет узким значком на пике, длинные огни над вражеским строем разом гаснут — копья берут наперевес. С грохотом и бряцаньем кавалерия устремляется вниз. Сперва шагом, потом скорей, скорей, скорей... На холме показываются неприятельские пехотинцы, переваливают гре-

бень, но на них никто не глядит — наемники Риллона отшатываются, потом, смыкая ряды, подаются вперед. Отфрид выдвигается из шеренги, Ридрих следом... Топот нарастает, уже можно различить лица всадников... Ближе, ближе...

Отфрид шагает навстречу врагу, взмахивает оружием — древний клинок в его руке превращается в размазанный блестящий полукруг — Ридрих только успевает заметить, как срубленный наконечник пики летит в одну сторону, а всадник валится в другую. Фонтаном бьет кровь — у лошади почти отсечена голова. Вот это удар! Пораженный солдат едва успевает прийти в себя и разворачивается, чтобы всадить копье в бок кавалеристу. Древко разлетается в куски, Ридрих кидается к сбитому ударом Отфрида воину (тот пытается выбраться из-под лошадиной туши), бьет сапогом в лицо, вырывает меч... Вокруг — ад, крики, мечутся люди, их сбивают, топчут копытами, и среди ада шагает Отфрид с застывшей маской вместо лица, он рубит вправо и влево — брызжет кровь, со скрежетом разваливаются латы, взлетают отсеченные конечности. На него бросаются сбоку, сзади, стараются достать издали, Ридрих спешит, отбивает предназначенные баронету удары, тоже что-то кричит, рубит, рубит. Плечо обжигает — ткнул кавалерист, его тут же сметает с седла уродливый меч Отфрида Игмора...

К месту схватки подоспели вражеские пехотинцы, откуда-то выныривает капитан Риллон, он ревет, перекрывая вопли и звон оружия, размахивает здоровенным клинком, наемники мало-помалу собираются вокруг него. Капитан ведет их за Отфридом, неутомимо сшибающим солдат герцога — одного за другим... Те понимают, что сражение пошло не так, им обещали легкую победу... Вот они дрогнули, они отступают перед Игмором, пятятся, потом разворачиваются и бегут. Баронет неуверенно глядит на Ридриха, лицо у парня снова прежнее, губы дрожат.

Риллон подбегает, орет, восторженно хлопает по плечам, он поражен, сколько лет в битвах, а не видел ничего подобного! Сам всевышний послал вас, парни, капитан доволен, сулит двойную, нет, тройную плату, Ридрих морщится, капитан задел раненое плечо. Потом они спускаются к реке, солдат осторожно снимает рубаху и промывает рану... баронет обнажается до пояса, на торсе — множество порезов. Странно, что Отфрида не изрубили в куски, пока он, Ридрих, добывал меч... И амулет из склепа не болтается, а прилип на груди слева, кожа вокруг слегка припухла. Отфрид ловит взгляд солдата и отворачивается...

Эпизод третий

Они уже готовы. Вот-вот дадут сигнал. Галереи выкопаны, под фундаментом городских стен — подпорки. Когда его величество изволит махнуть платком, саперы вышибут бревна, стена просядет, и начнется штурм... Риллон снова прохаживается перед шеренгой наемников, но теперь вид у капитана бодрый и самоуверенный. Он — герой, благодаря ему изменился ход кампании.

Оказывается, войска Лиги, осаждавшие его величество в столице, уже начали голодать, груз, перехваченный Риллоном, был последней надеждой. Потому-то сам Энрих отправился встречать караван. Но произошло чудо — наемники отстояли

обоз, а герцог получил смертельную рану и умер на следующий день. После гибели главного вдохновителя мятежа, вожаки Лиги перессорились между собой, голодные солдаты грозили неподчинением, часть наемников покинула лагерь... Лигисты начали отступление — их армия, идущая по разоренной выжженной стране, распалась, рассеялась, стала легкой добычей королевских солдат, преследующих по пятам, — эти не голодали благодаря обозу, приведенному капитаном Риллоном... Вождь наемников был обласкан королем, осыпан наградами, а наобещали ему и того больше — после победы. Мятежные бароны разбрелись по вотчинам, Лига прекратила существование... И теперь королевские войска осаждают Мерген, где укрылся граф Оспер, самый значительный из уцелевших мятежников...

Ридрих с Отфридом остались в отряде, численность которого теперь перевалила за три сотни человек. Капитан Риллон нынче богат, он может содержать больше людей, он платит Ридриху вдвое, а Отфриду — второе против обычной доли. А после того, как они захватят Мерген, капитан станет еще богаче, его величество обещает три дня грабежа...

Ридрих оглядывается — что там, у королевского шатра? Нет, никакого движения, ветерок лениво колышет вымпелы над громадой алого шелка, шевелит плюмажи на шлемах застывших гвардейцев.

Ридрих теперь не похож на оборванца, на нем добротные латы, он обзавелся хорошим мечом... Отфрид тоже подобрал снаряжение, но обломанный клинок не бросил, на каждом привале правит и правит лезвие, но оселок не берет, а на советы обратиться к кузнецу баронет только машет головой, не отвечает.

Вокруг заговорили, наемник снова косится на королевский шатер. Вот полог откидывается, гвардейцы берут на караул. Показывается король, он тщательно вытирает кружевным платком ухоженные усы... оглядывается... поднимает руку...

По взмаху платка трубы заливаются ревом, офицеры выкрикивают команды, погонщики орут, хлещут лошадей, толстенные канаты напрягаются, дрожат. Лошади, подгоняемые бичами, тяжело переступают... шаг за шагом... С оглушительным грохотом часть городской стены проседает, обваливается, в стороны ползут громадные трещины, крошечные фигурки мечутся по гребню, размахивая руками... все тонет в густых клубах пыли. Перед строем Риллон выхватывает клинок из ножен, хрипло ревет — он, похоже, так и не протрезвел после вчерашнего совещания в алом шатре... Наемники устремляются в медленно оседающую пыль, там в серой пелене уже обрисовываются контуры пролома. Справа и слева тяжелым галопом несется кавалерия, обгоняя солдат Риллона — городские ворота распахиваются, оттуда рекой льется, блестя латами, железная конница графа Оспера — наперерез атакующим наемникам, но от пролома отрезать их не успевает, королевские кавалеристы врезаются в конницу графа, теснят к бреши. Риллон снова оказывается впереди и, размахивая мечом, ведет наемников в пролом. Там, на обломках обрушенной стены, уже выстраиваются пешие защитники города, ими командует верзила в зеленых доспехах, вооруженный палицей. Риллон, ревя, бросается на зеленого, тот взмахивает оружием. Минуту или две они обме-

ниваются ударами, справа и слева наемники карабкаются на груды камня, спихивают защитников, прорываются внутрь... Капитан, сраженный палицей здоровяка в зеленом, валится навзничь, его место занимает Отфрид, зеленый рыцарь шатается под ударами, отступает. Ридрих отбивает удар, подныривает под секиру противника, бьет локтем — прямо в вопящий рот... Взмах меча, крик обрывается. И тут же — с разворота — Ридрих разрубает бедро следующему противнику. Он не задерживается, чтобы добивать, это сделают идущие следом, он должен прикрывать Отфрида. Вот и баронет — стоит над поверженным противником и пристально разглядывает его. Сопротивление сломлено, Риллон в помятом шлеме ведет наемников в город, командует пробиваться к воротам...

— Отфрид, узнаешь? — Ридрих указывает на зеленого рыцаря. — Это ведь он прикончил твоего старика. На мосту, помнишь?

Баронет оборачивается, глядит на солдата, и Ридриху чудится, что прорези глухого шлема тлеют изнутри красным.

— Взять его, — командует Отфрид молодым новобранцам, — он мне нужен живым! Ридрих, за мной!

Получасом позже они шагают по улице, вокруг мечутся люди, но выхода нет — королевские войска вступают в Мерген со всех сторон. Отфрид время от времени взмахивает мечом, его путь отмечают изрубленные тела горожан — уродливый клинок оставляет страшные раны. Ридрих ограничивается тем, что раздает пробегающим мергенцам пинки. Следом двое новобранцев волокут связанного зеленого рыцаря, тот без шлема, густые кудри слиплись от крови, голова мотается в широком нашейнике.

На доме — зеленый герб. Дверь сорвана с петель.

— Ридрих, нам сюда, — командует Отфрид, хватая пленника. Новобранцам коротко бросает: — Свободны!

Отфрида боятся, его приказы исполняют беспрекословно. Баронет с пленником и Ридрих заходят внутрь. Там Риллон, он оборачивается к вошедшим. Отфрид велит солдату вести пленника в зал, и объявляет Риллону:

— Капитан, этот дом — моя добыча.

Командир сердито шевелит усами, он определенно пьян... Ридрих с зеленым удаляется, он не слышал, чем закончился спор, но вскоре появляется баронет. Снимает шлем, его лицо спокойно, черты будто затвердели. Швыряет зеленого на пол, вытаскивает оселок и извлекает из ножен свой укороченный меч.

Ридрих отходит в сторону, он уже догадывается, что сейчас произойдет. Баронет бьет лежащего сколотым обрубком — тупой клинок проламывает доспехи. Рыцарь орет от боли. Отфрид извлекает меч и принимается править оселком. Из пробитых доспехов сочится кровь. Баронет снова бьет пленника, и снова точит окровавленный клинок. Пленник то орет, то протяжно стонет. Ридрих не верит своим глазам — металл поддается оселку, кургузый обломок превращается в острие...

Распахивается дверь, ведущая во внутренние покои, вылетает молодая женщина, с криком бросается к зеленому, обнимает, льнет к окровавленным латам. Отф-

рид отшвыривает женщину, и Ридрих подхватывает, прижимает к себе, солдат понимает: если выпустить, баронет, не задумываясь, убьет ее. Новый удар, крик боли — Отфрид со скрежетом извлекает клинок из проткнутых лат и снова визжит оселком... Женщина бьется в объятиях Ридриха, обрывая кружево о заклепки панциря... Наконец баронет удовлетворен — его меч обзавелся острием. Коротковат, конечно, но уже не выглядит обрубком. Отфрид склоняется над зеленым рыцарем:

— Жив? Вот и хорошо. Поживи еще немного. Ридрих, тащи девку сюда.

Отфрид расстегивает и сбрасывает латы, подхватывает из рук наемника взахлеб рыдающую женщину. С треском рвется платье на груди... Пленница визжит. Ридрих отворачивается. Постепенно крики стихают, слышен только хрип умирающего рыцаря, прерывистое жаркое дыхание парня и ритмичные стоны женщины. Зеленый испускает последний вздох, и тут же шумно кряхтит Отфрид. Баронет поднимается, подходит к зеленому и мочится на труп. Потом застегивает штаны и говорит Ридриху, кивая на неподвижную женщину:

— Можешь взять... Или я должен был прикончить и ее?..

Он не спрашивает, просто рассуждает вслух. Ридрих подходит к женщине и склоняется над ней. Отфрид, пожав плечами, поднимает кирасу, шлем — глядит искоса... и выходит из зала. Спешить некуда, Мерген отдан во власть победителей на три дня.

Эпизод четвертый

Ридрих с Отфридом стоят у подножия холма — в этой лощине начинается подземный ход в Игмор. Сейчас они, задрав головы, разглядывают замок. Новый хозяин подправил укрепления, а перед подъемным мостом выстроен бастион. Должно быть, нынешнему владельцу крепости кажется, что Игмор неприступен, но если он не отыскал древний ход...

Война подходит к концу, Лига раздавлена, и Отфрид Игмор явился вернуть отцовское наследство. Теперь он — предводитель отряда наемников, поскольку Риллон геройски пал при взятии Мергена. Остывший труп капитана нашли в центре города, бедняга был разрублен от левого плеча к правому бедру вместе с доспехами. Что ж, на то и война — капитану не повезло. Его величество не слишком горевал о доблестном воине, смерть Риллона позволяла забыть об обещанных наградах... А отряд возглавил Отфрид — стоило юноше назвать себя, как все поспешили признать, что наемникам на королевской службе не найти лучшего командира, чем отпрыск старинного рода... Вскоре молодой (официально признанный) барон Игмор добился, чтобы отряд послали против мятежников, укрепившихся в его собственном замке.

Ридриху не нравятся перемены, произошедшие с сопляком и с его мечом. Если говорить откровенно, солдата пугает новый командир, пугает невероятная сила и неуязвимость, пугает странный меч и изменившееся лицо Отфрида. Да и обстоятельства смерти Риллона (зарубленного, похоже, со спины) заставляют задуматься: кто окажется следующим? Капитан стоял на пути к руководству отрядом, а Ридрих кое-что знает о бароне...

— Ну, ладно, идем! — бросает Отфрид и, не дожидаясь ответа, первым направляется к поросшему кустами склону. Он теперь никогда не дожидается ответа, только отдает приказы и уверен: их исполнят.

Раздвигая ветви, они крадутся между скалистым склоном и обрывом — овраг стал шире, теперь только узкая кромка оделяет его от почти вертикального ската горы, увенчанной замком Игмор. Вот и ход — черный провал, совершенно скрытый от солнца густыми зарослями. Ридрих осторожно, чтобы не звякнуть металлом, обнажает меч. Сейчас — самый удачный момент. Потом можно будет наврать что угодно — наплести о замковой страже, устроившей засаду, о рушащихся стенах, о змеях и о призраках игморского подземелья. А можно попросту сбежать, никто не вспомнит о простом солдате...

Отфрид, согнувшись, лезет в черный зев подземной галереи. Ридрих перехватывает рукоять поудобней, отводит руки и что есть силы бьет барона в спину. Клинок проходит по касательной, едва скользнув по ребрам. Барон выныривает на свет и, пригнувшись, уходит от следующего удара. Он улыбается чужой улыбкой, в руке — короткий меч. Тот самый меч. Ридрих не верит своим глазам, как он мог промазать? Понимает, что пропал, но отчаянно атакует. Клинки встречаются в воздухе, чудовищная сила сметает солдата с обрыва, он роняет оружие и вцепляется в кусты, ноги болтаются в пустоте, под ним — больше тридцати футов до ручейка, журчащего на дне оврага. Улыбка Отфрида становится шире, он заносит меч над головой, Ридрих разжимает руки и молча падает, ударяется о выступы скалы... Барон бьет коротким клинком под ноги, кусок почвы с кустами откалывается от обрыва и летит следом за Ридрихом, захватывает по пути камни, кусты и широкие пласты глинистого склона... Отфрид с минуту любуется обвалом, затем прячет меч в ножны, поворачивается и лезет в черный проем...

Эпизод пятый

Ридрих стоит перед знакомым домом. Зеленого щита больше нет, его отломали и, судя по всему, давно — скол замазан краской, не вполне подходящей по тону к той, которою выкрашен фасад, но пятно почти не выделяется. Со временем старая краска и новая почти слились, приобрели сходный сероватый оттенок... Прихрамывая, бывший солдат ковыляет вдоль здания, поглядывает на окна, из двухэтажного домика напротив вперевалку выходит толстая бабенка. У нее круглые румяные щеки и добрый взгляд, Ридрих расспрашивает ее о прежних соседях. Выслушав, кивает и бредет на рынок, тяжело опираясь на палку...

Прошло несколько лет с тех пор, как он сумел выбраться из-под обвала и доползти к дороге. Ридриху повезло — его не затоптали копытами и не переехали телегой... даже помогли добраться до ближайшего селения. Он выжил, сломанные кости срослись, знахарь заверил на прощание, что хромота со временем пройдет. Ну, разве что на погоду побаливать будет. Проезжие болтали, что в замке Игмор воцарился барон, сынок прежнего, упокой господи его душу, сущий разбойник был...

О молодом Игморе рассказывали и вовсе жуткие вещи, начиная с того, как он возник из ниоткуда в господском доме и шел по замку — из зала в зал, из коридора в коридор, убивая встречных, и никакое оружие не брало его... так что ополоумевшие со страху защитники крепости предпочли броситься вниз по склону, прямо на копья солдат, приведенных бароном и расположившихся лагерем у подножия горы. А уж как господин Отфрид расправился с пленными...

Ридрих шагает по улицам, вокруг шумит пестрая толпа, Мерген быстро поднялся после погрома, учиненного королевскими головорезами. Город удачно расположен, перекресток торговых путей, множество купцов, здесь последний нищий не умрет с голоду, всегда найдется сердобольный прохожий, готовый швырнуть грош в подставленную шляпу...

Напротив въезда на рынок сидит женщина. У нее прекрасные черные волосы, сейчас они растрепаны и в беспорядке лежат на плечах. Одежда оборвана и смята, в руках — лютня. Женщина перебирает струны тонкими грязными пальцами, и мелодия, пробиваясь сквозь базарный шум, звучит надрывно и печально. Слушая музыку, хочется жить и плакать. У ног женщины копошится одетая в лохмотья босая девочка трех или четырех лет. Рядом — кружка с несколькими медяками. Девочка, играя, бросает в кружку камешек, кружка звякает, женщина всхлипывает и бьет малышку по затылку, ребенок ревет... мать, бережно отстранив лютню, прижимает дочь к животу, целует пушистую макушку и принимается утешать, теперь плачут обе. Ридрих, стоя в стороне, наблюдает. Он, шевеля губами, подсчитывает месяцы: да, вполне вероятно, что девочка — его дочь или дочь Отфрида. Барон рыжий, у Ридриха волосы каштановые. Девочка же пошла в мать, брюнетка... так не определишь.

Выждав, Ридрих направляется к лютнистке, та уже наигрывает новую мелодию. В кружку летит серебряная марка, женщина поднимает глаза, огромные, черные. Ее лицо неестественно бледно, щеки впали, губы потрескались. Она тяжело больна.

— Если б малышка танцевала, тебе давали бы больше, — замечает бывший солдат.

— Ты? Помню. В тот день.

— Да. Иначе барон Игмор убил бы тебя.

— Я знаю. Но, может, так было бы лучше, — женщина смотрит в сторону, пальцы замирают, не доведя аккорда до конца. Лютня чистенькая, блестит лаком, выделяется рядом с обтрепанными лохмотьями. — Почему ты здесь?

— Я хотел его убить. Не вышло.

— Его нельзя убить.

— Почему?

— На нем ведь медальон? Маска демона с красными глазами?

— Откуда ты знаешь?

— Зигунд два месяца был комендантом в Игморе, он привез книги из замковой библиотеки.

— Зигунд — твой муж? Зеленый рыцарь? Он убил старого барона Фэдмара.

— Я знаю. Если хочешь, идем с нами, я живу за рынком. Прочтешь сам о проклятии Игморов. Ты умеешь читать?

Идут по рынку, женщина (ее зовут Ианной) бережно прижимает лютню, девочка (ее зовут Лассой) семенит, вцепившись в юбку. Поминутно малышка озирается на чужого дядю, глаза глубокие, как два черных омута. Она никогда не улыбается. В левой руке матери монеты из кружки, Ианна осматривает продукты, выбирает подешевле. Ридрих перехватывает взгляд спутницы и осторожно кладет тяжелую ладонь ей на плечо.

— Ты не будешь голодать и нуждаться.

— Мне осталось недолго, я знаю... — Она часто говорит: «я знаю». — Семя Игмора — яд. Но если ты хочешь позаботиться о ребенке...

— Ласса — его дочь?

— Или твоя.

Эпизод шестой

Ридрих шагает по улице и напевает, подыгрывая себе на лютне.

Ласса, приплясывая, вьется вокруг бродяги, то приседает и разбрасывает руки, то запрокидывает голову и так изгибается в талии, что черные волосы едва не касаются земли. Она ни на миг не остается на месте, непрерывно движется, ее невозможно разглядеть толком. На девушке длинная юбка темно-красного цвета и открытый жилет, оставляющий голыми плечи. На шее — бечевка, должно быть, какой-то амулет или медальон. Когда оборачивается, видны босые ноги и разлетающаяся веером дорожная пыль. Черные волосы закрывают лицо и даже странно, как Ласса может видеть сквозь спутанные пряди.

Я когда-то был солдатом,
И ходил, как князь, в шелках,
Как епископ был богатый,
Напивался, как монах!..

Тут же собираются люди, хлопают в такт. В руках у Лассы шляпа, она, приплясывая, обходит зрителей по кругу. Когда кто-нибудь швыряет медяк, девушка резко выдыхает, черные пряди, скрывающие лицо, взлетают, показывая на миг улыбку — ослепительно-белые ровные зубы между влажными губами.

Проносится крик: «Барон едет! Барон едет!» — и площадь пустеет, остаются мужчины да старухи. О бароне Игморе ходят странные слухи — будто ни одна женщина не прожила недели, проведя с ним ночь. Никто не смеет противиться воле господина Отфрида, если пожелает — любую заберет в свой замок, откуда несчастная вернется больной и вскоре отдаст богу душу... Иногда Игмору приходит блажь — приглянется женщина или девица... Окрестные сеньоры как-то, собрав своих латников, выступили против него... Барон запретил родным увезти тела, велел похоронить всех у подножия горы, на которой стоит замок. Обширное кладбище содержится в образцовом порядке, могилы ухожены, роскошные надгробия барон

воздвиг за собственный счет — даже простым лучникам поставили красивые стелы из серого гранита... И то сказать — за собственный счет: Игмор обложил округу такими поборами, что может позволить себе подобную прихоть. За кладбищем следят специально назначенные смотрители, подметают дорожки, прогоняют птиц, подстригают траву... Его милость желает, чтобы замок окружало кладбище, устроенное идеально. Он безраздельно властвует и над живыми, и над мертвыми... Если Отфриду приглянется девица — пусть даже монашка или дочь благородного господина — увезет, никто не сможет помешать. Сперва пытались — росло кладбище у подножия горы, увенчанной замком Игмор. Теперь прячут женщин — если сеньор пожелает, возьмет любую, но зачем дразнить судьбу...

Стучат копыта, на площадь въезжает барон, за ним -- хмурые солдаты. Сам Игмор не выглядит ни злобным, ни сердитым. Впрочем, он всегда таков. Убивает своей рукой или отдает приказ палачам — господин Отфрид не выглядит ни злобным, ни сердитым. Люди сторонятся, бродяга продолжает наигрывать на лютне веселый мотивчик.

А потом я стал бандитом,
И опять я при деньгах,
Как епископ, стал сердитым,
Стал ругаться, как монах!

Ласса кружится на месте, привстав на носки, темно-красная юбка на миг поднимается широким кругом, открывая стройные ноги. Пыль, поднятая взмахом подола, вьется клубами.

Барон, уронив поводья на луку седла, дважды сводит ладони в замшевых перчатках, лезет в карман и подзывает девушку. Та подбегает, Игмор, перегнувшись в седле, склоняется над ней. Опускает в шляпу серебряную монету и кончиками пальцев отводит черные кудри. Лицо танцовщицы — как у статуи древней богини, неправдоподобно правильное, разве только глаза чуть узковаты. Ласса не боится, она улыбается, проводит розовым кончиком языка по губам, не переставая перебирать ногами на месте. Она танцует, она всегда танцует.

Отфрид удовлетворен осмотром. Выпрямляется, волосы снова закрывают лицо приплясывающей девушки. Барон не глядит на Ридриха, он наблюдает за танцем Лассы.

— Эй, музыкант, приходи под вечер в Игмор. Если мне понравятся твои песни, награжу по-королевски.

Ридрих кивает, не прерывая песни:

А теперь я стал епископ,
Как солдат я стал сердит,
Девок стал, как князь, я тискать
И ругаюсь, как бандит!

Эпизод седьмой

Ридрих сидит под стеной и лениво перебирает струны. На него никто не смотрит. Внимание пирующих приковано к танцующей девушке. Кто станет глядеть на бродягу, неподвижно сидящего под стеной, когда танцует Ласса? Никто не станет. А Ласса кружится, приплясывает, странным образом ее движения не совпадают с немудреным перебором струн, но и образуют со звуками некое единство...

Их впустили в Игмор без разговоров, только обыскали на входе, но что может быть у музыканта? Запасные струны да горсть медяков. Нынче барон принимает местного епископа. Святоша старается держаться бодро, но и он боится странного хозяина. Епископ часто и громко смеется, много пьет... кстати, готовят барону совсем недурно, совсем... И вот эта танцовщица — это свежо, да, свежо...

Гости уже упились. Епископ поминутно роняет голову. Барон сидит прямо и поглядывает на девушку. Его не интересует вино, он мало ест, но маленькая плясунья может сделать вечер достаточно занятным. Девушка, обойдя залу, останавливается перед столом, кружится и кружится... Она танцует, она всегда танцует. От вращения веером поднимается юбка, и волосы образуют черный нимб вокруг лица с застывшей белозубой улыбкой.

— Хватит! — бросает Отфрид.

Девушка замирает, опустившись перед хозяином замка, сжавшись — но и в этой смиренной позе танец продолжается, Ласса играет плечами, так что низкий вырез грязного жилета непрерывно шевелится — видна впадина между маленьких грудей, там отсвечивает тусклым металлом амулет.

Епископ с шумом втягивает слюну и бормочет:

— А ничего, ничего... Сколько ей лет, как по-вашему? Пятнадцать? Шестнадцать? Вполне, знаете ли, ничего...

— Неважно, сколько, — холодно произносит барон, — но семнадцать ей не будет никогда. Они не живут долго, это проклятие моего рода, должно быть... У меня не будет наследников, увы.

Отфрид поднимается из-за стола.

— Идем со мной, дитя!

Ласса встает гибким движением — это продолжается ее бесконечный танец, она всегда танцует. Девушка улыбается. Барон понимающе кивает — ну, разумеется, она не девственница... уличная плясунья, странствует с мужчиной. Впрочем, это тоже может оказаться занятным. Ридрих прекращает играть.

Епископ бросает в спину Игмору:

— Э... друг мой, вы ведь не станете возражать, если я потом исповедаю это дитя?

Барон не отвечает, он идет прочь, увлекая за собой Лассу. Если она окажется слабенькой, вопрос об исповеди может приобрести несколько иной смысл. Поднимаются на второй этаж, там опочивальня. Отяжелевшего епископа двое слуг бережно берут под руки, поднимают и уводят в отведенные покои. Ридрих будто заснул в своем углу. Слуги Игмора убирают со стола, подхватывают объедки, жуют на ходу. Один подходит к музыканту, пинает:

— Эй, бродяга, пошел прочь! Проваливай, говорю! Ночевать в замке таким, как ты, не положено. Завтра в час пополудни приходи, заберешь свою маленькую шлюху.

Слуга выпроваживает музыканта во двор, там поджидают два стражника. Ридрих послушно бредет между ними, сжимает в кармане тяжелый мешочек с монетами. Во дворе темно, свет едва пробивается из узких, похожих на бойницы, окон. Когда заходят в тень, Ридрих роняет лютню, хватает солдата за нашейник доспеха и с разворота бьет кулаком в лицо, потом, согнув руку, добавляет локтем. Солдат с негромким протяжным лязгом съезжает по стене, прежде чем его напарник успевает сообразить, что произошло. Бродяга отшвыривает второго стражника, тот падает лицом в грязь, Ридрих прыгает ему на спину, затягивает на шее бедняги струну. Встает, осторожно поднимает лютню, вытирает рукавом и аккуратно опускает в нишу. Вытаскивает из ножен задушенного стражника меч и шагает к тому, которого оглушил первым...

Отфрид сбрасывает куртку, сапоги ему скидывать лень. Расстегивает пояс с привешенным коротким мечом, ложится на кровать, спиной на подушку. Ласса танцует перед ним, изгибаясь самым невероятным образом. Руки девушки скользят вдоль тела, оглаживают, расправляют ткань, обрисовывают скудные прелести, дергают шнурки у талии. Барон наблюдает за ней, в самом деле занятно, хоть что-то новое... он так устал от единообразных развлечений. Отфрид хорошо выглядит, годы щадят рыжеволосого красавца. Под распахнутой рубахой тонкого шелка — выпуклая мускулистая грудь.

Ласса выскальзывает из юбки, одним прыжком оказывается верхом на Игморе, он чувствует животом твердые ягодицы, которые ходят ходуном — она всегда танцует. Барон медленно поднимает руки, крепко берет за низкий ворот жилетки, разрывает. Между грудей — треугольный стальной амулет, широкий — великоват для хрупкой плясуньи.

— Что это у тебя?

— Вот что! — смуглые кулачки с зажатым обломком меча опускаются на поросший рыжим волосом торс. — Вот! Вот!

Барон рычит, но сильные ляжки танцовщицы вжимают его в мягкую перину, он барахтается под Лассой, а она продолжает свой танец:

— Вот! Вот!

Он ерзает, он чувствует, как кровь бьет из ран, треугольный нож поднимается и опускается, Ласса покрыта темными брызгами. Барон рвется из-под нее вместе с периной, он очень силен. Отфрид, девушка, постель — вместе съезжают на пол. Барон успевает вскочить первым, в его руке укороченный меч, Ласса только-только подобрала под себя ноги, но встать не успевает — барон заносит оружие. Распахивается дверь — между Отфридом и Лассой бросается Ридрих. В руке — отнятый у стражника меч. Сталкиваются клинки, бродяга отлетает в угол, сжимая рукоять с обломком в два дюйма длиной, косо срубленное лезвие солдатского меча врезается в низкий потолок опочивальни и дрожит. Грудь Рид-

риха располосована наискось, рана неглубока, но кровь течет и течет... Барон, шатаясь, надвигается на него. Позади Игмора поднимается девушка, запрыгивает на спину, обвивает тонкими ногами, визжит. Левой рукой она, что есть силы, рвет цепочку амулета, правой — бьет треугольным лезвием туда, где металл намертво врос в плоть, туда, где въелся фамильный амулет, проклятие Игморов, бьет, бьет. Отфрид валится навзничь, девушка стоит над ним, сжимая облепленный кровавыми клочьями медальон, красные глаза маски сердито сверкают. Ласса — словно статуя древней богини, покрытая жертвенной кровью.

— Это.., невозможно... — шепчет Игмор. — Только... только мой меч...

— Или его обломанный наконечник, — щерится Ридрих. — Помнишь меня?

— Ты? А она?

— Дочь.

— Чья?

— Дочь.

— Я понял! Я помню! Доченька, милая, дай медальон, дай! Все еще можно исправить.

Ласса молчит. Она не танцует, лицо приоткрыто — узкая щель между черных прядей.

— Отдай медальон, все можно исправить! Отдай, зачем он тебе? Как ты сможешь доказать, что дочь мне? Отдай, а я завтра же объявлю тебя наследницей! Ну? Баронесса Игмор? Отдай! Ридрих, ты скрыл от нее, ты скрыл, что она моя дочь? Она не любит тебя! Моя дочь не любит те... бя... ни... кого... не любит...

Бывший наемник улыбается, он ничего не скрывал — девочка сама решила явиться сюда. Явиться — зачем? Ласса молчит. Она знает ровно столько же, сколько эти двое — каждый из них может быть отцом. И скорей это Отфрид. Круг не разомкнуть — младший Игмор убивает старшего, как там, в подземелье. Круг не разомкнуть.

В одной руке Лассы стальной обломок, в другой медальон. Соблазн велик. Всего лишь надеть цепочку на шею, приложить красноглазую морду к груди, туда, где так долго болтался треугольный амулет... Ридрих тяжело дышит — рана неглубока, но он истекает кровью. Устало опускает веки. Слышит тихий треск, потом — легкие шаги. Ласса идет к нему. Что происходит? Ридрих не хочет открывать глаза, не хочет видеть, как девочка с медальоном, вгрызающимся в плоть на груди, приближается и заносит меч. Он верит, что Ласса обломком заклятого клинка распорола простыню и идет к нему, чтобы перевязать рану...

АНДРЕЙ БЕЛОГЛАЗОВ

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОТИТЕ, Я РАССКАЖУ ВАМ ОДНУ ИСТОРИЮ? САМУЮ ОБЫКновенную. Житейскую. Таких везде — сплошь и рядом. Ну, вы понимаете, о чем я? Зачем? — можете спросить вы. Какого черта? Это ваше право. Ваш выбор — слушать или не слушать. А мое право — попытаться донести до вас суть этих реальных, ни на йоту не выдуманных событий. В чем-то грустных, в чем-то — страшных. Обыденностью своей, типичностью. Вы знакомы с проблемой «трудных детей»? А если ребенок не «трудный»? — нормальное, обычное поведение, но временами... Да, порой кажется, что в него вселился сам дьявол. Или карающий ангел? — тяжело делать выводы, не зная всех обстоятельств. Подростковая агрессия растет, чем мы можем ответить на нее? Что противопоставить?

Эй, на задних рядах, шушукаетесь? Не нравится? Не за этим сюда явились? Я сегодня не в настроении травить байки. Если хотите — приходите в другой раз. Например, завтра. Может, будет что-то веселое, фантастическое, захватывающее дух. Смеетесь? Говорите, уплачено за билет? Гм, действительно. Но меня нынче одолевают хандра и меланхолия. Всё видится в черном цвете. Абсолютно всё. Вы пробовали когда-нибудь хорошенько зажмуриться в темной комнате? Да еще прикрыть глаза ладошками? Где-то такие ощущения.

Ну ладно, хватит ныть, холить и лелеять свою депрессию. Вернемся к нашей «обыкновенной» истории. Чем же она примечательна? Иначе — стоит ли шкурка выделки? Так ли необходимо ее рассказывать? Полагаю, на этот вопрос каждый ответит самостоятельно.

И еще немного. Я не был участником произошедших событий, многое пришлось домыслить, опираясь на известные факты. Добавить психологичности. Ведь я — писатель, а это кое-что значит, не правда ли? Однако же я ничего не изменил. Всё было именно так, как я и собираюсь сейчас вам рассказать.

6 лет (19 июля 199х года). Реконструкция.

— Дай мне одну машинку, Андрюшка. У тебя много: синяя, красная и самосвал с трактором. А у меня нету, — белобрысый пацаненок требовательно протянул руку.

Его приятель, игравший в песочнице, задумался на миг, собрал лобик морщинками.

— Нет, — ответил наконец. — Не дам. Мама не разрешает, — и объяснил: Каждому давать — непременно сломают. Вот.

Отвернулся. Снова занялся постройкой гаража для своих многочисленных машинок.

Ньюфаундленд Дик, пытавшийся спрятаться от назойливого солнца в тени акаций, насмешливо вывалил розовый язык. А может, просто жара донимала. Стайка воробьев, задорно чирикая, копошилась в пыли. Порыв ветра взметнул невесомым облачком лежалый тополиный пух, и несколько пушинок запутались в волосах белобрысого.

Он нахмурился, сжал кулачки.

— У-у, жмотяра, — пробормотал, едва разлепляя губы.

Андрюшка дернул плечиком, вроде как оправдываясь: мама не разрешает, я бы дал.

— Слави-ик, — донеслось с балкона. — Домой иди, кушать.

Белобрысый поднялся, пнул ногой кучку песка, стараясь попасть в Андрея. Промахнулся. Обиженно шмыгнул носом и побрел к подъезду.

Еще один мальчик — рыжий, лопоухий крепыш, — только недавно увлеченно лепивший куличики, теперь внимательно смотрел то на Андрея, как ни в чем не бывало продолжавшего строить гараж, то на удаляющуюся спину беленького Славика. Глаза рыжего странно расфокусировались, помутнели, изо рта потянулась липкая ниточка слюны, губы подергивались, будто мальчишку одолел нервный тик. Но скоро всё пришло в норму. Никто из окружающих — ни дети, ни мамаши с колясками, ни замшелые бабки, судачившие на скамейке о нравах современной молодежи, — ничего не заметили.

Рыжий глубоко вздохнул, отдышался, пальцы его, крепко-накрепко сжавшие рукоятку пластмассового совочка, побелели от напряжения. Пацан встал, подошел к Андрею.

— Зажал, с-скотина? — прошипел, трясясь от негодования. — Своему другу какую-то уродскую машинку?

Тот удивленно обернулся.

— А тебе-то что?! — взвизгнул тоненьким голоском. — Свихнулся, Мишка?

— Мне — что, — заявил крепыш, сузив глаза и неприятно оскалившись. — И я — не свихнулся.

Рука с совочком взлетела вверх — высоко-высоко, а потом резко опустилась...

9 лет (1 октября 199х года). Реконструкция.

— Сегодня День пожилых людей. — Санька, поддел ногой кучу желтых березовых листочков, словно искал что. — Мы с мамой пойдем к бабушке. Поздравим и будем есть торт. Такой, с кремом. Вку-усный.

Его новенькие ботинки на рубчатой подошве классно смотрелись вместе с черной кожаной курткой. Сашка отлично знал это.

Мишка вздохнул: у него не было бабушки. То есть была когда-то, но умерла. А дедушка погиб на войне — русские тогда воевали с немцами. Он видел фотографии деда — молодой парень в гимнастерке и с автоматом в руках.

— То-орт, — протянул мальчишка, скривился, тряхнул рыжими кудряшками. — Ну и что?

— Ничего, — согласился Сашка. — Фигня, конечно. Хочешь, принесу кусочек?

Мишка подумал и кивнул. Давай, мол, если не жалко.

Друзья сидели на лавочке у подъезда; возле примостился пушистый дымчатый кот Феликс. Он громко мурлыкал и норовил исподтишка забраться Саньке на колени.

— Кыш, — отмахивался тот. — Все джинсы от тебя в волосах.

Кот щурился, косил желтым глазом и принимался когтить скамейку.

Осеннее, но пока еще яркое солнышко улыбалось миру из-за белесых тучек.

— Может, на велосипедах погоняем? — спросил Мишка.

— У меня шина проколота.

— А мы на одном. По очереди.

—Давай, — обрадовался Сашка. — Чур, я первый.

Тут из подъезда, небрежно поигрывая спичечным коробком, вышел незнакомый обоим мальчишкам пацан. По виду шести- или семиклассник. Глянул на салаг свысока, цыкнул сквозь зубы. Поправил бейсболку. Бросил небрежно:

— Эй, шелупонь, Димона Тетерина знаете? Не видали? Здесь где-то должен быть.

— Ты зачем обзываешься? — нахмурился Мишка.

— Хо, — рассмеялся семиклассник. — На фиг мне тебя обзывать, сопля? Я спрашиваю.

Мишка помрачнел, набычился, на скулах затвердели желваки. Дремавший Феликс приподнял голову, потянулся, выгнул спину дугой. Затем спрыгнул со скамейки, направился к незнакомцу, обнюхал его ботинки и потерся о брюки, оставляя на них клочки серой шерсти.

— Пшел, тварюга, — пацан раздраженно пихнул кота ногой. Так случилось, что удар, быть может и несильный, пришелся прямо в морду. Кот отлетел в сторону, замяукал жалобно. На его носу выступила кровь.

Мишка вскочил и с криком «Сволочь! Не трожь ко-ош...» бросился на семиклассника. Тот, явно не ожидавший такой реакции, растерялся, не зная, что предпринять. А рыжий уже боднул его головой в живот, замолотил кулаками направо и налево. Всё же больше попадая, чем промахиваясь. Пацан охнул, согнулся, держась за солнечное сплетение, и завопил, завыл визгливо, как баба. Под глазом у него расплывался не очень заметный пока фингал.

Санек боязливо забился в угол между скамейкой и чугунной урной. Сидел, вздрагивая, а губы шептали: «Мишка, прекрати, прекрати. Пожалуйста...»

Он не раз наблюдал странные приступы «бешенства», случавшиеся с другом.

12 лет (4 февраля 200х года). Реконструкция.

Трамвай трясся, дребезжал; подпрыгивал на неровных стыках рельсов. Качался из стороны в сторону.

Мишка стоял на задней площадке, держась за поручень, и смотрел в окно. За окном шел снег. Белые пушинки кружились в воздухе, танцевали на легком ветру, роились в лучах света, исходящего от фонарей. Это было завораживаю-

ще красиво, приятно и чертовски здорово — ехать в полупустом трамвае сквозь вечер, темноту, рассекаемую вспышками рекламы и фарами проносящихся автомашин. Ехать сквозь снегопад.

Мальчишка прикрыл глаза, вслушался в перестук колес. Представил, что это поезд, везущий его далеко-далеко, в чужой совсем город, где никто его не знает и не станет называть «психом».

Мишка сменил уже три школы, везде неизменно происходило одно и то же. Он — слишком «правильный» — остро реагировал на любые, казалось бы, даже незначительные проступки окружающих. Обман, высокомерие, перекладывание своей работы на остальных. Его не любили, но помалкивали — Мишкина сила и крепкое телосложение заставляли задуматься о вероятных последствиях. Никогда не дразнили «рыжим-рыжим, конопатым». Вообще старались быть в его присутствии тише воды, ниже травы. Особенно те, кто не понаслышке знал его буйный нрав. Однако рано или поздно неизбежно назревал какой-нибудь слишком уж острый конфликт, спровоцировать который могло что угодно.

Например, задохлика-шестиклашку насильно заставляли курить его же сверстники. Мальчик, типичный маменькин сынок, усердно готовился к урокам, практически ни с кем не общался, никуда не выходил. Неизвестно каким обманом его выманили в школьную курилку — укромное местечко за теплицей. Это не существенно. Важно другое — Мишка, проходивший мимо, услышал громкий смех и приглушенные вопли пытаемого — за отказ курить ему «пробивали фанеру» и делали «лося».

— Не нравится Pall Mall? — издевались подростки. — Попробуй тогда Lucky Strike.

Затягивались, а потом выпускали сигаретный дым в лицо «ботанику».

Мучителей было четверо, а Мишка один. Ну и что? Он отделался рассеченной бровью и порванным рукавом куртки, а кто-то считал позже выбитые зубы и хлюпал разбитым носом. Двое вовсе провалялись с неделю в неврологическом отделении, заполучив сотрясение мозга.

Этот случай обсуждался сначала на классном, а после — на общешкольном собрании. Родители «потерпевших» строчили жалобы в прокуратуру с просьбой «возбудить дело по факту избиения». Им отказали, но Мишку поставили на учет. Его мать обязали выплатить денежную компенсацию, чтобы возместить средства, затраченные папами-мамами избитых на лечение. Причина драки тщательно замалчивалась: отец одного из истязателей занимал немаленький пост в городской администрации.

«Психу» объявили бойкот, поэтому перевод в другую школу не мог не радовать.

— Платим за проезд. Задняя площадка, все оплатили? — Негромкий голос толстой пожилой кондукторши вырвал мальчишку из мира грез и видений.

Тук-тук — еще стучали призрачные колеса. Тук... тук... Поезд исчезал, таял, реальность трамвайного вагона, напротив, — отчетливо проступала вокруг. Па-

цан встряхнулся, помотал головой, разгоняя остатки дремы. Снегопад за окном усилился, перерастая в метель.

— Следующая остановка — Даурская, — объявил водитель. — Двери закрываются. Осторожно.

Мишка молча показал кондуктору проездной. Она так же молча кивнула.

Две вошедшие девчонки-старшеклассницы рылись в сумках, хихикали, подталкивали друг дружку локтями. Тетка терпеливо ждала, готовясь оторвать билетик.

— Нет денег, — наконец произнесла девушка в синей дубленке. — Кошелек дома оставила.

— Я тоже, — поддакнула вторая и вызывающе уставилась на кондукторшу.

— Тогда выходите, — устало проговорила та, не желала, видимо, связываться.

— Нам, может, на Горки надо.

— Пешком, ладно? Куда угодно.

— Ага, в такой буран. Попробуй, а мы посмотрим.

— Что, пять рублей найти трудно? — начала закипать тетка. — Дармоедки. Денег у них нет. Выходим на следующей.

— Щас, разбежалась, — заржали девицы. — Сама выходи... жирная дура.

Кондуктор оторопело взирала на них. Она уже как-то привыкла к грубостям со стороны мужчин, но чтобы девушки?

— Че вылупилась, кошелка старая? Вали. Сказано же — нет ниче, — подружки опять рассмеялись.

Мишка, стоящий в углу, трясся от ярости. Не выдержал — обернулся, заметил на лице старой женщины слезы, выступившие от незаслуженной обиды.

— Даурская, — зашипело в динамиках. Двери открылись.

Первой на улицу вылетела девица в синей дубленке, поскользнулась, грохнулась на обледенелый асфальт.

— Ах ты, маленький!.. — завизжала вторая, выставив острые, покрытые ярким лаком ногти. Взглянула Мишке в глаза, поперхнулась и быстро сбежала вниз по ступенькам.

Кондукторша застыла столбом, то открывая, то закрывая рот, будто выброшенная на берег рыба. А Мишка, вернувшийся на свое место, крепко вцепился в поручень, вперился в окно. Ему очень хотелось сойти вслед за наглыми старшеклассницами и хорошенько отдубасить обеих. Чтоб запомнили... Надолго. Навсегда.

Однако — сдержался.

Кто знает, каких усилий ему это стоило.

14 лет (23 мая 200х года). Реконструкция.

На детской площадке, густо поросшей желтыми одуванчиками, суетилась пацанва. Играли в прятки, в «квадрат», в догонялки. Малыши возились в песочнице — лепили куличики и прочую ерунду. Громко орал магнитофон из распахнутых настежь окон первого этажа. На балконах сушилось белье, курили люди, лаяли собаки.

Стайка подростков вышла из-за угла дома, столпилась около ржавой неказистой горки.

— Эй, чья очередь водить? — Мальчишка в истертых джинсах и красной клетчатой рубашке — явный вожак дворовой компании — вопросительно посмотрел на обступивших его ребят.

— Колькина очередь, — быстро вякнул здоровый толстяк, похожий на колобка. — Слышь, очкарик, давай, ты вчера сифой остался.

— Врешь, жирдяй, — неуверенно возразил тощий парнишка. Поправил очки, съехавшие на переносицу. Новенький здесь, в этом дворе, он изо всех сил стремился завоевать место в дворовой иерархии. Подняться. Назвали очкариком? Специально или... Что делать? Отмолчаться? Нет, нельзя, нужно осадить обидчика. — Я успел тебя осалить. Ты — сифа.

— Кто жирдяй? — оскорбился толстый. Засопел натужно, сжал кулаки. Ща как дам в лоб. Еврей, блин! Сифак несчастный. Успел он, ага. Хитрожопый какой. Правильно отец говорит, вас, жидов давить надо, пока вы других... Ай!

На щеке жирного Валерки вспух красный отпечаток пятерни.

— Заткнись, гад! — заорал бледный Колька, губы его дрожали.

Толстяк было опешил, а потом истерически захохотал, тыча пальцем и громко крича:

— Бешеный еврей! Бешеный еврей!

Компания заулыбалась.

— Ты че, правда, еврей? — спросил заводила в красной рубашке.

— Ну. — Очкарик набычился и покраснел как рак. — А что?

— Значит, будешь сифой, или вали, если не нравится.

— Сам вали, — прошептал еще больше побледневший Колька. Развернулся и пошел прочь.

— Жидяра, ты зачем Христа продал? — летели вдогонку обидные выкрики. — Катись в Израиль, длинноносый! А может, ты сало хочешь? Сальце, а? Щас принесем.

Подростки откровенно веселились. Ведь так приятно посмеяться над тем, кто значительно слабее и ничего не может сделать в ответ.

— Сами жрите ваше сало! — в отчаянии заорал Колька. — Уроды вонючие!

— Он нарывается, Стас, — встрял Валерка.

Предводитель компашки сморщил нос, приподнял левую бровь: уголком. Весь его вид как бы говорил, ну и?

— Надо проучить, — развил мысль колобок. — Чтоб не выпендривался.

Стас взлохматил макушку, кивнул, соглашаясь. Толстяк разбежался и что есть силы пнул очкарика под зад. Тот упал, вызвав новый взрыв хохота. Горько, надрывно заплакал, скорчившись на пыльном асфальте. Рядом валялись слетевшие от удара очки. Их дужки погнулись, одна линза треснула.

— Сифак. — Толстый презрительно сплюнул. — Катись отсюда.

Подростки посмеялись еще немного, а затем вернулись к более насущному вопросу — кто же станет водить?

Поверженный «еврей» поднялся и, беззвучно шепча что-то, заковылял к подъезду.

Разбитые очки так и остались лежать на асфальте.

Сидевший на качелях неподалеку от остальных и, вроде бы, ждущий кого-то рыжий конопатый паренек встал. Мазнул по сторонам отсутствующим взглядом, направился к компании. На него не обращали внимания — чужой, не наш. Хочет что-то предъявить? — пожалуйста. Он один, нас — семь. Аргументируем, если че.

Подойдя к толпе, пацан тронул Валерку за плечо, вынуждая обернуться.

— Ну? — процедил колобок. — Какие проблемы?

Чужак не снизошел до объяснений, не стал разводить долгий нудный треп. Он сказал всего лишь три слова. Четко, ясно, раздельно — точно затвором автомата лязгнул.

— Ах. Ты. Сука!

После чего врезал толстяку в ухо, расшиб в кровь пухлые губы, ударил коленом под дых. А когда визжащий от боли Валерка повалился на колени, прикрывая лицо руками, рыжий подпрыгнул и с разворота заехал ему ногой в голову.

Всё это произошло в считанные мгновенья.

В полном молчании.

Без различных идиотских выкриков типа «кий-я» и взаимных оскорблений перед дракой.

Все, успевшие заглянуть рыжему в глаза, сочли за благо поскорее исчезнуть, оставив товарища на произвол судьбы. Кроме Стаса и еще двоих. То ли они не сориентировались вовремя, то ли им показалось в падлу отступить перед каким-то забродой-«каратистом» из соседнего двора, то ли еще что. В общем, этот момент остался неясным. В дальнейшем те, кто сбежал, считали, что им крупно повезло. Просто фантастически, если такое выражение применимо в данном конкретном случае.

— Ты че, в натуре... — только и успел произнести вожак.

Очнулся он уже в реанимации.

* * *

Что же было дальше? — спросите вы. Да ничего особенного.

Михаил Загородько сел на восемь лет. Суд города N-ска отправил его в детскую колонию: возраст позволял.

Чета Фельдманов с сыном Колей переехала в другой район города.

Валерка Савичев получил новое прозвище — Кривой. Он носит черную повязку, закрывающую выбитый глаз, и предпочитает не общаться со сверстниками. Чувствует себя уверенно исключительно с теми, кто гораздо младше и соответственно — слабее. При слове «еврей» Савичеву становится дурно.

Станислав Башмаков заработал инвалидность I группы. Его часто можно видеть на балконе: молодой человек сидит в инвалидном кресле и наблюдает за уличной суетой. О чем он думает? Я не знаю. Может быть, о том, что двор стал

намного спокойнее? Сверху, оно виднее. А может, он думает, что каждый в ответе за свои поступки? Хорошие. Плохие. И прежде, чем совершать их, неплохо бы прикинуть возможные последствия. Даже гипотетические. Например, явление сумасшедшего рыжего пацана с мутными от ненависти глазами. Который, кстати, скоро вернется с зоны.

П-полгода ос-сталось. Стас заикается, выговаривая эти слова. Он боится.

Такие уроки запоминаются на всю жизнь. Верите? А хотите узнать главное? То, что пока вам неизвестно? Наверняка представленная информация перевернет ваше, уже сложившееся, представление об этой немудреной истории.

Полагаете, нет? Хорошо, смотрите.

Несколько уцелевших листков из папки с документами, найденной пожарником А. К. Сергачевым в ходе спасательной операции по тушению горящего архива отделения ФСБ города N-ска.
(*бумага сильно пострадала от огня*)

Лист № 35, отрывки
Отчет о мероприятии, 19 июл [...]

[...] социальный протест объекта недостаточно выражен, присутствуют внешн [...] Это не только мое мнение. Вместо того, чтобы оказать хоть какое-то маломальское физическое воздействие на предполагаемого нарушител [...] ломает его личные вещи (игрушки). Причем, без каких-либо объяснений.

[...]

аказание неадекватно совершенному проступку. В итоге провинившийся быстро забудет случившееся, не сделает никаких выводов. [...] дальнейшем, вероятность рецидива возрастет в геометрической прогресс

[...]

Считаю, что данная попытка равносильна провалу. Предлагаю увеличи [...]

Видеосъемка прилагается.

Лист № 117, отрывки
Служебная записка

Руководителю группы С. Г. Ер [...]
от наблюдателей 1-й смены
И. Ю. Демина и К. Н. Смоля [...]

[...] ктября 199х года, заступив на пост, наблюдали у объекта отчетливо выраженный всплеск [...] ритм колебаний [...] неравномерен. В среднем, пик активности приходится на утренние ча

[...]

Время между анализом ситуации и последующим реагированием на нее стабилизировалось и составляе [...] не так явно бросающиеся в глаза внешние признаки. По сравнению с более ранними проявлени

[...]

Порог реакции на социальную патологию по отношению к себе лично гораздо ниже, чем

[...]

новником инцидента рассматриваем как удовлетворительное (по шкале, предложенной Е. Вербицким [...]

Подписи.

Листы № 202, 203, отрывки

(*чрезвычайно трудно разобрать что-либо, значительные повреждения*)

Анализ поведения объе [...]

[...] ссматриваем как сознательное «гяушение» в моменты «обострений». Такое сдерживание [...] с другой стороны — плохо. Также плохо то, что испытуемый не объясняет причины своих действий окружающим. Поэтому в их глазах они выглядят как ничем не обоснованная агрессия [...] Поступки, совершаемые под влиянием ЧСС, внешне кажутся аффективными и [...]

[...]

в частности, произведем детальный разбор событий 4 февраля 200х года. Объект отзанимался в спортивной секции (рукопашный бой) и возвращается домой -- едет в трамвае. В это же врем

[...]

незначител [...] удалось замять. [...] выехавшие на место происшес [...]

[...] исок лиц, подвергшихся гипнотическому внушению прилага [...]

Лист № 289, отрывки

(*наиболее сохранившийся*)

Протокол заседания комиссии по [...]
23 мая 200х г.

Секретарь: А. Х. Валиуллин.

Присутствовали:

Руководитель филиала «Психо» горо [...]
Начальник 3-го отдела М. В. Березки [...]
Зам. по информационному обеспечен [...]

Зам. по техническому обеспечению К [...]
Руководитель группы С. Г. Ермолаев. [...]
Старший наблюдатель Р. С. Гнедин.

[...]
[...] ящее ЧП! Доигрались, допрыгались!
М. В. Березкин. Виновные понесут строгое наказание, Александр Семенович.
А. С. Трубач. Ну вы скажете, полковник. И кто, по-вашему, виноват? Сергей Генна [...]
С. Г. Ермолаев. Вины за собой не чувствую, выполнял непосредственные приказ [...]
М. В. Березкин. Вот только не надо валить с больной головы на здоровую. Скажи [...]
предложил нарастающую интенсификацию?
С. Г. Ермолаев. Сбой произошел лишь на завершающем этапе. Наблюдатели не до [...]
старшему по сменам объявлен строгий выговор. Двое лишены месячного заработ [...]
на другую работу. Так, Гнедин?
Р. С. Гнедин. Да, товарищ подполковник.
А. С. Трубач. Понятно. Тогда более подробно разберем этот вопрос на следующем зас [...]
в целом одобряя тактику, думаю, что стратегия ошибочна. Впредь никаких макси [...]
[...]
поэтому предлагаю больше работать над улучшением качества и, разумеется, колич [...]
М. В. Березкин. Можете не беспокоиться, объект, в общем-то, свос отработал, мы [...]
опыты в достаточном количестве для серийного запуска.
П. П. Юдин. Но всё же лучше не спешить, Михаил Валентинович. Какова дальней [...]
М. В. Березкин. Сядет. Прокуратура возбудила дело по факту нанесения тяжких те [...]
П. П. Юдин. Вы, безусловно, вмешаетесь?
М. В. Березкин. Увы, нет. Лишняя засветка. Лучше будем готовить новую фа [...]
К. Ф. Гойко. Вы делали вероятностный прогноз для объекта на такой вот случай? Я [...]
виду тюремное заключение.
М. В. Березкин. Да. Первые несколько месяцев возможность того, что сокамерники [...]
[...]

Лист без номера, отрывки

(*написано фломастером, почерк кривой, неровный, видимо, писавший был пьян*)

Заметки на [...]

[...] не раз спрашивал своих коллег из соседних отд [...] Я говорил [...] ажите честно, вы мечтаете порой о всеобщей свободе, равенстве, братстве? Да? Только честно [...] Это вопрос на засыпку. Несомненно, мечтаете. Иногда. Так вот, сдается мне, они скоро наступят. Везде. Сплошь. Поголовно.

Я бы даже сказал — тотальн

[...]

Потому что люди десять раз задумаются над *каждым* своим поступком, прежде чем совершить его.

Над *каждым* словом, мыслью, выражением лица.

Потому что человек с обостренным чувством социальной справедливости не потерпит никакого попрания чести и достоинства других людей. [...] Ни малейшей лжи, ни унижения, ни обыкновенной скаредности и прочего. Того, на что мы смотрим подчас сквозь пальцы или вовсе не обращаем внимания. [...] Преступивших социальные нормы постигнет быстрое, суровое, справедливое наказание. Его сможет осуществить любой гражданин, ставший свидетелем *нарушения*. Таким образом достигается неотвратимость [...]

* * *

К сожалению, и так малое число документов со временем сократилось. Почему? Всё просто — разрушились из-за неоднократного прочтения. Некоторые рассыпались на второй-третий раз. Я ужасно корил себя за то, что не догадался впопыхах сделать копии. Исправлять что-либо потом было поздно.

Теперь вы можете спросить, а как, собственно, эти записи попали ко мне? Элементарно, Ватсон, ответил бы Холмс. Конан Дойл, н-да. Классика. Алексей Сергачев мой двоюродный брат. У нас с детства хорошие, приятельские отношения. Человек он, скажем так, любопытный. Поэтому не заглянуть в папку с грифом «Совершенно секретно. Хранение на особых основаниях. Без срока давности» он не мог. На счастье ли, на беду, но события, скрывающиеся за сухими строчками отчета, на этих обгорелых листках показались ему знакомыми. Действительно, сопоставив немногие известные факты, Алексей пришел к выводу, что объект — мальчишка с его двора.

Да, брат выкрал папку. Вряд ли это хороший поступок. Но даже с *такими* доказательствами я не сразу поверил ему. Инертность мышления? Может быть. Позднее, когда мы вместе осторожно добывали недостающую информацию, потихоньку, исподволь опрашивали очевидцев, на меня будто снизошло просветление. Я уверовал. И страшно испугался. Постоянно казалось: вот-вот раздастся громкий, требовательный стук в дверь и уверенно-твердый голос скажет: «Пройдемте, товарищ...»

Ничего не случилось.

Я ждал, с подозрением относился к любым вопросам, неделями не бывал дома. Мне чудилось, что за квартирой установлена постоянная, непрекращающаяся ни на минуту слежка. Шарахался от каждой тени. Но, черт возьми, ничего не происходило!

И я чувствовал, как рвались не выдерживающие страшного напряжения нервы.

Наконец во мне что-то перегорело, знаете, как нить накала у лампочки. Наверно, я просто устал бояться.

Я ходил веселый и довольный. Облегчение от того, что не сбылись самые мрачные предчувствия, было сродни эйфории. Странно, думал я, неужели правительству и органам плевать? Или...

Я написал рассказ с похожей подоплекой, разослал в журналы. Редакторы отклонили его, объяснив отказ неформатностью. Тогда я разместил текст в Сети, сразу на нескольких страничках — никаких санкций не последовало. На электронную почту не хлынул поток писем от читателей. Гостевая книга изредка прирастала записями — то ругательными, то хвалительными. Но именно этот рассказ не обсуждали. Ни слова, ни намека, ни-че-го.

Честно говоря, я уже не знал, что делать. Как поступить? Забыть? Или же пытаться вновь и вновь пробить всеобщее равнодушие? Я выложил эту историю своим друзьям и знакомым. Излил душу. А они, мерзавцы, вежливо восхитились выдумкой автора, мол, неплохой набросок для фантастического триллера. Пиши, брат. Не любишь? Зря. Сейчас это модно. Когда я истерически хохотал в ответ, они сочувственно качали головами. Творческая личность, да. Понимаем. Эмоции бьют через край.

Я пил водку. Один. Закрывшись дома и не отвечая на телефонные звонки. Смотрел в зеркало на небритую опухшую рожу и мучительно соображал — зачем? Мусорное ведро переполнилось. На кухне выстроилась целая батарея пустых бутылок.

Очнувшись через полмесяца, я сказал себе: хватит! Забудь.

С тех пор прошло семь лет.

Отчего я вдруг вспомнил этот случай? И рассказываю вам — известный автор на презентации новой книги? Совсем не в тему, да? Из-за охватившей меня депрессии или...

Почему вы так странно смотрите на меня?

Неужели вы думаете, что я...

Зачем вы все идете ко мне? Автографы будут потом.

Потом, потом, потом!

А-а-а!..

ЮЛИЯ СИРОМОЛОТ

АНЧУТКА

МАРИНА КРИКНУЛА МУЖУ ИЗ ВАННОЙ, ЧТО УЖИН ПОЧТИ готов, и чтобы он за картошкой присмотрел, если не против.

Стёпа не то чтобы был против. Он есть хотел после восьми часов занятий, а тут ещё не готово, оказывается.

— Марин, ну ты что там, а?

— Сейчас, родненький, сейчас.. ай... ой! Кусается...

— Марин, кусаться я буду, если мы сейчас же жрать не сядем!

— Да идём уже, уже идём, — Марина боком внесла в комнату полотенечный свёрток. Оттуда на Стёпана дерзко пялил розовые глаза котёнок.

— Фу, это ещё что такое? Гляди, какая морда наглая! Что, есть его будем?

Марина бросила полотенце на кровать, пошуровала в сковородке. Картошка чуть пригорела.

— Есть мы будем, что папа с мамой прислали. Скумбрию открой. А котов не едят.

— Зато он ест, — Стёпа вскрыл банку, пахло божественно. — Да ещё и перебирать будет — то не хочу, это не буду. Знаю я этих кошек. Ты чего это решила живность заводить? Как мы с ним будем, а?

Он уже набил рот картошкой и рыбой, и бормотал невнятно. Рыжий котёнок, надо отдать ему должное, не попрошайничал. Тихо сидел себе на кровати, деликатно вылизывал лапку. Вид после купания у него был взъерошенный.

— Анчутка, — Марина тоже принялась за еду, а кусочек рыбы всё-таки в банке оставила. — Лохматый потому что, видишь, какой? Как вздумала, а никак не вздумала. Идём с девочками с лабораторки, он на турникете сидит, пищит — разрывается. Ну, вахтёрша и говорит — мол, забирайте, нету сил уже просто слушать. Катюха отказалась — у них своя Гуталинка, у Верки ребёночек маленький дома, вот мне и пришлось. Да он сам ко мне подбежал. А что, жалко тебе кусочка зверю?

— Не жалко. На, зверь, на? Ух ты, не идёт. Но всё-таки... что он тут один-то целыми днями будет делать? Соседских тараканов гонять?

— Ну, прямо... у меня почти всегда пары с десяти, и один день библиотечный, а у Вальки другой, а у тебя третий.

— В третий я тоже работаю.

— Ну и ладно, а на лабораторки я его буду с собой брать.

— Угу, чтобы он там в дьюаре утонул.

— Не утонет. Горловина узкая. Я его Лиле Иванне буду отдавать в подсобку.

— О! А это идея. Почему бы Лиле Иванне его совсем не отдать?

— Потому, что это мой кошарик. Анчутка мой.

— Кто-кто?

— Анчутка. Не знаю, что это значит. Папа меня так называл, когда ещё мала была. Если вымажусь, или там порву что, когда с девчонками играем, он всегда так говорил — анчутка. Да ты что, Стёп?

Степан вздохнул. Рыжий котик вылизался, степенно — не по возрасту — спрыгнул с кровати, теперь тёрся о Маринину ногу. Тёрся и на Степана поглядывал презрительно.

— Да ничего. Но то я, знаешь ли, был твой. А теперь кот какой-то мелкий.

— Он вырастет, — мечтательно сказала Марина, — будет большой, красивый и важный. Настоящий профессорский кот. А ты будешь мой любимый профессор.

Будущий любимый профессор не выспался. Ночью Анчутка шатался по комнате, гремел составленными в углу пустыми стеклянными банками из-под домашних солений. Где-то за этими баррикадами зверь обнаружил сухой хвост от воблы и громко глодал его — Степану казалось, что над самым ухом.

Завтракали наскоро чаем с карамельками. И как только турки этот «Камаль» пьют, жаловалась Марина. А они и не пьют, они нам продают, отвечал муж, прихлёбывая дубильный отвар. Перед выходом прикинули, хватит ли ещё картошки, или опять идти кому-то стоять в очереди, а если идти — то кому. Решили, что до завтра хватит, а завтра Степан с Валькой смогут с утра вдвоём пойти и принести побольше. Если опять не будут два кило в одни руки давать. Но, по слухам, в «Жар-Птице» давали, сколько в эти самые одни руки влезет. За ручную тележку там, правда, могли и из очереди выкинуть, а в авоську — клади, сколько унесёшь.

Обычный день, и заботы простые, привычные. Но за всяким делом приятно было вспомнить, что дома — новый жилец. Марина умилялась, воображаемый рыжий Анчутка сторожко бдел на подоконнике — где там хозяева, идут ли, может, чего вкусненького несут? Хотелось не по очередям толкаться, а поскорее домой, к теплу — хотя какое тепло в выстуженной коридорными сквозняками общаге; к мирному вечеру, как на картинке из какого-то журнала: серьёзный, по-детски старательно вырисованный положительный молодец, она сама — свежая да улыбчивая, а по другую сторону — такой же улыбчивый и положительный, гладкий, как матрёшка, котофей.

Однако мирного вечера не получилось.

У Степана что-то не ладилось в его сельхозакадемии, добытый на родной кафедре за литр спирта умопомрачительно сложный эфир не экстрагировал того, что полагалось бы. Из-за этого к месту встречи опоздал, всю дорогу был хмур и даже в метро пытался что-то считать в рабочей тетради. На вопрос о том, чем бы угостить кота, Степан только фыркнул — мол, сам взялся, сам как-нибудь и прокормится.

Выйдя из лифта, услыхали питомца. Анчутка голосил, как целый кошачий приют. Из дверей по ходу высовывали головы соседи — кто ухмылялся, кто грозил пойти к коменданту, а в конце коридора, у самой пожарной лестницы, сидел на низком подоконнике корейский студент Чен. Он курил и читал толстую книгу. Услыхал шаги, обратил на Марину неулыбчивое медальное лицо и поглядел так, что сомнение взяло — точно ли собак они там едят, в Корее?

Вошедшего первым Степана Анчутка сбил с ног — метнулся, подвернулся, в темноте Стёпа охнул и обрушил со стены вешалку с зимней одеждой.

Марине же в ладонь уткнулось преданнейшее, истосковавшееся созданье, шейка тоненькая, позвонки колючие...

— Голодный, бедненький, сейчас...

— Ты лучше банки в сумке посмотри... уронил же, — сквозь зубы пропыхтел будущий любимый профессор; он всё ещё сидел на полу, тёр ушибленный локоть и поглядывал на будущего положительного котофея без приязни. — Чёртова киса, ещё и вешалку оборвал...

Марина спохватилась, выложила хлеб, достала и банки с салатом — не разбились, что им сделается. Жалко было мужа, — но кто же сослепу ломится! — и кота было жалко — весь день томился, обрадовался, а его тут шпыняют, ругают...

— А мы не виноваты, правда? — сказала тихонько. Кот не ответил, муж тоже. Он пытался устроить на место вешалку, обнаружил, что выпал из дрянной штукатурки гвоздик, яростно стал шуровать по ящикам, искал молоток, искал другой гвоздик, подебелее, наконец нашёл — заколотил его так, что чуть стену не выщербил, и на еду после такого даже смотреть не захотел. Сел проверять расчёты, веселья ему это не прибавило.

Марина задремала одна.

Наутро кошачья кутерьма продолжилась — Анчутка умудрился так попасться под руку, что нож соскользнул с буханки и едва не пропорол Стёпину ладонь. Марине и всегда-то непросто было терпеть мужнино плохое настроение — сдвинет брови, цедит отрывисто: «да... нет... всё нормально», а теперь ещё она и виноватой себя чувствовала. Виноватой, несчастной, заодно с котом нелюбимой, — ни слова не греют, ни взгляды — хоть плачь.

А к вечеру сложилось и того хуже.

Стёпа вышел в затхлый вестибюль, не сняв рабочего чёрного халата, поглядел на жену угрюмо, сказал, что получается у них с Валентином совсем уже ерунда, и что за установкой придётся следить непрерывно. Потому он на ночь остаётся, сегодня, и завтра, и, может быть, всю неделю придётся по ночам дежурить, потому что у Вальки теперь по утрам лекции для первокурсников, и вообще — поезжай, мол, Марина, домой, а я пошёл, у меня там насос не насасывает и экстрактор не экстрагирует, пока-пока.

И даже не поцеловал. Так, по макушке только погладил рассеянно. И убежал.

Марина уж и забыла, как это — коротать вечер одной. Голоса соседей в «трёшке» казались до обидного громкими. В гости пойти — и что там делать, все подруги вокруг мужей хлопочут... Ужинать сесть — одна тарелка и чашка на столе. Лечь, книжку почитать — места на кровати слишком много. И хоть бы улыбнулся! Хоть бы слово доброе сказал, нет, побежал свою экстракцию лелеять... Ну, прямо зло берёт, а ты, Анчутка, чего кругами ходишь? Не понял ещё, глупый кот, что к хозяину тоже надо

вовремя подойти? А то и будет тебя вот так всю твою кошачью жизнь пинать да шпынять... а мне, между прочим, из-за тебя с мужем сориться совсем неохота.

Анчутка свернулся кольцом на подушке, примирительно урчал что-то, грёл щёку, сушил невыплаканную слезу. Марина посмотрела на фотографию, что на книжной полке: муж строго глядел в объектив из-за её плеча. Всегда казалось, что он на страже — моя Марина, никому не отдам, — потому так неулыбчив. А сейчас вздохнула: доброй ночи, профессор, ага, как же — он и нахмуренной бровью не повёл, и краешком сурового рта не пошевелил — злится. Конечно, злится. Будто весь мир в его неудачах виноват, включая жену и котёнка. Ну, и раз так, не пойду к нему завтра после занятий. Не пойду, и всё... и пускай...

«М-ррина... М-рринаа».

— А? Кто здесь?

Снаружи светила в окно большая луна. Спросонок только и разглядела Марина, что светлое пятно на стене, где вешалка. Натянула одеяло на озябшие вмиг плечи. Стёпочка, ну что ж ты... мне одной тут страшно...

«Мрррринаа».

Анчутка. Ты, что ли?

Котёнок устроился на пишущей машинке, бледный при луне, и розовая пасть бледная, а в глазёнках — лунная прозелень.

— П`гврии. Вссё спишшшш, спишш.

— Анчутка? Кис-кис, маленький. Иди сюда.

— Не маааленький.

— Ой!

— Не к`рчии. Не бойся.

— Стё-паа...

Кот ухмыльнулся. Ой, как глупо, в самом деле. Стёпа-то на дежурстве. А тут — кот говорящий. Это, наверное, сон. Может быть, и Стёпа даже вовсе не уходил никуда, а сейчас чуть назад податься — и он там, тёплый, родной, сердитый муж.

Анчутка спрыгнул с машинки — точно на подушку. Ах, нет за спиной никого — только коврик да стена. Холодная. Значит — не сон?

— Ай... ты что, кот?

— Не кот. Хе-хе. Не кот.

Уселся, однако, по-кошачьи... нет, как белка... нет, как человечек маленький — задние лапы закинул одну за другую, хвостом опоясался — коты не могут так.

— Я боюсь. Сгинь. Брысь с подушки!

— Слуушшай, Мррина, слушай! — и лапкой передней так назидательно в потолок тычет. — Помощник я твой.

— Какой помощник?

— Какой полагается.

— Кому полагается? За что? Я тебя боюсь! Я сейчас свет включу.

— Хе-хе. Не включишь.

— Ах, так?!

Ой. Так. Ни встать, ни двинуться. Зверь прижал плечо — мягко, не больно, а не пошевелиться.

— Ты, Мррина, небось, дальше бабушки родни не знаешь?

— Котов точно не было!

— Не кот я, глупая девушка. Слушай. Анчутка я, ведьмин друг.

— Ай...

— Тихо. Слушай, — а у самого во рту будто уголёк мерцает. И глаза — зелёные-зелёные, светятся.

Заткнула бы Марина уши, а ещё лучше — проснулась бы, но Анчутка уже завёл тягучую речь, завёл и запутал. Вспоминал прабабушку — мамину бабку, Ульяну. Мол, сговорили ей в мужья из-за трёх околиц парня, потому что был из своих, из знахарей с деда-прадеда. А время-то было какое, все друг с другом воевали, не до тихого ведовства, не до разговоров с землёй-матушкой, вот Фёдор-молодец и ушёл в Красную Армию, и в далёком краю женился на другой, осталась Ульяна — сговорённая, без судьбы. От такой обиды обережники с обеих сторон тоже пошли друг на друга воевать. И вышло, что в Ульянином роду на два поколения дар замер («Я один остался, еле жив, а тут у вас опять война, да потом ещё космос этот развели, всё небо подырррявили, насилу окреп», — брюзжал Анчутка), а в роду Фёдора дар и вовсе пропал, некому стало молодых уму-разуму наставлять.

Ну, а теперь-то что?

А то, отвечал Анчутка, что Стёпочка твой — обидчику Фёдору правнук, а ты Ульяне правнучка. Думаешь, просто было вас свести?

Свести?

А ты как думала, отвечал мохнатый. Поработал я на славу. А теперь ты поработаешь. Изведём его, отомстим за Ульянины слезы, за дочку и внучку без дара. А жениха правильного я тебе найду. Хоть за тридевять земель.

Вот тут Марина и проснулась. Нудно пищал будильник. Анчутка на подушке поднял голову, таращил сонные глаза. Зевнул — в пасти будто уголёк пыхнул.

Ах ты, кот, — хотела было пошутить, да зверь зыркнул так, что заныло под ложечкой. Посмотрела на часы — пора, пора, весь день впереди. Глянула на фотографию — и опять трепыхнулось сердце. Хмурый, сердитый муж нависал над плечом. Рот гузкой, глаза злые, пристальные.

А вдруг это не сон был?

Нет. Коты не говорят, а ведьмы — ну, ведьмы бывают только в «Комсомолке». «Деревенская колдунья предсказала распад страны»... «Снимаю. Порчу». И так далее.

Хе-хе, сказал кто-то с кровати.

Марина, не оглядываясь, улыбнулась. Её так то ли выучили, то ли сама выучилась — спину ровно, улыбочка, вперёд! Так с улыбкой и умывалась, и одевалась; только про карамельку к чаю забыла. Улыбалась, кладя ключ в карман — ага, Анчутка, говорящий или нет — сиди дома. А в метро, в толпе, поглядела на

себя в тёмное стекло — одна! Все, как назло, по утрам парочками, друг у друга головой на плече, друг друга за руку держат, только она одна — сама, без пары, бросил, бросил, разозлился и ушёл!

Ну, казалось бы — так всё просто: чуть повздорили, с кем не бывает, и не ушёл ведь, а на работу уехал, просто так пришлось, что в ночь на неделю, оттого, наверное, и сон такой... Плюнь через плечо три раза (а это ещё почему?), скажи — «чур меня, чур меня», а не поможет — над водой рукой поведи, пошепчи, воду через три дверные ручки вылей и забудь страх, вот уже изнутри и слова нужные подходят: «Текла водичка... из крыночки, через город Еруса...».

Мама. Мамочка.

Будто из тепла, из уюта — на мороз.

Заметалась сначала душа, за ней — ноги по переходу, бестолково так. Что делать? Бросить всё, на кафедру к Стёпке поехать, ага — а сегодня зачёт по оргсинтезу... попробуй его потом пересдай, ох, горе, а дома ещё этот кот... котенька, рыженький, хоро... тьфу! Нет, ну в самом деле — просто кот же, просто кот, никакой не ведьмин помощник, не бывает такого! Голова, ноги — на первый-второй рассчитайсь, разобрались где что — поехали на зачёт. Наговоры до времени не вспоминались.

— Марин, ты что такая рассеянная? Смотри, температура куда уползла, смолиться сейчас начнёт!

— Ой. Спасибо. Льда... ох ты...

Кастрюлька с мелко колотым льдом с солью (в морозилке ведь должна быть?) неожиданно упирается в локоть. Раз-раз-раз, жестяным совочком, обжигая застывающие пальцы, — и температура в реакторе сползает вниз.

— А кто её здесь поставил? Верусь, ты?

— Нет. Это ты, наверное.

— Да нет же...

— Ой, чё-то ты сегодня, Марин, прямо не в себе.

Марина вздрагивает.

— Спала плохо.

А всё-таки обошлось. И продукт не осмолился, хотя мог бы, и разделение прошло гладко, и зачёт был подписан. Хорошо бы по этому случаю тортика... да вот фигушки. Закрыт киоск с тортиками, с сентября так и не открылся, а соседний продуктовый магазин на улицу светит пустыми полками. Болтается на булочной плакат — «Хлеба нет и сегодня не будет». Почти зима уже, а тут ещё такая во всём разруха... как тогда, наверное... бедная бабка Ульяна... и кто же теперь за картошкой пойдёт?

Не с кем нынче тортик есть, вот так.

Поскользнулась на первом гололёде, ухватилась за столбик автобусной остановки, упрямо сказала неизвестно кому: «Он меня любит!»

Любит, любит, ответил кто-то, подхихикнув в ухо. Да вот ты-то сама?

От метро до общежития идти десять минут, ехать — пять. Ехала, стиснув всё внутри в плотный комок — ни о чём не думать, а то такого надумаешь...

Поднялась в лифте. Прошла пустым коридором. Отперла дверь. Темно. Тихо.

«Мряау, — Анчутка будто следом вошёл — из коридора. Сел, нагнул лобастую голову, сунул в пасть переднюю лапку, — Мрряу».

Кот котом. Или нет?

Скинула куртку, помыла руки — пальцы словно от того льда так и не отошли, ныли потихоньку. Вошла в комнату — и обомлела.

Либо память шутки шутит, либо...

Кто-то чайник воткнул в розетку. Сама, небось, первым делом-то, ну, не Анчутка же! А кот — ох, мамочки, — сидит на столе, по-беличьи держит в передних лапах кусочек хлеба, откусывает острыми мелкими зубами, ухмыляется.

Но заговаривать с Мариной зверь не стал. Доел хлеб, спрыгнул мягонько, перебрался на кровать, заурчал. От родительской посылки Марина отрезала кусочек сала, сделала бутерброд, коту отложила корочку — в одиночку ужинать по-прежнему не хотелось, да и чаепитие тоже, конечно, не то, что позавчера. Понемногу отогрелась, перестало занозой свербить и утреннее — что брошена вдруг, что уже не придёт любимый человек, да и другое, вечернее — какой же он любимый, когда голова не кружилась ни разу? — тоже прилегло, пригрелось. Кот уютно ворчал на кровати, от тепла клонило в дрёму.

— Времена пошшлиии, — вдруг выплыло из котовьего воркота. — А меня, м`жду прочим, кашей кормить п`лагается, ррраз в год.

— Что? — Марина встрепенулась. — Какой кашей?

— Грррречневой. С масссломм.

Анчутка! Опять он! Хвостом подпоясанный, уголёк между острых зубов.

— Где ж я тебе кашу возьму? Разве только макароны.

— То-то и оно, — рассудительно отвечал «помощник». — С таким, как этот баламут, — не возьмёшь. Ты меня слушай, девушка, будет тебе счастье и хороший муж. А мне — по трудам покой и каша.

Хорошо бы встать, подумала Марина, подойти, да взять за шиворот этого прабабкиного дружка. Да тряхнуть, чтобы все косточки перемешались. Но вставать было лениво. Лениво было и думать — любит, не любит, люблю, не люблю. Устала Марина. Марине бы поспать. Да только холодно будет. Лучше тут сидеть, пока сидится — чайник, кислая карамелька за щекой, турецкий чай веником...

— Нет, не любишь, — веско изрёк Анчутка. — Да ты сама посмотри, за что его любить? Что он, красавец? Может, семи пядей во лбу? Ты у сердца своего спроси, зачем замуж выходила.

А сердце — сонное, уставшее всякой мысли бояться, вдруг возьми, да и подскочи, как рыбка на сковородке.

Зачем?

Зачем?

Ах ты, лукавая мышца — да не тебя ли тогда дёрнуло, когда он в коридоре стоял, не ты ли сигнал принимала — за него надо замуж выходить, за этого? Когда ещё ни судьбы, ни имени, а только посмотрел он так...

Это дело нехитрое, отвечал Анчутка в самое ухо. Сигналы там, прочее — наука не из важных, ты и сама живо научишься наводить. Да какая он тебе пара, ты вспомни, вспомни, Марина, ты вспомни, вспомни...

И вспомнила. Всё-всё вспомнила.

Ох, зверь. Ну, что же — прав ты, конечно. И замуж-то вышла, потому что тот, другой — он смотреть не хотел, отворачивался. И сигнал, наверное, был обманный, наведенный. И было ведь, не один раз — вдруг будто очнёшься, смотришь — кто это? Рядом? Зачем? Почему не тот, желанный, первый, у кого щёки были, как персики, вот уж этой-то памяти не избудешь никогда, можно только упрятать поглубже...

Нашепчешь, шелестел Анчутка, будет тебе и персиковый твой, приползёт, коженьки слезами вымоет, на руках тебя носить будет, до звёздочек частых донесёт, а этот — что? Тьфу! Ему же хуже, если любит тебя, ведьму по своей воле любить — дело опасное, а ты у нас ведьма, Маринушка, как есть — ведьма, ты меня слушай, я тебе весь мир ваш на ладошечку положу, ты только сейчас вещички-то собери, тебе и делать ничего не надо, ты к подружке поезжай, есть же подружка?

Есть, отвечала Марина, толком не видя, что и как. Слезой заволокло всё — то ли себя жалко, то ли ещё что-то.

Поезжай, поезжай, а ему ни слова не говори, он и зачахнет, а твоего жениха мы тем временем приманим.

Погоди, зверь. Как это — зачахнет?

Да очень просто, захихикал Анчутка, заморгал зелёным прямо в расширившиеся зрачки.

Присуха же на нём, сам делал. А отвернёшься, он и зачахнет. Ты его и не увидишь больше, вот как!

Ты, Маринушка, сильна. Ой, сильна, бормотал зверь. Ты пальчиком судьбу почти любую можешь гнуть, только силы своей не знаешь. А я тебе помогу, и сам сильнее буду, ещё сто лет проживу, женюсь на доброй домовушке, будут твоим дочерям помощники, ты только не отступись.

Нет, не верю я тебе. Ну, хорошо, ну, пусть я не по любви, пусть умом решила, что так лучше, но он-то меня любит!

Присушено, фыркнул не-кот, усаживаясь на остывший чайник. А даже если и любит, так тебе-то что? Главное, чтобы ты любила! Чтобы огонь! Какая ж ведьма без огня?

И подмигнул снова — глазом и пастью.

Всё равно, не верю. И вообще, это я сплю. Какая из меня ведьма? Я даже слов никаких не зна...

Осеклась.

Утром-то. В поезде, который под землёй, а?

В метро, машинально поправила Марина. Эй, а ты откуда знаешь?

Я про тебя всё знаю. Ну, давай, вот тебе платочек, вот свечечка, ну, а теперь ты сама попробуй, матушка...

Что попробовать-то?

А силу свою попробуй. Позови его. Увидишь, как придёт!

Да ты что! Кто придёт?

А кого захочешь, тот и придёт. Ты сядь вот так, вот, ну — и говори!

Марина и опомниться не успела — а уж какой-то незнакомый, старый бахромчатый платок и впрямь лёг на трёхногий обеденный стол, и лампочка в рыженьком абажуре погасла, а взамен затеплилась свеча, притянула взгляд. А слова сами пришли, потому что простые же.

«Жду тебя, как земля дождя, как голодный еды, как вечер звезды. Посылаю за тобой трех ангелов-гонцов... Габриеля, Зазеля и Фириеля. И пусть без тебя они не вернутся. Буди мои слова крепки, лепки. Аминь».

Амиииииинь.

Щёлкнул замок.

Сопенье. Нет, фырканье, шорох ботинок о коврик.

— Ты что это — брысь, хвост отдавлю! — ты чего в темноте сидишь?

Марине сказать бы что — а горло пересохло, руки холодные, и вообще, всё какое-то мутное.

— Стёп? Ты...

— Угу, — свет включил, куртку снимает, как ни в чём не бывало. Пришёл... пришёл, значит?

— Да мы с Валькой посчитали — всё равно, реакция сдохла почти, чего её зря гипнотизировать. Он там до полуночи ещё посидит, а я, раз такое дело, ушёл пораньше. А на Баррикадном, между прочим, в наборе кашу давали. Готовая какая-то, вроде детского питания, в порошке. Я три штуки взял. Попробуем?

Марина поморгала, туман вроде как уплывал, но мужнино лицо то ли двоилось, то ли другое чьё-то сквозь него чудилось.

— Стёпа...

— Ой, Стёпа! Небось, не ждали, посиделки тут впотьмах устроили. Марин, да ты чего, что — зачёт сорвался? Болеешь?

Марина перевела дух. Муж с корточек, над сумкой с гречневой кашей в пакетиках, заглядывал ей в лицо. Обыкновенно глядел — ну, чуть встревоженно, и какая же там присуха, какие наговоры?

— Так ты... значит... сам пришёл?

— Да уж не на такси приехал! Ну, чего мне там сидеть, в этой конской Академии, когда ты тут одна с этим ходячим бедствием... ах ты ж, чучело хвостатое!

Марина оглянулась.

Анчутка задумчиво обнюхивал лужицу на линолеуме. Задние лапы растопырил, чтобы не намочить, и вид имел невинный и неуклюжий.

— Ох, я его сейчас тапком!

— Погоди, — Марина поднялась. — Это мой кот, сама буду его учить.

Откуда что взялось — не раздумывала. Вытащила зверя из лужи, подняла за шкирку и зашипéла, больно щёлкнула в розовый нос. Анчутка оскалился было, махнул лапой, но хозяйку не перешибёшь — она и скалилась злее, и шипела громче. Анчутка дёргался, дёргался — жалобно запищал, обмяк, — сдался.

— Вот так-то, — мстительно выдохнула Марина и бросила усмирённого на кровать. — Понял, кто тут главный, да, кот?

Кот понял. Уткнулся в лапы, ни проблеска зелени в глазёнках — унылая рыжая морда, одно слово — Анчутка!

Марина фыркнула ещё разок, на всякий случай, лихо подтёрла лужу ботиночной тряпкой, пошла мыть руки. В ванной поглядела в зеркало — судьбу, значит, пальчиком гнём? А как же. Если бы только сказал, что любит безумно, что соскучился и бросил всё — плакала бы сейчас, и не знала бы, куда деваться и как с этим быть, а так... Ведьма ли, нет ли, а Стёпа-то мой. И... и мой, и всё тут.

— Ну, хозяин, — сказала, вернувшись в комнату, — каша, говоришь? И варить не надо, только кипятком? Отлично. Вот коту первому и дадим — попробовать.

ИГОРЬ МАСЛЕНКОВ

ЧУГУН-МЕТЕОРИТ
(ДЕРЕВЕНСКАЯ ФАНТАСТИКА)

СРЕДИ ОБИТАТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ СВИНОЛУПОВКИ, СГИНУВшей в непролазной грязи полей и бесконечности земли, тракторист Никанор Макарычев талантами не выделялся и к сорока пяти годам особой мудрости не скопил. В справедливости печатного слова давно разуверился, оттого книг и газет не читал, а нанизывал их на ржавый гвоздь в собственном сортире. Человеком был он тихим, самогоном, как и все мужики, не брезговал, но пил в меру. Волю рукам не давал и жену Глашу колотил раза три-четыре в год, да и то лишь по большим праздникам.

Жизнь Никанор вел неспешную, с расстановкой, не напрягая сил ума до предела. Политические переустройства воспринимал с терпением, а всевозможные начальственные безобразия относил на счет государственной необходимости, отчего порою испытывал на себе активное недоумение односельчан.

Так множил он годы, идя навстречу темной судьбе, довольствуясь повседневностью и хозяйственными заботами. И дожил бы до старости, не смущаясь парадоксами мыслей и чувственных восприятий, ежели бы не окаянная Глаша, выгнавшая его однажды из прохлады избы в июльское пекло на приусадебные работы. В нервном смятении поплелся он полоть сорняки, поминая супружницу последними словами, мысленно жалея самого себя, пострадавшего безвинно от нерадивости жизни.

С тоскою Никанор глядел на поникшую от солнцепека огуречную листву, иссушенную землю и сочные бурьяны, паразитировавшие на несовершенстве растительного бытия.

От скуки механизатор пытался завести разговор с огородными травами, но беседа почему-то не клеилась. На ум шли отвлеченные мысли, вовсе не связанные с окружающей природой, изнывавшей от всеобщего томления середины лета. Макарычев бездумно, больше по обыкновению, орудовал сапой, впадая в тоскливое оцепенение. И вот, окончательно отупев от жары, Никанор вдруг встрепенулся, заслышав скрежет металла.

Врожденное любопытство заставило свинолуповского жителя остановиться и осмотреться. Мать-земля преподнесла ему что-то коричневое округлой формы. Никанор подумал было на снарядный осколок и решил выбросить прочь скрытого вредителя. Рука ушла в рыхлый и теплый грунт. Бережно извлек он находку, слишком большую и необычную для осколка. Весом никак не меньше трех кило, с гладкими краями, вся покрытая какой-то коркой. На вид вроде как и железо, а на ощупь походила на камень.

Дивясь происшествию, Никанор оставил работу. Незнакомый предмет снес в сарай, рассудив про себя, что коль сыскал он железо — определит его в скупку вторсырья. Окажись оно камнем, тоже ведь в убытке не останется. Всегда подобный материал на стройке необходим. А ежели строительство не предвидится, так можно подпереть им покосившиеся от ветхости деревянные ворота. Так что, как не крути, а в хозяйстве такая вещь весьма полезна и годится для всякого применения.

В конце знойного дня, когда звезды, словно прыщи на роже соседской девки, высыпали на небосвод, Глаша накрыла стол, и Никанор со спокойным сердцем утолил естественный голод. Опорожнив для укрепления душевного равновесия стакан самогону, Макарычев вышел из избы вдохнуть ночного воздуху. Наслаждаясь внутренним ублаготворением, неспешно закурил, проверил, заперт ли хлев и курятник, и в полном согласии с самим собой отправился спать.

Ночью от выпитого за ужином в человеческом организме случилось брожение внутренних соков. Макарычев проснулся, ясно ощутив желание отдать природе то, что так неосмотрительно забрал у нее накануне. Никанор неуклюже перевалился через храпящую Глашу. Та, не выказав неудовольствия, лишь промычала и перевернулась на другой бок. Сев на пол, Никанор, чертыхаясь и сопя, натянул сапоги и подался вон из избы, задев в темноте головой дверной косяк в сенцах.

Выйдя во двор, он основательно вздохнул, наполняя глубину легких атмосферой Земли. Справив малую нужду и ощутив легкость во всем теле, решил было вернуться в постель, согретую широким глашиным телом, как вдруг взгляд привлек рассеянный желтоватый свет, сочившийся сквозь щели меж растрескавшихся от времени и непогод досок сарая. Подумав, что туда забрались воры, Никанор ухватил подвернувшиеся под руку вилы и стал приближаться к сараю, где хранилась всякая рухлядь и скудный инвентарь земледельца.

— Эй! А ну-ка вылазьте, ироды!

Полуночник, донимаемый нервным зудом, вломился в сарай, дивясь собственной прыти. Нерушимая тишина, запах пыли, тряпья и пересохшей кожи царили вокруг. Макарычев огляделся по сторонам, но никакого злоумышленника не выявил. Все, как и прежде, включая лопаты, грабли, старый хомут и прочее хозяйственное снаряжение, размещалось на отведенных местах, лишь только с полки, висевшей в дальнем углу и заставленной пустыми трехлитровыми банками, распространялось холодное желтое сияние. Неведомые лучи молчаливо неслись в пространство. Отчего-то вспомнилось новое бархатное платье продавщицы Дуни, работавшей в продмаге. И осознав, что свету тому нашлось знакомое сравнение, на душе у Никанора распространилось удовлетворение. Всем естеством своим задумался он о причине столь необычного явления природы. А свет, меж тем, испускал чудной предмет, найденный давеча на огороде. Никанор коснулся камня огромными задубелыми ладонями, но кроме шершавой поверхности да холода ничего не ощутил.

Мозг тракториста, не отягощенный особыми познаниями в науках, да к тому же отравленный стаканом самогона, не мог родить никакой подходящей мысли.

Подумалось о Глаше, теплой постели и будильнике, заведенном на шесть часов. Захотелось спать, и Никанор, не смея противиться воле естества, разгадку тайны огородного камня отложил до лучших времен, более благоприятствующих неспешным размышлениям.

Проснулся Никанор от незнаемого доселе нетерпения. Открыв глаза, он осмотрел избу, в которой вот уже несколько поколений его предков вели нескончаемую борьбу с напастями личной и общественной жизни. Однако все вокруг не показалось столь знакомым и незыблемым, как мыслилось накануне. Вместо привычной Глаши, прожившей с ним в замужестве без малого шестнадцать лет, большую часть скрипучей кровати занимала толстая тетка с небритыми подмышками в цветастой ночной рубахе. Оплывшая жиром, невольная ночная подруга Никанора громко с присвистом храпела. Губы ее блестели слюной и непрестанно шевелились, словно ножки омерзительного насекомого. И показалось Никанору, будто видит он, как чрево женщины полнится ядом тоски и скорой смерти, темной зловонной жидкостью распространяясь по внутренностям.

— Глаша! Да ты ли это? — пробормотал удивленный супруг и толкнул в бок то, что еще вчера было его женой, отчего обтянутое стареющей кожей сало пришло в движение.

— Ты че? Совсем ополоумел, хрен старый? — пробасило существо, отбрасывая в сторону латаное одеяло, обнажая невообразимых размеров ляжки.

— Стало быть, ты и есть Глаша? — в недоумении переспросил Макарычев.

— А то кто, алкаш проклятый! — она уставилась на мужа мутными выцветшими глазами. Лицо ее опухло ото сна, русые волосы растрепались. Видом своим она произвела отвлеченное смущение, которое, впрочем, вскоре улеглось, и Никанор вспомнил, что пора следовать направлению привычной жизни, не обращая внимания на всяческие недоразумения, происходящие от непосильности работ и хронического недопития.

Весь день Никанор томился тяжестью в теле. Приготовив трактор и прицепив к нему бочку с водою, он отправился на пойменные луга, где селяне выпасали фермерское стадо. Проезжая мимо сосняка, Макарычев впервые за многие годы с неподдельным интересом рассматривал знакомые с детства места, дивясь мудрости природы, изобразившей на песчаных холмах, поросших чахлым мхом и разнообразными травами, волнительной красоты лес. Будоражимая глухою тревогой, кровь неслась по жилам, удивляя человека обыденными вещами.

На ум пришло ночное приключение, диковинное свечение огородного камня, нечесаная Глаша и много такого, о чем Никанор никогда и не думал. Вспомнил он и про Митрича, тощего мужичонку лет пятидесяти пяти. Тот был хоть и пьющим, но все же приближенным к культуре человеком, так как заведовал клубом, имел в подчинении библиотеку, киноустановку и магнитофон. Старый клуб довоенной постройки давно нуждался в капитальном ремонте, и районные власти, ссылаясь на категорическое отсутствие средств, не раз пытались его закрыть. Клуб-учреждение казенное, и без бюджета вся его судьба бы и вышла, а Митрич, хоть и родился на свет без всякого

плана и указания, по воле сердца находился при исполнении культурного строительства, потому как обыватель без исполнения есть одно пустое место. Митрич, будучи в Свинолуповке лицом значительным, всячески препятствовал вышестоящим возмущениям и щедро делился с сельскими жителями плодами просвещения.

Вечером, отработав положенное, Никанор положил чудо-камень в прохудившийся мешок и, мучимый умственным томлением, отправился в клуб. В этот день, согласно графику, деревня обходилась без мероприятий, и скучающий культработник проводил время в безделии на крыльце общественного здания. Лениво покуривая «Приму» погарской табачной фабрики, он наблюдал за тем, как изделие пищевой промышленности медленно превращалось в седой пепел.

— Здорово, Митрич! — рявкнул Никанор, поскольку завклубом был туговат на левое ухо.

— Здорово. С чем пожаловал? — с ухмылкой проговорил Митрич. Докурив цигарку до самых пальцев, желтых от никотина, он тяжело, с глубоким чувством, вздохнул. — Аль на кино пришел? Так сегодня нету. Приходи завтра. Из района обещали привезти старую картину, душевную... Как же ее? Вот черт! Забыл! Ну, ничего, приходи завтра, тогда и узнаешь. Погоди, а что это у тебя за мешок? Куды собрался? С воровством, на фермерские поля? Задумал разбой учинить?

— Да я...

— Знаю, знаю тебя! Думаешь, не помню, как ты с мужиками окрест подсолнух да кукурузу чистил?

— Так ведь время не пришло, — виновато оправдывался Макарычев.

— И то верно, — спохватился Митрич. — Чего же тогда землю топчешь? Аль дома не сидится, аль какая нужда?

— Стало быть, нужда.

— Ну, докладывай, коль пришел.

— Вот и говорю. Ты даром что тощ да ростом мал, но люди трезвонят, будто вся сила у тебя в мозги ушла...

— Ты людей слушай, слушай. Особливо баб. Не такое сбрешут.

Никанор запнулся, сообразив, что сболтнул не то, но все же продолжил.

— Вчерась огурцы полол да вот неведомый плод земли отыскал, — запустив пятерню в мешок, он достал огородную находку и протянул ее завклубом.

— Да, брат... — в задумчивости произнес Митрич, почесав в умственном напряжении щеку, заросшую грязно-серой трехдневной щетиной. — Не силен я в космических фактах, да только сдается мне, что к тебе на грядку метеорит свалился.

— Это какой такой метеорит? — в удивлении спросил Никанор.

— Ну, ты оглобля, дурья башка! Аль не слыхал никогда? Летают в межзвездном пространстве куски мертвой планеты. Летают, значится, по астрономическим орбитам. А там, глядишь, самый непутевый отобьется от общего стада и на Землю плюхнется, да от воздушного трения гореть начинает. О том и корка свидетельствует, — сказал свинолуповский просветитель, словно приговор определил. — Бывают такие штуки железные да каменные.

— А этот какой? — не сдержался Макарычев.

— По всему видать, железный. Видишь, как ржавьем изошел.

— Ну, Митрич, спасибо за науку, — с некоторым разочарованием в голосе произнес Никанор, пряча метеорит в мешок.

— А ты, должно быть, решил, что там золото внутрях? Лучше скажи, чего делать с ним надумал.

— Да ничего.

— Надобно в район свезти, в музей показать.

— Успеется.

— Как знаешь...

— Ну, ты того, по деревне зря не болтай, не то участковому в момент доложат, а тот приедет и враз отымет.

— Да раз такое дело... Я-то промолчу.... Коль к бабе Марфе за поллитрой сбегаешь.

— Договорились. Зайду на днях. Ну, прощай.

— И тебе того же. Кланяйся Глаше, — сказал завклубом, достал очередную цигарку, глянул в след Никанору и погрузился в потаенные мысли.

Речи Митрича внесли смятение в душу, породив нечаянное тоскливое чувство. Меньше всего на свете Макарычев помышлял о куске мертвой планеты. «И то сказать, железо, — неспешно размышлял Никанор, — Комбайн, трактор или, на худой конец, лопата. Вот тебе железо! А этот корковатый, да и весом не тянет. Скорее уж чугун. Отчего я Митрича не спросил про химическую точку зрения? Да и есть ли в космосе чугун? Должно быть, есть. Без чугуна и железу не быть. Вот тебе, здрасьте, чугун-метеорит».

Никанор в задумчивости шел по деревенской улице, равнодушно глазея на покосившиеся от естественного износа заборы, любопытных старушек в пестрых платках, брехливых собак и облезлых котов. Всюду он чувствовал усталость жизни и косность сельского бытия.

В пустоте собственной избы он обнаружил Глашу и двух дочерей, хлопотавших по хозяйству. Домашних бесед начинать не стал. Молчаливо выслушал упреки, поужинал и завалился спать. Но сон обходил его стороною.

Ворочаясь с боку на бок, он слушал мерное похрапывание жены, отчего в душе пробуждалось сожаление о прожитых в бестолковой суете годах и о загубленной молодости Глаши. Вспомнил и о дочерях, чьи судьбы будут похожи на участь матери, как две руки. От этих мыслей Никанору захотелось плакать. Он встал и подался прочь, туда, где среди сельхозинвентаря в бесполезности лежал чугун-метеорит.

Близилась полночь. Звезды без всякого смысла пялились на изможденный дневным бдением мир, тонувший в омуте сна. Скрипнули давно не знавшие масла ржавые дверные петли. Таинственный космический посланец, как и прежде, дарил Никанору дармовой желтый свет.

Макарычев остановился. Долго смотрел на пришельца из пустоты мироздания и тихо мыслил: «Какова твоя судьба? Где ты родился и зачем явился? Какая неизвестная науке нога ступала по тебе?» От тех рассуждений в тело Ника-

нора проникала мировая скорбь, грызя усталые человечьи кости, а в голове воцарялась простота и складность.

Утром, позабыв о бессонной ночи, Никанор бодро зашагал в правление. Зайдя в руководящий кабинет, он потребовал у бывшего председателя колхоза «Заря коммунизма», а ныне фермера и главного работодателя деревни Прохора Степановича Мироедова, полный расчет. Озадаченный небывалым для жителя Свинолуповки поступком, Мироедов насупился, помянул чью-то мать, но расчет дал.

Оставив в прошлом тяжесть прожитых лет и хозяйских забот, Никанор, что-то насвистывая себе под нос, поспешил к Митричу просить разрешения записаться в библиотеку. Завклубом, не найдя толкового объяснения разительной перемене в жизни тракториста, закурил цигарку и выдал формуляр для заполнения.

Весь вечер Макарычев разглядывал цветастые корешки книг и дивился их множеству. И мир для Никанора потерялся. Лишь незадолго до полуночи он вернулся домой, съел наспех две вареные картошки и отправился в сарай наблюдать космическое излучение.

На следующее утро, дознавшись про увольнение, Глаша учинила форменный скандал. Но муж не стал терзать женщину злостными ругательствами, а только улыбался внутренним мыслям. Те же разбрелись кто куда, словно куры по двору, роясь в ветхости воспоминаний в надежде отыскать зерно истины.

Мирно и счастливо летели порожние дни. Колос наливался желтизной земляных питательных соков. Угрюмые облака ползли по стылому небу. Вслед за ними в поисках улучшения судьбы потянулись и птицы. Заморосил надоедливый дождь, мешая грязь полей с омертвелой стерней. По всем приметам выходила осень.

Глаша, подчиняясь зову женского сердца, пыталась наладить семейный быт, да только Никанор не шел на поправку. По совету соседей она послала за фельдшером, чтоб тот установил причину внутренней болезни мужа и отыскал подобающее лечение.

Оробевший супруг досмотру не противился. но ничего противоестественного в устройстве организма Макарычева местный эскулап не обнаружил.

— Видимо, дело обстоит в скрытом обороте умственных токов, — витиевато выразился лекарь и пошел из избы мокнуть под октябрьским дождем.

Почуяв неладное, Глаша собрала вещи, детей, скотину и ушла к матери, тихо дожидавшейся смерти на другом конце деревни.

Никанор тем не опечалился. Всяческие бытовые стеснения сносил безропотно, ел мало, а пить бросил еще летом. Все время читал да созерцал чугун-метеорит. После того, как в свинолуповской библиотеке не осталось ни одной не прочитанной книги, Никанор отправился в район, где пропадал помногу дней кряду. Когда же его охватывала умственная тоска, он возвращался в Свинолуповку, ходил по окрестностям, дивясь лаконичности природных картин поздней осени, а также тому, как много на улицах валяется битого кирпича и прочего мусора без всякой пользы для человечества.

С людьми теперь Никанор общался мало, а ежели и пытался заговорить, то по большей части оставался непонятым. Лишь в Митриче он видел достойного собеседника, подолгу споря с ним о философских системах Канта и Ницше.

Сострадая глашиному горю, свинолуповцы прозвали Никанора странником и босяком, а иные и вовсе юродивым. Макарычев не обижался, злобы в сердце не таил, а только сочувствовал да жалел их, списывая ту неприязнь на умственную ограниченность и косность быта. Нынче все для него уподобились деревьям: всяк схож лицом, а каждый родит свое. В том неизведанном факте Макарычев видел великую загадку и утешение.

Охваченный тихой скорбью, Никанор шел из избы, блукая по пустым проселкам без видимого дела, где только вороны да пронизывающий ветер были ему верными сотоварищами. Наблюдая тихую смерть природы, он силился понять, как в век поголовной грамотности и компьютеризации люди обходятся без Пушкина, Толстого, Достоевского и Булгакова, променяв скупую красоту мира, звездного неба, росу на стеблях трав и трескотню кузнечика на ложь коммунального рая, подчинив себя неписаным циркулярам и предписаниям убогого технократического существования? Зачем хоронятся в укромных местах, питаясь завистью и злобой? Помышляют они только о харчах да железе, гния на корню. А где же любовь и душа? Покойно ли им в скорлупе безразличия и цинизма?

И тут, теряясь в безднах человеческого нутра, небывалое внутреннее освобождение зажгло в Никаноре нехитрую радость, даруя пытливому разуму идею обновленной жизни. Понял он, что камень, прозванный им по невежеству чугун-метеоритом, вовсе не метеорит, а ретранслятор космического естества, произведение иных миров, недоступных глазу статистического обывателя. И от мысли той сделалось тепло и уютно, а дух воспарил над раскисшей от дождей землею. Почувствовал себя Макарычев вселенским человеком, коему стала доступна для постижения умом гармония мирового устройства. Ясность и покой охватили тщедушную плотскую оболочку, изможденную внутренней работой. И грезились ему ландшафты далеких планет, населенных всевозможными расами высокоразвитых существ, творивших в один такт с природой. Увидал он множество космических туманностей, всяческих небесных тел и познал тайну жизни и смерти. Оттого взяла его обида за бесцельность предыдущего существования: «Я, свободный человек, все годы жуком навозным ползал по отбросам цивилизации, кормясь помоями духа. Какая нечаянная вышла моя судьба».

Думая так, он жалел Глашу, чью жизнь извел через бытовое непотребство. Жалел дочерей и Митрича, прозябавших в скудости и серости деревенской обыденности. И внутреннее единство Никанора надломилось, а после и вовсе рухнуло, обратилось в прах. Он пытался отыскать путь к счастью всего человечества, да не сдюжил, надорвался и потерял веру. Нет, не свободный он, а слабый, никчемный человек, годный только послужить полевым удобрением, и жизнь его всего лишь сплошное недоразумение, турбулентность природных потоков.

«Истина моя — зло! Она весь мир замучит. Ведь чего случится, ежели каждый сообразит, что он червь, блоха, зверь дикий, а не человек? От мысли такой народ тоской изойдет, да и вымрет от совестных страданий. Уж пусть тогда я один изведусь. А камень тот проклятый изничтожу!» — от тяжкой грусти собственных противоречий мозг Никанора полнился желчью тоски. Из глаз холодными осенними дождями струились слезы. Разочарование скользкой противной крысой пожирало сердце. Забываясь отчаяньем, теряясь неприкаянным бродягой, он поплелся домой, терзаемый страшным намереньем.

Войдя в сарай, он бросил полный ненависти взгляд на мирно лежавший чугун-метеорит, спешно сунул его в мешок и снес скупщику металлолома. На вырученные деньги взял у местной самогонщицы Марфы бутылку хмельного пойла, выдул всю залпом и провалился в липкую бездну пьяного сна.

Хоронили Никанора Макарычева всей деревней в пятницу. Мужики не сдержались и вновь подрались. Глаша, почернев от горя, тихо плакала, поминая непутевого мужа. И только осоловевший Митрич смирно сидел за столом, смутно догадываясь о тайной причине происходящего.

Январь 2006

АЛЕКСАНДР ДУСМАН

КАЖДОМУ СВОЁ

ДЛИННЫЙ, ИЗВИЛИСТЫЙ КОРИДОР ОБРЫВАЛСЯ ТУПИКОМ, близким уже, но всё менее желанным. За спиной захлопнулась дверь, кажется, девятая по счёту. Времени оставалось совсем немного, но я успевал. Пусть на самой грани, без запаса, но успевал. Последний список, четыре имени на два часа. Нормально.

Я подошёл к зеркалу, висевшему у следующей двери. Задержался на миг, с улыбкой оглядев свой яркий клоунский наряд. Убрал красный нос-картошку, щелчком пальцев очистил лицо от весёлого грима, оставив грустные глаза и неопрятную бородку. Добавил роста, умеренный пивной живот, поношенный костюм, очки в толстой позолоченной оправе. Сойдёт. Теперь — вперёд, на поиски мечты. Как хорошо, что далеко ходить не надо.

— Мечту, быстрее, — распорядился я и бесцеремонно пнул дверь носком давно нечищенного ботинка. — Код девять-девять два. Зелёный. Или жёлтый.

— Жёлтый, — сообщила дверь голосом Машины. — Пора бы и запомнить.

— Поздно уже запоминать, — мрачно сказал я и нагнулся за тонким листком бумаги, появившимся на пороге. — Трактир?

— Ага, — сказала Машина. Компьютер, точнее, но это ведь так безлично. Да и характер подходил вполне.

— Валера крайне предсказуем. Могу поспорить, не читая, что там будет. Он нам все уши прожужжал ещё вчера, в деталях.

— Передай ему привет. Он хороший, — попросила Машина.

— Обязательно, — пообещал я и открыл дверь, из-за которой уже доносились звуки танцевальной музыки и громкий смех перебравших завсегдатаев.

В трактире было сильно накурено. Валера возвышался за центральным столом и настойчиво требовал внимания, размахивая и стуча пустой литровой кружкой.

— Хозяйка! — закричал он и шлёпнул пробегавшую мимо официантку по соблазнительным округлостям. — Ещё одну! Две!

— «Обладательница пышных форм и кроткого нрава», — прочитал я с листка и невольно расхохотался. Девушка обернулась в притворном возмущении и игриво подмигнула Валере, который с готовностью расплылся в смущённой улыбке.

— Как мало нам нужно для счастья, верно? — громко сказал я, сделав незаметный знак захмелевшим статистам. Музыка деликатно притихла, послушные иллюзии неровным строем расползлись по угловым столам.

— Старик! — обрадовался Валера, взволнованно обмахнув платком куцые остатки шевелюры. — Я уж было решил, что ты не придёшь. Вот только имя... имя-то я и не припоминаю.

— Артём, — подсказал я и сел напротив. — Дружим с детства.

— Точно! Сколько лет, сколько зим! Как дела, рассказывай, дружище. И вот, — Валера подтолкнул ко мне кружку, наполненную до краев. — Чтобы в горле не пересохло. Сам-то я сегодня пью безалкогольное, но тебе заказал высший сорт.

— Безалкогольное? — старательно поразился я. — Но почему? Старик, я тебя не узнаю.

— Знаешь, Ар... — Валера прервался и поднял глаза к потолку, вспоминая, — Арсений? У меня на сегодня намечен небольшой вояж.

— Артём, — терпеливо повторил я и достал из рукава пиджака маленький карманный фонарик. — Посмотри на меня, хорошо?

— Хорошо, — покорно пробасил Валера.

— Следи за светом фонарика. Так, теперь вниз. Голова не болит?

— Немножко.

— Это пройдёт. Тебе нужен свежий воздух.

— Воздух? — оживился Валера. — А я как раз хотел предложить... предложить... чёрт, слово забыл.

— Прогуляться?

— Да. Точно. Пойдём?

— Пойдём, — согласился я.

Мы поднялись и прошли к чёрному ходу трактира. Валеру немного шатало, но держался он молодцом. С учётом обстоятельств, конечно.

— Ты счастлив? — спросил я его немного, быть может, поспешно.

— Почти, — улыбнулся Валера и настежь распахнул входную дверь. В глаза ударил яркий солнечный свет.

Перед нами лежала дорога. Обычная просёлочная грунтовка уводила пёстрое летнее поле с чернеющими кое-где головками подсолнухов к дрожащему жарким маревом горизонту. Далеко впереди виднелись горы. В самом начале дороги, твёрдо уперев колёса в смятую траву, стоял небольшой грузовик с открытым кузовом и надписью «В путь!» на блестящих свежей краской бортах.

— Украина? — спросил я, спрятав за пазуху листок с мечтой.

— Крым. — ответил Валера. — От Симферополя немного на восток. — Он помедлил, подставив лицо тёплому, почти парному дыханию ветра. — Поедешь со мной?

— Сразу следом, — пообещал я и помог другу взобраться в кабину. — Одна наша общая знакомая передаёт тебе привет.

— Привет и ей, — беззаботно отозвался Валера. — Пора, наверное. Увидимся на перевале?

— Да, — сказал я и крепко пожал протянутую руку. — Счастливого пути.

— И тебе, старик. Не отставай.

Мотор фыркнул и завёлся с первого оборота. Я захлопнул дверь и отошёл, спасаясь от урагана пыли. Грузовик сорвался с места, в окне в последний раз мелькнуло знакомое с детства лицо. Валера уехал.

Рядом появилась дверь, но я постоял ещё немного, жадно провожая взглядом чёрточку, а вскоре точку, упрямо ползущую в сторону гор. На горизонте собирались тучи.

— Пора, — напомнил голос Машины, гулко бьющий с небес, словно из рупора священного Олимпа. Я растёр в ладонях тонкую веточку полыни, вдохнул, смакуя, воздух, солнце, день, и вышел в тёмный коридор. Три имени на полтора часа. Нормально.

* * *

— Как он? — спросила Машина.

— Неважно. Проблемы с памятью и речью, барахлит вестибулярный аппарат.

— Я делаю всё, что могу, — сказала Машина. — Система не рассчитана на столь лихорадочную поспешность Чем старше человек, тем дольше ему приходится адаптироваться к новым впечатлениям.

— Я знаю, извини.

— Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Всё будет хорошо. Я повторил эти слова про себя, как заклинание, и подошёл к зеркалу у следующей двери. Поднял листок с порога, пробежал глазами, втянул живот, расправил плечи, сменил костюм на широкие боксёрские трусы.

— Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи, — ехидно процитировала Машина. — Ставлю на нокаут в первом раунде.

— I am the greatest, — спокойно сказал я, любуясь двухметровым отражением. Моя кожа начинала приобретать шоколадный оттенок, подбородок стремительно принимал непривычно волевые очертания, а в глазах заплясали весёлые огоньки.

Дверь распахнулась с эффектным скрежетом. В небольшом затемнённом спортзале возвышался боксёрский ринг. В центре ринга стоял высокий человек в цветастом махровом халате и улыбался, торжествующе и, как мне показалось, немного нетерпеливо.

Я приближался неспешной трусцой, щедро раздаривая воздушные поцелуи несуществующей толпе. Олег никогда не любил излишнего внимания и продолжал стоять, как влитой, невозмутимо наблюдая за моей неловкой клоунадой.

— Я ждал тебя, Кассиус, — сказал он, когда я пролез через канаты и зашвырнул именное полотенце в сторону запыленных рядов турников и шведских стенок. — Сегодня из этого зала уже вынесли двадцать человек.

Я промолчал, буравя глазами противника, обнаружив с лёгким беспокойством, что Али немного близорук.

— Тебе, наверное, страшно сейчас, — продолжил Олег, сбросив халат и выстрелив парой разминочных серий. Он был в отличной форме, сухой и поджарый, ни грамма лишнего веса. — Ты привык к ярким огням и вспышкам фотокамер, но здесь ты гость, а я — хозяин. Добро пожаловать в спортивное общество «Буревестник».

В зале повисла тишина. Речь так себе, подумал я, приняв жалкое подобие боевой стойки. На мой вкус не хватает надрыва. Впрочем, мне ли судить? Главное — не падать сразу.

Первый удар я не увидел, но ощутил всемерно, воткнувшись в пол надломленной свечой. Печень взорвалась колющей болью, из горла вырвался сдавленный всхлип.

У Олега был первый разряд. Так он говорил в редкие минуты красноречия. Раньше это достижение не казалось мне особенно серьёзным. Подумаешь, спортсмен-разрядник. Таких тысячи.

Я осторожно поднялся и отошёл к канатам, пытаясь восстановить дыхание и вспомнить хоть что-то полезное из методички по рукопашному бою. Я никогда не занимался боксом, и уже второй удар, с сочным хрустом сломавший мой нос, показал, что стоило всё-таки быть немного мудрее.

— Масына, — гнусаво взмолился я, разглядывая кровавые разводы на небрежно вымытом полу. — Масынка. Надо спасать лицо. Во всех смыслах.

— Я ожидал большего, — разочарованно заметил Олег. — Где движение, где мысль?

Мне стало немного обидно. Не за себя, конечно, но за великого прототипа, столь унизительно свергнутого с пьедестала истории. Пусть и заочно, но всё же.

— Попробуй сейчас, — в голове появился голос Машины.

Я стиснул перчатки и покорно пошёл на Олега. Он встретил меня резким кроссом с подскока, я легко ушёл от удара и провёл двойку вразрез, завершив комбинацию мощным апперкотом справа. Олег пошатнулся, но устоял на ногах, отвалившись к канатам.

— Добивай! — азартно вскричала Машина, едва меня не оглушив, но я не спешил. Ведь нужно лишь немного подогреть интригу.

Мы сошлись снова в центре ринга, прощупывая друг друга пристрелочными ударами с дистанции.

— Я тебя читаю, — прошипел Олег и провёл неплохую серию в корпус, — как раскрытую книгу.

— Dream on, — огрызнулся я, продолжая кружить, наслаждаясь удивительной лёгкостью в ногах. Сломанный нос разболелся просто кошмарно, но это сильное тело презирало боль.

Постепенно я начинал входить во вкус. Соперник казался медлительным и неуклюжим и явно начинал уставать. Сорок лет — не шутки, да и весил Олег килограммов на тридцать меньше легендарного чемпиона. Нащупав дыру в его обороне мягким, почти гладящим джебом, через десять секунд я влепил правый прямой и вдогонку, уже на излёте, увесистый хук. Олег рухнул, как подкошенный. Это был тяжёлый нокдаун, но вот он уже поднимается, готовясь к решающему штурму.

— Давай, — прошептал я Машине. — Сделай, как было раньше.

В голове подозрительно щёлкнуло, и боль вновь навалилась жестокой волной. Я отступил на пару шагов и невольно опустил перчатки, отметив сквозь пе-

лену страданий, что вновь стал самим собой во всём, что касалось боксёрского таланта.

Олег приближался нетвердыми шагами, старательно выцеливая последнюю, отчаянную атаку. Я зажмурил глаза и чуть подался вперёд. Если дадут пощёчину, подставь вторую щёку, вспомнилось почему-то, но удар пришёлся точно в челюсть.

Мир померк и отодвинулся. Словно со стороны я равнодушно наблюдал, как меня вынесли с ринга исполнительные слуги Машины — совершенные иллюзии мускулистых охранников. Вынесли вшестером, тяжело пыхтя и сменяя руки. А за ними шли уборщицы, тряпками размазывая кровь.

— Следующий! — раздался грозный голос Олега. Я усмехнулся и потерял сознание.

* * *

— Долго возился, — заметила Машина, когда, очнувшись, почувствовал себя бесформенным мешком, лежащим в коридоре. — Осталось пятьдесят минут. Но зрелище того стоило.

— Ладно, — сказал я, выплюнув капу. — Зато я хорошо готовлю омлет.

— Не понимаю, ради чего такие жертвы? — спросила Машина. — Опасная самодеятельность, больше ничего. Они тебя даже не узнали.

— Вот и хорошо, — прохрипел я, с трудом поднялся на ноги и заковылял к следующей двери. — Вот и славно.

— Больше ничего, — повторила Машина.

Она была права, конечно. Не моё это дело — лезть в чужие мечты. Но они просили, а я обещал. Проверить, чтобы всё прошло, как надо. Пожелать удачи, наконец.

На мне была чистая, аккуратно выглаженная школьная форма. За спиной болтался рюкзак, в руках — пакет со сменкой и листок с мечтой. Я пробежал глазами смутно знакомые строчки и вежливо постучал.

— Войдите, — ответил приятный женский голос.

Я открыл дверь и оказался в школьном классе. Шёл урок литературы, у доски отвечала высокая девочка с роскошной косой, вьющейся до самой талии. Иллюзия была поразительной. Даже бант казался сделанным из настоящей розы.

— Смирись, мятущийся поэт, — декламировала девочка, красиво, по науке отставив в сторону правую руку. — С небес исходит жизни влага...

— Спасибо, Юля, — прервала её молодая учительница. Практикантка, наверное. Мария. Маша. Мой последний визит. — Я знаю, что ты выучила. Садись, пять.

Девочка с косой одарила меня презрительной улыбкой и гордо прошла к своей парте в первом ряду, напротив учительского стола.

— Извините за опоздание, — пробубнил я ломающимся баском. — Можно сесть на место?

За окном действительно шёл дождь. Холодный, осенний, но в классе было тепло.

— Что случилось, Смирнов? — мягко спросила Мария. На её плечах лежала тонкая шаль.

— Автобус опоздал. Не приехал, точнее. Вообще.

— Выучил?

— Обижаете, Марь Ванна, — возмутился я, стойко встретив укоризненный взгляд.

— Тогда прошу, — улыбнулась Мария. — Как раз успеешь до звонка.

Я оставил рюкзак у двери и подошёл к доске. Класс оказался почти полон. Лишь в последнем ряду, в традиционной зоне обитания двоечников, виднелось одно свободное место.

— Бунин, — торжественно объявил я. — И.А.

— И.А.? — переспросила Мария. — А если точнее?

— Иван, — с готовностью уточнил я.

— А если ещё точнее?

Я промолчал, виновато изучая потолок. Смотреть на одноклассников мне не хотелось. Руки сложены, глаза блестят прилежным вниманием. Можно было бы сделать и поживее. Сам-то я никогда не хотел быть учителем. Страшная профессия. Но, быть может, в чьих-то мечтах так и должен выглядеть идеальный класс?

— Кто-нибудь знает? — вкрадчиво спросила Мария и зажмурилась, явно предвкушая ответ.

— Иван Алексеевич! — хором ответил класс.

— Умницы, — одобрила Мария и повернулась ко мне. — Смирнов, ну что мне с тобой делать?

— Иван Бунин, — упрямо объявил я. — «Полевые цветы».

Тишина в классе была абсолютной. Даже стрелки настенных часов, словно боясь вспугнуть мой творческий порыв, робко застыли в пяти минутах от большой перемены.

— В блеске огней, за зеркальными стеклами, — начал я, — пышно цветут дорогие цветы. Нежны и сладки их тонкие запахи, листья и стебли полны красоты. Их возрастили в теплицах заботливо...

— Стоп, стоп, стоп! — перебила Мария. — Какие цветы? Какие теплицы? Смирнов, какая у нас тема урока?

— Тема урока? — тупо переспросил я, развернув листок с мечтой. Память меня не подвела — на шпаргалке было именно это стихотворение. — Образ цветов в поэзии девятнадцатого века.

— Дождь! — вскричала Мария и хищно занесла ручку над классным журналом. — Посмотри в окно. Что там?

— Дождь, — послушно промямлил я. — Но вчера ведь было задано...

— Вчера было солнце, — отрезала Мария, старательно выводя жирную двойку. — И цветы. А сегодня дождь. Правда, дети?

— Правда! — хором подтвердил класс.

Женская логика. Мне не дано её понять. Пятясь, я отступил к двери под издевательский аккомпанемент звонка на большую перемену. К доске вышел очередной прилежный ученик и красиво, по науке отставил в сторону правую руку.

— Хотите, сделаем перерыв? — спросила Мария и снова счастливо зажмурилась.

— Нет! — дружно ответил класс. — Вы самая-самая лучшая!

И это было чистой правдой. Я подхватил рюкзак, пакет со сменкой и тихо выскользнул из класса под мягкий стук осеннего дождя.

* * *

Я подошёл к последней двери, подобрал листок с мечтой и спрятал его в карман парадного мундира. Поправил фуражку, нацепил очки, придирчиво осмотрел зеркальную обувь и безупречные стрелы лампасов. Двадцать семь минут. Нормально.

— Опечатывай последних, — приказал я.

— Слушаюсь, капитан, — подчёркнуто официально отозвалась Машина. Три двери подёрнулись тонкой мерцающей дымкой. Штурман, врач, второй пилот. Никто им теперь не помешает.

— Я, пожалуй, пройдусь. Сверим часы?

— Двадцать шесть с копейками. Настоятельно рекомендую начать прямо сейчас, не откладывая.

— Я всё же пройдусь. Как у нас с воздухом?

— Я закрыла несколько проблемных отсеков, но в целом неплохо. Минут десять у тебя есть. Поторопись.

— Спасибо, Машина, — сказал я и быстрым шагом отправился на последний осмотр корабля. Мимо проплывали запертые двери, запертые лица, имена. Всего чуть больше тридцати, и все они видят сейчас хорошие сны. Я знаю это точно.

В опустевшей кают-компании было холодно. Скоро здесь воцарится абсолютный ноль, но сейчас ещё можно залезть с ногами на просторный диван и посидеть немного, укрывшись тёплым одеялом, выпить чашку кофе и посмотреть в окно. На звёзды.

— Может быть, хочешь остаться здесь? — предложила Машина. Уйти красиво, вместе с кораблём, как завещали предки?

— В смерти нет ничего красивого, — сказал я, прихлёбывая стремительно остывающий кофе. — Не вижу принципиальной разницы — стоять на мостике, прилипнув руками к обледенелому штурвалу, или спокойно заснуть в комнате анабиоза. Мы сделали всё, что могли. Ты это знаешь.

— Знаю, — сказала Машина. — Вы... сделали всё, что могли.

— Не вини себя, — я допил кофе и поднялся с дивана, который уже начинал покрываться серебристым инеем. — Случайность в космосе — это почти закономерность. Мы знали на что идём.

— Случайность?

— Больше ничего.

Свет мигнул и погас. Включилось тусклое аварийное освещение, превратив корабль в царство замерзающих теней. Я шёл назад неспеша, стараясь сохра-

нять достоинство, и слышал, как за спиной навсегда захлопываются двери отсеков и бьётся посуда в нашей уютной маленькой кухне. Обои там были зелёные, с распустившимися цветками сирени и огромными дождевыми каплями.

Мне стало стыдно. Будто я оставил кого-то позади, чтобы сделать за меня неблагодарную работу.

— Машина, — сказал я, взявшись за ручку последней двери. — Ты ведь... тебе не будет...

— Больно? — она помолчала. — Не думаю. Впрочем, вам тоже. Когда корабль умрёт, в ваших снах просто погаснет свет, а что будет дальше, всё равно никто не знает. Но надолго я вас не переживу. Час, может быть, два, пока не устанет бороться за жизнь последний электрический тостер.

— Пойдём со мной, — предложил я. — Моя мечта тебе наверняка придётся по душе. Она очень простая.

— У меня нет души, — бесцветным, нарочито неживым голосом сказала Машина.

— А всё-таки пойдём. Прошу тебя, как друга. Проверить, чтобы всё прошло, как надо. Пожелать удачи, наконец.

— Десять минут, — объявила Машина. — Удачи, капитан.

— Прощай, — ответил я, шагнул в распахнутую дверь и оказался на Земле. Или в месте, очень на неё похожем.

Воздух казался знакомым, по-домашнему родным, но я не мог определить, где нахожусь. Вокруг не было ничего. Ни домов, ни улиц, ни разрисованного мелом асфальта. Только́ красная ковровая лента под ногами, ведущая к маленькой точке вдали.

Рядом стояла юная девушка с серьёзными глазами и крепко держала меня за руку.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Почти, — ответил я, подумав, что где-то уже слышал эти слова. Далеко и давно, ещё в прошлой жизни наверно.

— Мне нравится твоя мечта, — сказала девушка. — Пойдём?

— Пойдём, — легко согласился я и сделал первый шаг по бархатной дорожке.

Мы двинулись вперёд, всё быстрее и быстрее. А потом побежали, обгоняя друг друга, к маленькой острой точке, которая вскоре превратилась в чёрточку, а затем в знакомый силуэт ракеты. Она ждала нас снова, как много лет назад, чтобы унести вверх, выше всех, сквозь пропасть пустоты, навстречу звёздам, опасным и чужим. Навстречу звёздам, прекрасным и волшебным.

В рассказе приведены отрывки из стихотворений И.А.Бунина «Полевые цветы» и А.А.Фета «Лето».

Октябрь, 2006

ФЁДОР ЧЕШКО

НУ ТАК ЧЁ, БЛИН, ДОЧИРИКАЛИСЬ?

ЕСЛИ БЫ ЭДИК КАПИБАРА НЕ ПОЧУВСТВОВАЛ, ЧТО СТАреет, теряет помаленьку знаменитую свою капибарью мертвую хватку; если бы не стали ему мерещиться украдливые оценивающие взгляды братвы; если бы для доказательства собственной якобы еще очень крутой крутизны не завел себе авторитетный тёзка южноамериканского грызуна идиотское хобби вечерами гонять в одиночку, без водилы даже, по самым безлюдым-темным окраинам...

В тот вечер человечеству повезло: мотор капибарьего «Чероки» взял да и заглох. Причём не где-нибудь, а аккурат на каменном мосту через Гнилянку (она же Вонючка, она же Керосинка, она же когдатошний Хрустальный Ручей). Причём заглох он ровно в ноль-ноль часов и столько же минут — человечеству повезло ещё раз.

И в третий раз повезло человечеству. Что у тачки пять колёс, одно из которых нужно крутить вручную (называется «рулевое»); что ключом от зажигания дверца, к сожалению, не отпирается, и что если за водительские права отшуршать тонну зелени, то менты их на дом принесут в красивой коробочке — вот, пожалуй, и всё, известное Капибаре про автомобиль точно. А неточно он помнил, что когда-то у его «чирика» уже шибало из носу паром, будто из чайника, и что водила тогда куда-то в чириков нос влил с полведра воды.

Ведро в багажнике имелось всегда — за этим Капибара следил. Ведро — вещь в хозяйстве нужная постоянно. Кого-нибудь при надобности бензинчиком оплеснуть, или развести цементику, чтоб опять же кого-нибудь туда ногами, а потом в водоёмчик — как же такое и без ведра?! То-то.

Да, ведро имелось; и вода тоже имелась: под мостом. Капибаре же простительно не догадываться, что воду из-под моста нельзя заливать в радиатор... особенно, если под упомянутым мостом протекает когдатошний Хрустальный Ручей, в котором воды уже давно осталось куда меньше, нежели всего прочего.

Погромыхивая ведром и матерясь раздраженно, Эдик отправился за жидкостью. Шагал он широко и решительно. Но это сперва. А вскоре и ширина, и решительность шага как-то незаметно подались на убыль. Очень уж неуютно оказалось вокруг.

Фонари, естественно, не светили; блеклые городские огни словно бы из неправдоподобного далека просвечивали сквозь черные, мотаемые ветром кроны приречного сквера; а на по-всегдашнему облепленном мутью небе почти затерялись серые пятна звёзд. Зато на небо выкатывалась луна. Уж её-то, огромную, тяжелую, низкую, заводской чад не сумел ни замазать, ни притушить даже, а су-

мел он только подменить лунное золото мрачным воспалённым багрянцем. И пятна лунные выкоричневели почти дочерна, прорисовались злорадным оскалом черепа, подсвеченного то ли пожаром, то ли погребальным костром...

И ещё была тишина, вязкая хлябь, сквозь которую не могли пробарахтаться ни ветряное лопотанье листвы, ни редкие шумы дремлющих улиц, ни взрёвы, гулы да стоны, прикатывающиеся то сзади, от химического комбината, то спереди, от металлургического, то вообще бо-зна откуда... А вот повизгиванье ведёрной ручки... да что там — Эдика пугали своей оглушительностью даже собственные шаги... шаги мягких кроссовочных подошв по шлифованному граниту.

Да, гранит. Гранит набережной под ногами; гранитные надолбы, перемежающиеся чугунными давлеными пауками — декоративная ограда; гранитные ступени, уводящие к маслянистой бурой воде...

Это Шизя Хрящ, державший одно время оба городских рынка, года три тому ушибся обо что-то темечком и на оной почве загорелся одеть Керосинку гранитом да запустить в неё прогулочные речные трамвайчики. Слава те, Господи, Шизю успели грохнуть до полного осуществления его Шизиного гениального замысла. Ведь уже чего только этому городу ни доставалось! Аварии на комбинатах с химическими атаками, взрывами и пожарами; всякие самолёты-вертолёты сюда падали — и целиком, и по частям тоже; про автотранспорт да поезда вообще помолчим... Единственно лишь корабли покамест тут не тонули. Правда, в Вонючке утонуть затруднительно, да было бы чему, а где и как — то дело времени. Не говоря о том, что прогуливаться на таких катерках пришлось бы в противогазах... как минимум.

Да, слава Богу, трамвайчики городу уже не грозят. Но гранит остался. Мёртвая вода в мёртвом каменном склепе. Страшно...

Страшно.

И с каждым шагом Эдику делалось всё страшней и страшней. Но он шел. Шел, из последних сил борясь с желанием вызвать по мобиле подмогу. Нельзя ведь, никак нельзя. Уж если взбрело Капибаре играться в крутого волка-одиночку, понты нужно держать до конца. Собственная же братва хуже собак: дай только почувствовать слабину — разом кинутся. И порвут.

Неча было вообще затевать эти вечерние гульки-каталки. Или бы уж позвать сразу, как двигун заглох... Да не просто так, а с накатиком: чё, мол, за хрень, чё за борзота в коллективе — у бугра возло не возит! Да, так и нужно было. А теперь... теперь уже поздно. Эдик аж застонал от досады. Вот же тупак, блин, вот же ж козёл козлиный! На хрена было самому дёргаться?! Свистнул бы шестёрок, и все дела! А теперь это уж если самому не удастся. Ведь могут же пасти́, гниды, свои же собственные могут пасти втихаря. Не для западла, а просто из дурной заботы: как бы с хозяином чего не... И пойдёт звон. Хозяин-то сдал — года не прошло, как Трефатого на правиле голыми руками задрал, а теперь ночью на улице обоспался... И всё. Это всяких там козлов-президентов переизбирают голосованием, а тут кадровые вопросы не на повестку дня ставят — тут ставят на перья... в лучшем случае.

Капибара в подробностях вспомнил, как действительно голыми руками драл своего предшественника, тряхнул головой и зашагал быстрее. Хватит соплей. Взял финак — не ной, что слабак.

Нужно идти. Идти, лапать в кармане «вальтер», стискивать зубы до скрипа... Да ещё сквозь них, сквозь до скрипа стиснутые зубы, давить всякую ерунду, тупящую страх.

«По улице-мостовой шел громила за водой»... «Гремя ведром, сверкая голдяками»...

И тут...

Наверное, всё-таки лунный свет был не настолько ярок, как притворялся. Наверное, врал он всё-таки. Иначе как мог бы Эдик сразу не заметить человека, неторопливо шагающего... Нет, пожалуй, что не шагающего. И, пожалуй, не человека.

Навстречу, плавно колыхаясь под порывистым ветром, плыла личность белесовато-зелёная, облачённая в подобие библейской хламиды. Именно плыла: босые ноги личности, переступавшие с плавным изяществом, земли не касались. Ото лба личности исходило слабое сияние, глаза её были желты и вместо зрачков имели вертикальные щели; верхнюю губу приоттопыривали зубы, числом, размером и остротою людские изрядно превосходящие. Пол и возраст личности чёткому определению не поддавались.

Все изложенные подробности Капибара дал себе труд разглядеть, уже выдернув-вздёрнув вооруженную руку и с наивозможнейшей быстротой дёргая указательным пальцем этой руки. Вальтер оттараторил обойму, как прекрасно вызубренный урок; отзвенели-отпрыгали по граниту стреляные гильзы... Только после этого встречное нечто, зависнув шагах в пяти от смолкнувшего, курящегося пистолетного ствола, произнесло:

— Должен ли я понимать произведенные вами действия, как отказ от беседы?

Эдик сблизнул губы, немножко посипел горлом и в конце концов выдавил из себя:

— Во блин!..

— Видите ли, — произнесло нечто, прикачнувшись чуть ближе (Капибара снова задёргал правым указательным — без толку, естественно). — Видите ли, меня прислали с важным и, надеюсь, приятным для вас известием.

Оно смолкло, очевидно дожидаясь какой-либо реакции собеседника. Эдик снова посипел горлом и прореагировал:

— Ну, блин!..

— Видите ли, — нечто решило всё-таки гнуть своё, — поддержание канала связи здесь весьма затруднительно... энергетические затраты очень значительны... у меня всего двадцать ваших минут... было...

Тут оно осеклось, дёрнулось, подалось немного назад, и Капибара тоже вздрогнул, шарахнулся вбок от грохнувшего рядом гулкого лязга...

— Это вы ваш металлический сосуд уронили, — пояснило нечто, скосившись.

— А, блин!.. — прохрипел Эдик.

Нет, он отнюдь не млел в бессмысленном ступоре, он всё это время напряженно думал. «Мазануть с пяти метров я не мог, тем более — всю обойму. А тогда где в этом блинском фуфле дырки? И почему это блинское фуфло разговаривает? Губами ни хрена не шевелит, а разговаривает... Привидение? Или, тот... как его — пришелец?»

— Последний термин наиболее близок к правде, — весьма бесцеремонно залезло нечто в Эдиковы мысли. — Но слово «привидение» тоже не лишено применимости ко мне. Я ощущаюсь только вашими органами зрения, поэтому ваш дырокол... прибор для производства отверстий на расстоянии... кстати, не могли бы вы его отодвинуть? Столь близкий ко мне металл требует дополнительных энергозатрат на компенсацию помех и сокращает...

Капибара, наконец, осознал, что продолжает тыкать «вальтером» чуть ли не прямо в светящуюся клыкастую рожу. Осознал и тут же почему-то выронил пистолет. А пришельцепривидение, наливаясь уже чуть ли не изумрудным свечением, продолжало:

— Цель изображения здесь меня — довести очень важную информацию до первого местного разумоносителя, который приблизится. К прискорбию, не имеем возможности выбирать место и время: демонстрационный период близок к истечению, а кроме вас...

Тут желтоглазая физиономия изобразила на себе некоторое сомнение — вероятно, не в том, что Эдик Капибара первый встречный, а в том, что он — носитель именно разума.

— Вы не согласились бы поддаться незначительному тестированию? Например, в вашей футурологической литературе необходимым признаком интеллекта иномирян одно время считалось умение доказать теорию... нет, тезис... нет, теорему, известную у вас под именем вашего древнего геометра Пифагора... Так вот, вы не согласитесь?..

— Ну ты, блин... — вымямлил Эдик. Вымямливая, он вспомнил хрен-зна когда слышанную приговорку про на все стороны равные Пифагоровы шорты. Да ещё и представил их себе, шорты эти. Причём не просто так шорты, а рисунок на трансформаторной будке, что около его, Эдикова, персонального скромного особнячишки. Мелом рисунок. Человечек — палка-палка-огуречик, а на нём штанишки из треугольничка с тремя квадратами. И ещё стих рядом выцарапан:

Дед Пифагор на баб был очень зол:
Назло бабью штаны он изобрёл,
Чтоб не сверкали греки Сиракуз
Квадратами своих гипотенуз.

— Грубо, — сказало нечто, каким-то немыслимым способом явно опять сумев подглядеть Эдиковы мысли. — Грубо, но остроумно. Спасибо. Теперь я могу сообщить, что ваше дело рассмотрено и что решение для вас благоприятно.

Капибара мучительно задумался, о каком деле может идти речь из тех восьми, по которым он проходил как подозреваемый свидетель или обвиняемый потерпевший. А ещё он задумался, почему его дело вместо прокуратуры рассматривал этот, который даже не человек, а типа из телика выскочил. Что ли он, этот-то, от Мундштука? Говорят, у Мунды какой-то экстрасекс... этот... кастролог какой-то на жаловании. Ну, точно: не сумел по-честному конкурента завалить — решил нечисть науськать, гнида. Однако, таки абзац... И ни тебе кола осинового под рукой, ни святой воды... Блин, хоть бы цепура не золотой была! Или золото тоже помогает? Может те, древние, которые про серебро от всяких вампиров-призраков выдумали — может, они просто некрутые были и не наскребли на желтяк?

Может, может... Чё теперь остаётся, кроме попробовать? Не наутёк же — поди, оно только того и ждёт, чтоб спиной к нему...

Исподволь, будто рассеянно теребя, Капибара нащупал замочек шейной цепи, одновременно примериваясь ловчей охлестнуть ею полупрозрачное зелёное горло и пытаясь вспомнить, как разбиралась с нечистью натасканная кобыла Баффи из любимого дочкиного сериала.

А ещё при этом он следил, чтоб ненароком как-нибудь не подумать, зачем снимает цепуру и зачем вспоминает сериал. Желтоглазая падла умеет подглядывать в мозги — так вот, чтоб не заподозрила... Впрочем, за это-то Эдик был спокоен. Уж что-что, а не думать он умел профессионально.

За всеми такими занятиями он чуть не позабыл слушать трепотню призракопришельца. А трепотня, между прочим, очень стоила того, чтоб её послушать:

— ...не смотря на что весь наш Союз с восхищением следит за вашей героической борьбой...

«Какой Союз, чё он буровит? — думал Капибара, всё раздраженней дёргая артачащийся замок. — Ах, тот... Галактический... Брешет. Не такие уж мы с Мундштуком крутые волчары, чтоб... Но своим раззвездяям надо-таки будет вломать. Конспираторы хреновы — уже вся галактика в курсе!»

А зелёномордый продолжал:

— Прошу вас не отвлекаться на скоропоспевшие выводы: напоминаю о дефиците времени. Речь моя, конечно, не о вашей вражде с... м-м-м... пластмассовый, янтарный либо из др. материала патрубок для вдыхания наркотических и т.п. паров и газов... Я подразумеваю беспримерную борьбу за переустройство среды обитания, которую вся ваша цивилизация ведёт уже больше сотни ваших лет. Сами масштабы задуманных вами изменений состава гидро- и атмосферы, теплового климатического режима, уровня радиации — дерзновенность замыслов при крайне низком уровне развития технологий — уже одно это приводит в благоговейный восторг. Когда же мы убедились в ваших несомненных успехах на выбранном вами трудообильном Пути, это было расценено, как беспримерная победа Разума и Духа над ограниченностью средств достижения Цели.

— Ишь, блин! — пробормотал Эдик, на секунду подзабыв даже про цепочечную застёжку.

— Только одно несколько удивительно. Лучшие учёные самых передовых миров Союза тщательно проанализировали ваши беспримерные успехи, экстраполировали полученные вами промежуточные результаты, и вынесли однозначный вердикт: модель окружающей среды, к воплощению которой вы так упорно стремитесь, абсолютно не совместима с жизнедеятельностью практически всех биологических форм вашей планеты. Но — зелёный развёл руками, вздохнул, — нам ли судить о высоких замыслах сверхдуховных рас?! Быть может, вы хотите явить галактике пример несравненного самоотрешения? Или собираетесь подвергнуть своё биологическое устройство столь же революционным преобразованиям? За последнее предположение говорят ваши стремительные успехи в генной инженерии и клонировании... Не нам, повторяю, подвергать критике расу, способную так сплотиться в едином экстазе Преобразования. Ведь вот, например, то же клонирование: кроме вас ни одна из ведомых нам цивилизаций, даже самых развитых технически, не рискнула на практическое воплощение этой наиболее не... непр... не-на-пе-рёд-(уф!)-сказуемой науки. А вы — вы не знаете сомнений. Значит, ваш разум самый предусмотрительный и непогрешимый в галактике!

— В натуре, блин! — покладисто согласился Капибара, наконец-то сумевший разобраться со строптивым замочком.

— Значит, этот вопрос решен, — с явным, но не вполне понятным облегчением перевёл дух приведениепришелец. — Теперь о мелочах...

Он вдруг оглянулся, обвёл взглядом зазолотившихся глаз скверные (в смысле, слагающие из себя сквер), измордованные кислотными дождями деревья; жалкую травку, из последних сил цепляющуюся за жизнь на вытоптанных газонах; Керосинку, играющую в лунных лучах радужными разводами нефтяных пятен...

— Хорошо тут у вас, — произнёс зелёный каким-то непрежним, растерявшим официальность голосом. — Растения живые, речка... Рыбка вон плавает...

Последним замечанием клыкастое привидение умудрилось свершить невозможное: огорошило Эдика даже сильнее, чем собственными появлением, способом вести разговор и регулярными посягательствами на содержимое Эдиковых мозгов. Услышав про рыбку, Капибара так и замер с недоснятой цепочкой в руке; потом медленно, опасливо оглянулся на реку. Из-под моста действительно выплывала огромная рыбина — скумбрия холодного копчения.

А желтоглазое нечто встряхнулось, будто вылезший на сушу ньюфаундленд, зыркнуло на пристёгнутый к рукаву какой-то прибор (не на часы ли?) и вдруг зачастило, словно боясь опоздать:

— Итак, в результате рассмотрения вашего дела Галактический Совет принял решение, которое полностью удовлетворит всех. Мы имеем заявки от трёхсот двадцати четырёх цивилизаций, мечтающих жить в мире, аналогичном вашему нынешнему (подчёркиваю: ны-неш-не-му, с растениями и рыбой). Да, мечтающих, но лишенных вашего упорства, вашей духовности и вашей силы разума, а потому неспособных преобразовать собственные миры. Поэтому вашу планету, после её освобождения, решено выставить на свободный аукцион.

— Ты это чё, блин, ляпнул?! — вконец уже примерившийся накинуть цепочку на светящуюся салатную шею Эдик опять замер, таращась. — Какое освобождение? От кого?!

Зелёный много- и длиннозубо осклабился:

— От вас, разумеется! Повторяю: лучшие учёные самых передовых миров тщательно проанализировали ваши беспримерные успехи и способом экстраполяции получили точную модель окружающей среды, которую вы так упорно себе создаёте. Поздравляю вас. В созвездии Гнилоеда (от, как вы говорите, Полярной Звезды через первую чёрную дыру налево) найдена планета, условия на которой полностью соответствуют вашему идеалу. Океаны — смесь лёгких углеводородов и поверхностноактивных веществ, газовая оболочка — окись азота, токсины, пепел и пыль; кислотные дожди; жара до восьмидесяти ваших градусов по вашему Цельсию... и всё это ярко светится от радиации. Ещё раз поздравляю: принято решение о поголовной и безвозмездной переброске туда всей вашей расы до последней особи. Нет-нет, — привидениепришелец легко уклонился от кинувшегося на него с цепочкой Капибары. — Это бесполезно: я ведь голограмма. Не нужно благодарностей и подарков. Да, я понимаю, сколько времени и сил мы вам сэкономим. Но мы это делаем не столько для вас, сколько для себя же самих. Сохранённый с нашей помощью пыл вы потратите на новые беспримерные подвиги, явите нам новые вершины разума, озарите нас новой вспышкой всехобъединяющего дерзновенного духа. Итак, — ещё один короткий взгляд на «как бы не часы», — моя миссия выполнена. Срок вашей всеобщей эвакуации назначен на...

Отвратительный скребущий звук — будто гигантский коготь полоснул по остекляневшему небу. Противный голос, раздавшийся как бы и ниоткуда, и отовсюду разом, протараторил короткую фразу (в Эдиковом мозгу пронеслось что-то в роде «опустите ещё монетку или заканчивайте разговор»).

— Извините, мне пора, — сказал зелёный светящийся.

И исчез.

Совсем исчез.

Как и не было.

Минут пять Капибара стоял, где стоял, морща лоб, натужно и беззвучно шевеля губами, растерянно скребя бритую макушку. Затем аккуратно надел свою цепуру. Затем подобрал, перезарядил и опять затолкал в карман «вальтер». А потом подобрал ведро и шагнул к реке.

Зачёрпывая маслянисто-коричневую, воняющую бензином воду, он вспомнил, что у дочки есть англо-русский словарь, и решил, что это хорошо. Потому что паханом в ООН работает теперь не то португалец, не то вообще араб, и если написать ему по-русски, он не прохавает.

ЮРИЙ ГОРДИЕНКО

ГОВОРЯТ

Она была художницей, поэтому легко читала лица людей.
Милан Кундера

ОСТАЛЬНЫЕ ГОВОРЯТ, ЧТО НИЧЕГО ЭТОГО НЕ БЫЛО И НЕ могло случиться, потому что 11 августа 1927 года Земля налетела на небесную ось, и все погибли.

Одни говорят...

...что Её родители до сих пор живут в Брно. Когда вы будете ехать по главной, поверните налево возле храма Св. Вацлава, там будет Франтешкова улочка, езжайте по ней, пока не увидите пивоварский двор Кратохвила. Как раз за ним — маленький двухэтажный домик, утопающий в зелени и цветах — мама Гражина очень любит цветы. Там и живет старый Шульман со своей Шульмановой.

Мама Гражина непременно угостит вас говядиной с кнедликами по рецепту пани Мюллеровой, домохозяйки бравого вояки Йозефа Швейка, а также своей фирменной полевкой, а старик Шульман нацедит из бочонка темного Крушовице; а может, если будет день какого-нибудь почитаемого святого, нальет по рюмке бехеровки; а затем непременно заведет с вами беседу о нынешних нравах, о том, как неспокойно на Ближнем Востоке, и зачем нам был этот Евросоюз, и про шестьдесят восьмой, и о том, как он украл свою Гражину прямо со свадьбы, из-под носа у богатого немецкого женишка Ганса.

Мама Гражина будет посмеиваться над его рассказами, временами вставляя в разговор колкости, и тогда глаза её будут гореть, а морщины вокруг них — разглаживаться сами собой.

А потом они проведут вас в её кабинет, и вас непременно поразит автопортрет, потому что Милена смотрит с него совершенно живая, разве что — немного уставшая, с темными кругами под ясными небесного цвета глазами. И вы убедитесь, что вам не врали — Милена, богемная Милка Шалуя, была писаной красавицей.

На столике у портрета — тоже цветы, в вычурной глиняной вазе, которую подарил Милене пражский скульптор Вилли Шрайбичек.

«Здесь всё так, как было при ней» — тихо прошепчет Гражина, и вокруг глаз её снова заплетется паутина морщин.

Потом вы пойдете на городской погост, и сразу узнаете её могилу по высокому, устремленному в небо памятнику из лабрадорита, стоящему поодаль, за кладбищенской оградой, там, где обычно хоронят самоубийц, утопленников и неверных жен.

Эпитафия, высеченная в камне, будет говорить вам не о смерти, но о любви, страстной, плотской, безумной, так не вяжущейся с кладбищенской тишиной.

Я только об одном прошу — не произносите при них Его имени.

Другие говорят...

...что они познакомились в Либереце, куда Милка приехала на практику, а Данко был приглашен освещать очередной общеевропейский саммит. Высоким гостям со всей Европы предложили богатую культурную программу, в том числе, посещение выставки молодых чешских художников. Чуть ли не половину галереи составляли Милкины полотна — причудливые, яркие, красочные. Картины, так дивно похожие на её глаза, в которые невозможно было не влюбиться.

У Данко глаза были совсем другими — опустошенными, воспаленными от недосыпаний и постоянной головной боли: контузия под Горажде всё ещё давала о себе знать. А она разглядела в его глазах то, что никому не удавалось, — огонь, всепоглощающий внутренний огонь, который мог сжечь, но мог и вознести к звездам.

И тогда их взгляды встретились.

Говорят, они до самого конца так и не сошлись ни в чем, не уступая друг другу ни капли себя, живя в постоянном конфликте, не имея шансов на примирение. Я сам был свидетелем не одного их скандала, бессмысленного и беспощадного.

Он любил повторять, и его фразу цитировали в десятках европейских газет: «Иногда я думаю, что война началась ради того, чтобы я нашел себя. Но тогда — именно мне суждено ее прекратить».

Она ненавидела войну всеми фибрами души, ненавидела его друзей, его рассказы, отдающие болью. Большой болью. Для неё он был маленьким, нежным, пушистым комочком, который хотелось обнять и уснуть рядом. Иногда на Милку находило: ей хотелось писать, писать, писать бездонное голубое небо, яркое солнце, изумрудную до одури траву своей родины. Трава его родины была сожжена палящим солнцем, пропитана пороховой гарью и кровью.

Их разделяли границы, работа, вечная война. Война, которую она так ненавидела.

Зато каждый раз, когда она приезжала в Белград, на перроне, прямо у вагона её встречал маленький цыганский оркестр — скрипка, бубен, дойна и гармоника. А за спинами музыкантов прятался Данко с маленькой пунцовой розой на кривом стебле, невысокий, кряжистый, в потертой джинсовой куртке и давно стоптанных кроссовках.

Почему она не переехала в его белградскую квартиру, несмотря на его просьбы, временами похожие на мольбы?

Наверное, потому что не хотела, боялась оставаться одна. Его вечные командировки, потом это дурацкое геройство с пулеметом наперевес — кто его об этом просил? Даже если женщина демонстрирует напоказ свою независимость

и свободолюбие, это совершенно не значит, что она способна быть одна. В чужой квартире и чужой стране. Несмотря на то, что Данко через знакомых устроил её преподавателем в художественную академию.

Наверное, мне бы не было до этого никакого дела, если бы я к тому времени не знал бы их обоих.

А вот они друг друга совершенно не знали.

Был октябрь, и было светло и сухо. Только тянулась паутинка, а деревья тесно жались друг к другу. «Вот, — сказал тогда Петко Драгович и кинул мне на колени "Младу Босну" — Это он».

Говорят, что она ненавидела его рассказы. Тогда зачем она пробивала их в печать, носила из редакции в редакцию? Обивала пороги, стреляла глазами, флиртовала, и даже... нет, в это я точно не верю.

Судьба никого не лепит, говорил Данко. Судьба просто дает нам шанс. Милка была его шансом, и он им воспользовался сполна.

Их отношения были слишком яркими. Завидовали ли им? Риторический вопрос. Они даже друг другу завидовали, и самим себе тоже. «Ну и что, что кино?» — фыркала кошкой Милка. «Зато хорошее. Бунюэль. Или — Кустурица».

Судьба просто дает нам шанс.

Мне почему-то кажется, что Данко тоже был ее шансом, и она воспользовалась им сполна.

Даже тогда, когда снова сбежала в Брно, после скандала с его первым и единственным сборником. Сбежала, не выдержав, когда начались угрозы — письма, звонки. После того, как нашла однажды под дверью зарезанную курицу.

Она ничего ему не сказала, только написала в прощальной записке: «Ты думаешь только о себе. И любишь только себя. Так люби!»

Любой бы бросился вдогонку, но только не Данко.

Он снова отправился на войну.

Истерзанный последними сутками, он почти не смотрел на меня, пряча глаза — красные, но неистощимо светлые.

— Где-то же должно быть?

Что можно было ответить ему? Горы молчат в ответ, небо бесстрастно палит, а пулеметчик в холмах ищет еще одну ленту.

Мне не удалось убедить его. Весь тираж сборника был уничтожен, и я отправился в Брно...

Мы были вместе всего пару дней, а когда расставались, ее поцелуй показался мне вечностью. «Прости меня — я слишком устала», — прошептала она одними губами, когда я уже сел в вагон.

Мне бы нужно было задуматься над её словами. Мне бы нужно было найти в горах Данко, и попросить его пристрелить меня. Мол, имеешь полное право. Не смог, струсил.

Через месяц стало известно, что Милка Шалуя покончила с собой. На похороны я приехать не смог, чешская виза была просроченной, а новую при-

шлось бы ждать не меньше недели, даже несмотря на мои связи. Данко тоже там не было.

Третьи говорят...

...что все на самом деле было совсем не так. Им я тоже не верю, что вовсе не означает, что я знаю, как оно — было.

Как-то Данко привел домой одного парня и сказал:

— Милая, знакомься, это Алия! Он поживет у нас с недельку, хорошо, пока я не разберусь с документами?

Милка только пожала плечами. В академии как раз заканчивалась сессия, и больше недели в Белграде она оставаться была не намерена. Тем более, что Данко опять собирался на свою дурацкую войну.

Обычно она не требовала никаких объяснений. Но тут вдруг вечером позвала его на кухню, закрыла дверь, и спросила в лоб:

— Милый, может, ты объяснишь всё-таки, кто это такой и что он у нас делает?

Данко широко улыбнулся, потянулся, чтобы поцеловать Милку, та отстранилась, и повторила свой вопрос. Данко посерьёзнел, перестал дурачиться и ответил:

— Это Алия Рахманович. Наши отцы вместе служили в Бейруте, в югославском посольстве, в семьдесят девятом. Его отец тогда вынес моего из-под обстрела, раненого, а сам погиб. А теперь я вытащил его из плена. Он босняк. Его наши взяли, под Бихачем. А я вывез. Ночью, в джипе, накрыв брезентом.

— И что дальше? Тебя же под трибунал отдадут? А с ним? Куда его?

— Не отдадут. Разберемся.

Милка знала, как обычно заканчивается вот это вот безапелляционное «разберемся». Но на этот раз в доме был чужой человек, к тому же — контуженный и изможденный, поэтому скандал утих, не начавшись.

Что ж, недельку, так недельку, решила она. А Данко отправился «разбираться».

Милка прошла в мастерскую, где на раскладушке спал чужак, и, тихонько усевшись к мольберту, принялась работать.

Время от времени она поглядывала на спящую натуру, запоминая, затем снова делала штрихи.

Алие снился сон, короткий, но яркий, как краски карнавала в Рио-де-Жанейро.

Ему снились дни учебы в академии, наверное, самые счастливые в его недолгой жизни. Урок рисования с натуры. Преподаватель, Стипе Павелич, объяснял студентам, как правильно передавать пропорции обнаженного тела. Натурщица была красивой, бесспорно, но у Алии получался вообще ангел.

«О, Алия, да ты — Рубенс, — совершенно искренне сказал Петр. — У меня, честно говоря, так бы не получилось. Молодец».

«А где же Месич, Добреев, Михнотович, Николич, Милошич?» — пришло следом.

«Вот мы, вот!» — кричал Павелич — совсем уже седой старик со своим старомодным беретом и мольбертом в руках.

«А я? Где я?» — кричал им в ответ Алия, не видя себя среди однокурсников.

— Успокойся! — ответил незнакомый женский голос. — Ты у друзей, тебе ничего не угрожает!

Голос был мягким, тихим, как у мамы. Алия открыл глаза и, первое, что увидел, был он сам, спящий. Точнее, его карандашный портрет. Затем была девушка, ещё краше, чем на его рисунке во сне. И тут Алия вспомнил, что он действительно у друзей, что чудом спасся из плена.

— Вы — Милка, да? Милка Шалуя? Та самая?

— Гм. — Милена недоверчиво покосилась в сторону раскладушки. — Вполне возможно. А ты что, любитель живописи?

— Почему любитель? — встрепенулся Алия. — Я закончил академию, здесь, в Белграде. Давно, правда. До войны ещё.

«Война! — мысленно фыркнула Милка. — И этот — туда же!»

Алия заметил, как она поморщилась, и смутился, отнеся недовольство хозяйки на свой счет.

Он ошибался.

Впрочем, кто из нас не ошибался? Мне кажется, Данко и сам не понял, что сделал ошибку, ещё когда, рискуя собой, вывез Алию из плена. И уж тем более — потом, когда помог ему с паспортом. Это было практически невозможно — оформить бывшему боснийскому военнопленному, к тому же, бежавшему из плена, почти настоящий чешский паспорт, впрочем, достаточно настоящий, чтобы пересечь границу и поселиться где-нибудь в Усти-над-Лабем. Алия тогда посчитал Данко волшебником, или, по крайней мере, агентом КГБ, или как оно там сейчас называлось у русских.

А уезжали они, как можно догадаться, вместе с Миленой, пражским поездом, и это был первый раз, когда её приезд в Белград не закончился скандалом, и Данко ничуть не задумался о том, почему ему так легко оказалось уговорить Милку сопроводить Алию хотя бы до Праги, и научить его простейшим чешским фразам. В Усти-над-Лабем Алию уже должен был ждать человек. Я.

...Говорят, они больше никогда не виделись. По крайней мере, Милка клялась в этом Алие, истово крестясь, перед ним, мусульманином, хотя я всегда помню её убеждённой атеисткой.

Не знаю, свидетелем их встречи не был. Хотя сильно подозреваю, что такова́я была, и не одна. И абсолютно точно знаю, что они продолжали переписываться, потому что Милкины письма приходили на мой белградский адрес.

В последний раз, говорят, я видел её за неделю до наводнения две тысячи второго. Нельзя сказать, чтобы Алия был рад моему визиту, однако же он был мне многим обязан, и потому — умело скрывал свои чувства.

Впрочем, его ревность и подозрительность ничему не помешали, я передал ей письма Данко, и, переночевав, уехал на следующий же день.

Алия потом говорил, что с того потопа ненавидит всех кошек.

Котенок, едва двухмесячный, вскарабкался на обломок какой-то мебели, и, жалобно мяукая, плыл вместе с ним по течению взбесившейся Лабы. Милка в

мгновенном порыве прыгнула в воду и поплыла к нему, подтолкнув к берегу. Котенок набрался смелости и прыгнул, зацепившись за край берега, и тут прорвало дамбу, наспех набросанную солдатами из мешков с песком накануне. Её накрыло первым ударом воды и грязи... Алия до сих пор утверждает, что она сделала так не ради спасения котенка.

Я ему не верю...

Четвертые говорят...

что число «четыре» у китайцев — знак смерти. Не знаю, не проверял — не был я в Китае. «Тяньаньмынь» Данко читал, да. Ещё до того, как сборник уничтожили. Только там ничего о числе «четыре» не было.

Так было нужно, умереть тогда должен был я. А случилось по-иному.

Вообще-то, те самые, четвёртые, предпочитают не вмешивать меня в историю, отсылая к скульптору из Праги, Вилли Шрайбичеку. Мол, именно он во всём виноват. Спорить не стану, скажу только — слишком много чести.

Откуда у него тогда появился этот револьвер? Допотопный, шестизарядный. На войне он обычно носил с собой автоматическое оружие. Случайность?

Мне так никогда и не удалось этого выяснить.

В принципе, всё в этом мире — случайность и ошибка. И жизнь, и смерть.

А любовь — она никогда не бывает ошибкой. И почти не случайна.

Говорят, это было после того, как они в очередной раз помирились. Тогда Милена даже решилась перевезти в Белград вещи, и я помогал им. Данко сиял, как утреннее солнце, выходящее из-за склона холма в его родном Сараево. Данко поклялся ей, себе и мне, что больше никогда не полезет в драку, не поедет ни в одну рискованную командировку, не возьмёт в руки даже игрушечное оружие, только камеру и диктофон. Она ему поверила.

Жизнь их после переезда потекла мирно, сонно и спокойно, что было так непривычно для них, до того просто не умевших пребывать в равновесии и состоянии покоя. Она преподавала в академии, он строчил репортажи — скучные, будничные, без крови и пороха. Когда я спрашивал, пишет ли он сейчас что-нибудь, кроме публицистики, морщился и отрицательно кивал головой: «Ты же знаешь, старик, Она этого не любит. А я люблю Её. Остальное — тлен». И я был с ним вполне согласен.

Они даже решили завести ребенка, хотя раньше все разговоры об этом, которые заводил Данко, резко обрывались взрывами Милкиного гнева. Они вообще, казалось, очень изменились, оба. Повзрослели, что ли?

Всё кончилось неожиданно и страшно, в один миг. Точнее, миг этот растянулся с вечера до утра.

Я всегда приходил к ним без звонка. Так уж у нас было принято. Так было и в тот вечер. Я позвонил, дверь открыла Милка, странная, с растрепанными волосами и мутными глазами. Молча кивнула в сторону кухни: «Проходи».

На столе стояла почти пустая бутылка виски, и пепельница, полная окурков. Милка подошла, села, и хватанула большой глоток прямо из горла.

— Что случилось? — ошеломленно спросил я. Милка за время нашего знакомства никогда не пила и не курила.

— Он сорвался. Он соврал. Мне, тебе и себе.

Выяснилось, что Данко встречался днем с главным редактором отдела новостей и после этого, на полчаса забежав домой, улетел куда-то на Ближний Восток. Снова — на войну.

Состояние её было ужасным, уйти и оставить её такой я не имел права. Сварил ей кофе, выплеснул остатки виски в раковину, отправил в душ.

Уже когда собрался уходить, она тихо попросила:

— Останься! Я боюсь — одна. Я не выдержу...

Пошел на балкон за раскладушкой, разложился в кабинете, набил трубку и вышел на балкон покурить. Думал, уснула.

— Мне холодно. — Шептала она. Думал, во сне. Ошибался. — Полежи со мной, ладно?

Её действительно била мелкая дрожь. Отбросив сомнения, лёг и обнял её. И тогда она действительно уснула.

Откуда нам обоим было знать, что аэропорт разбомблен, что рейс отменили?

Я проснулся первым, как только провернулся ключ в замке. Открыл глаза и увидел на пороге его. Бросился, чтобы что-то попытаться объяснить, но шестизарядный уже выполнял свою работу. Пуля попала мне в грудь, высоко, под правое плечо. Я пошатнулся, но продолжал идти ему навстречу, и тут она выскочила из-за меня, словно пантера, бросившись на него, нагая и прекрасная. Горячее железо продолжало выплевывать свинец, и один его кусочек попал точно в цель. Я всё ещё продолжал идти ему навстречу, и не успел. Последний свинец ушёл ему в висок...

Когда вы всё же поедете в Брно, я только об одном прошу — не произносите при них моего имени.

Говорят, судьба никого не лепит. Судьба просто дает нам шанс. Они, оба, использовали свой шанс, я — упустил. Говорят, что ничего этого не было, и не могло случиться, потому что тоскливым октябрьским вечером семьдесят девятого ошибка в системе запуска привела к ядерной катастрофе, и все умерли, но я им не верю.

Я даже себе не верю, потому что знаю, что миры — бесконечны.

И я говорю: только один из них — настоящий, тот, в котором они идут, взявшись за руку, по берегу Дуная, а рядом семенит с сахарной ватой в руке их чудо, их маленькая Рада, с удивительно светлыми, как у мамы, глазами.

И пусть говорят...

СЕРГЕЙ ЧЕЛЯЕВ

ГОСПОДИН АРАНЖИРОВЩИК

В ГЛУБИНЕ РЕДАКЦИОННЫХ АПАРТАМЕНТОВ РАЗДАЛОСЬ нетерпеливое покашливание:

— Да заходите же скорее.

Молодой человек в нерешительности остановился перед широченным столом, уставленным папками, стопками книг и кипами бумаги разного калибра и фактуры. Высокий и благообразный старик — пожалуй, лишь нос длинноват немного! — живо поднялся и протянул через весь стол начальственную длань.

— Жевунов Василий Иванович? Очень, очень рад.

Молодой человек скромно опустил голову, чувствуя как носки его легких, совсем не по погоде ботинок медленно погружаются в цепкий ворс ковра.

— Наслышан о вас, — сообщил старик, усаживаясь рядом и подставляя юноше стул. — Немало говорят, да и пишут изрядно.

Молодой человек потерянно закивал, после чего вопросительно, снизу вверх, глянул на хозяина кабинета.

— Джюс. Урфин Александрович. Редактор-технолог, тиражер, — энергично представился тот и понимающе улыбнулся. — Странное имя, сам знаю. Но родителей не выбирают, надоумил их кто-то так меня назвать. А умерли рано — я и расспросить толком не успел, за что мне такая планида.

Самое время было помолчать, но как раз времени-то у старика оказалось в обрез.

— Очень рад, что удалось вас разыскать, что откликнулись на мое предложение, — скороговоркой продолжил он и, прищурившись, кольнул взглядом.

— Тексты принесли?

Василий с готовностью вывалил из сумки кипу машинописных листов, подхватил их натруженной рукой. Урфин смерил взглядом объем сочинений и наугад выдернул с десяток страниц. Пробежал глазами одну, другую и удовлетворенно хмыкнул. После чего загрузил страницы в некое подобие сканера и через минуту распечатал текст уже на своей редакционной бумаге, более плотной и молочно-белой.

— Пожалуй, хватит. Помогите-ка...

Он взял со стола пустую обложку, и Василий вложил туда еще теплые листы, пахнущие озоном. Края бумаги с текстом выглядывали как черно-белые крылья, и Урфин, примерившись, в два счета обрезал их огромными ножницами, делая вид, что не замечает округлившихся от ужаса глаз Жевунова. Получилась тонкая книжка.

После чего он указал на крохотную изумрудную точку, светившуюся в уголке обложки.

— Жмите.

— Индикатор? — с уважением покосился юноша, не чуждый науке и технике. И, не дождавшись ответа, осторожно прижал огонек мозолистым пальцем. Тот запульсировал и спустя полминуты угас.

— Теперь читайте.

Молодой человек осторожно раскрыл обложку и вперил взор в чересполосицу строк. Мало-помалу уголки губ автора стали приподниматься, а щеки розоветь. Редактор некоторое время наблюдал за ними, затем порывисто выхватил текст.

— Ну, как, нравится?

— Очень... — зарделся юноша.

Редактор окинул быстрым взглядом первую страницу. Покачал головой, усмехаясь.

— Что ж, этого следовало ожидать. Юленька! — неожиданно вскричал он, так что автор вздрогнул.

В кабинет впорхнула секретарша и на ходу ловко подхватила обложку — машинопись уже лежала внутри.

— Жмите пальчиком, так сказать, в точку, небесное создание, — велел Урфин.

Глазам юноши вновь предстала уже знакомая процедура. Затем редактор велел Юле прочесть первый лист. Жевунов, крайне заинтригованный, осторожно глянул из-за ее плеча. И, потрясенный, тотчас обернулся к старику.

— Впился в лилейную шейку? Шаловливые руки судьбы? Простите, но — откуда? У меня ведь только что ничего этого не было!

— Будет, — твердо пообещал Урфин Александрович, весело потирая руки. — Вы свободны, Юленька. И давайте разговаривать, сударь мой Василий.

Они немедленно уселись, поглощая чай с редакционными конфетами. Правда, рот юноши все больше оставался широко открытым.

— Все предельно просто. Универсальная Книга, — пояснил старик, похрустывая «Кара-Кумом». — Касаешься индикатора — и он мигом анализирует твои вкусы и пристрастия. Сейчас, кстати, мы уже добились того, что активной становится не отдельная точка, а вся поверхность обложки и даже любой страницы. Думаете, это обычная бумага?

Он прижал индикатор, провел над текстом каким-то маленьким устройством, со спичечный коробок, и по всему листу забегали, засуетились буквы, складываясь в цепочки слов и брикеты абзацев. Автор, затаив дыхание, не спускал с них глаз.

— Пока светится индикатор, книга сканирует и считывает ваши... эээ... литературные предпочтения. Нейронная техника, праздник технологий! Специальная программа анализирует их, после чего соответствующим образом организует текст на страницах-экранах. Вам ведь понравился новый вариант вашего опуса, признайтесь?

— О... да! — только и сумел выдохнуть молодой человек, совершенно зачарованный.

— У нашей Юленьки иные вкусы, нежели ваши, поэтому книга аранжировала свой текст для нее иначе. И для любого покупателя результат окажется другой. Но — оптимально подходящий ему по вкусу. И он будет в восторге от чтения.

Словно услышав имя, коммутатор ожил и голосом секретарши требовательно сообщил:

— Урфин Александрович, тиражи на склад привезли, литеры Бэ тире Ка.

— Десять минут, моя душа! — пообещал старик.

— Как вы сказали? — произнес юноша. — А-ран-жи-ро-ва-ла?

— Разумеется. Работа нашей Универсальной Книги более всего схожа с аранжировкой музыки. А-да-пта-ция! — он явно скопировал Жевунова.

— А почему ж вы именно ко мне обратились? — удивился Василий.

— Законный вопрос, — похвалил Урфин. — Видите ли, сударь, для производства универсальных мегатиражных книг подходят тексты далеко не всех авторов. Классика, знаете ли, очень плохо аранжируется, и поэзия почти не поддается переделке. Сопротивляются тексты, язви их... Как ни странно, и кое-какие детские книжки, из старых, тоже.

При этом словно некая тень набежала на чело тиражера-аранжировщика. Точно вспомнил он что-то, крайне неприятное для себя.

— А я — что же? — поспешил сменить тему юноша.

— С вами как раз все замечательно, — кивнул Урфин. — Я заметил, что ваш текст в ваших собственных руках практически не изменился. Не понадобилась аранжировка. Видимо, пишете вы и впрямь — от души, — усмехнулся редактор.

— Стараюсь, — зарделся молодой человек.

— Поэтому вы нам идеально подходите как локомотивный автор, — деловито сообщил Урфин. То есть способный на-гора выдавать тесты, быстро и много. Сейчас мы заключаем с вами договор и начнем массированно издавать универсальные книги. И они будут нравиться каждому купившему, будьте покойны. Поскольку каждый реально отыщет в них именно свое, близкое по духу. Вы ведь об этом мечтали?

Нет, обб этом Жевунов не мог и мечтать. Тем не менее, теперь он уже поуверенней взглянул на редакторский стол, лаская взглядом корешки обложек со знакомыми фамилиями писателей, еще вчера казавшихся ему небожителями.

— А эти, значит, вам тоже подходят?

Он уже понял, что перед ним — книги-матрицы для будущих мегатиражей. И в голосе Жевунова отчетливо прорезалась ревнивая нотка.

— В той или иной степени. Но не беспокойтесь, всем им далеко до вас, — заверил тиражер. — С вашими текстами программа справляется точнее и быстрее других, буквально в считанные секунды. Они — идеальное поле для любых вариантов аранжировок, этакое интеллектуальное сырье, да не обидят вас мои слова.

Жевунов не обиделся. За годы словесных опытов он привык ко многому. К тому же он умел выжидать и уже довел это искусство практически до совершенства.

— Есть у вас тексты, близкие к завершению? — деловито осведомился старик.

— Семь романов, — потупился Василий. — И еще шесть — в стадии разработки.

— Ну, разумеется. Люди вашего склада пишут много и счастливо. Поэтому к черту разработки! — весело воскликнул Урфин. — Срочно садитесь за

тот роман, что ближе всех к финалу, завершайте и срочно — к нам. Недели вам хватит?

— Пять дней... — выдохнул юноша. Глаза его уже пылали обожанием и решимостью.

— Вот и замечательно, — похвалил старик. — А потом живенько беритесь за следующие проекты. Вот моя визитка, пропуск и ведомость в бухгалтерию. Получайте аванс и — за работу. А меня, извините, уже торопят.

И в подтверждение его слов запищал коммутатор — Юленька вновь требовательно призывала аранжировщика на склад, обрабатывать новую продукцию.

Джюс спустился на склад, привычно затворил двери и активировал электронный замок. Грузчикам и прочему персоналу издательства совершенно незачем видеть процесс установки индикаторов.

Он остановился между стеллажами с новыми пачками холодных с дороги книг, казалось, еще пахнувших типографской краской. Открыл сейф личным ключом, вынул заветную шкатулку, достал оттуда щепоть бурого порошка и жестами сеятеля принялся развеивать его над полками.

Раз за разом на обложках и корешках книг стали вспыхивать изумрудные капельки. Затем они тускнели, расплывались и исчезали, точно книги всасывали в себя чудодейственные заряды, семена аранжировки.

Нельзя сказать, что порошок одинаково управлялся со всеми авторами. В одних книгах крупинки зелья утопали, как в пыльной медвежьей шкуре; в страницы других впитывались с легким шипеньем и дымом, словно всасывались в кожу между перьями старого чучела попугая. Иные книги под воздействием порошка подпрыгивали и стучали корешками, издавая сухой треск оленьих рогов. Другие яростно хлопали обложками, будто клацали деревянные зубы вдруг ожившей игрушки. Но в большинстве своем книги принимали зелье покладисто, и крупинки порошка легко впитывались в гладкие, словно полированное дерево, обложки, сверкающие глянцем и популярными именами.

Скоро аранжировщик закончил окроплять книги, убедившись на паре пробных экземпляров, что тиражи уже достаточно напитаны магией Его Величества Универсала. Однако у дверей склада он остановился.

Задумчиво глянул на одну из верхних полок.

Затем приподнялся на цыпочки и, пошарив, достал потрепанную книгу с желтой обложкой и выпадающими страницами.

Урфин скользнул взглядом по фамилии автора, привычной фразе «Издательство “Советская Россия”». После чего открыл шкатулку, помедлил с минуту и, затаив дыхание, решительно высыпал на обложку целую горсть драгоценного порошка.

Книга немедленно вспыхнула и запульсировала в руках Урфина мириадами зеленых оттенков, всполохов и мерцаний. А потом стала медленно угасать.

Наконец, истаяла последняя изумрудная точка, и аранжировщик решительно раскрыл книгу на одной из последних страниц. Там его уже ждала привыч-

ная закладка. Он на всякий случай водрузил на нос очки и медленно, все еще на что-то надеясь, с замирающим сердцем, прочел:

«Урфин Джюс шел один, его не окружала стража, наоборот, люди сторонились его, и в этом кольце угрюмых лиц и ненавидящих взоров бывший диктатор чувствовал себя хуже, чем если бы его посадили в темницу».

— Опя-а-ать!! Пр-р-роклятье!

Старик издал крик отчаяния, в ярости отбросил книгу и уставился помертвелым взором в зеркало у двери.

Мало-помалу черты его разъяренного лица разглаживались, смягчались, и в скором времени он опять обрел прежнее обличье веселого и энергичного старикана.

— Ничего... — пробормотал Джюс. — Ничего! Подкорректируем программку. Проконсультируемся с инженерами. Только будущее и покажет, кто прав. А оно будет за мной, потому что технологии нынче решают все. Это я вам как столяр говорю.

И он погрозил зеркалу костлявым кулаком.

Василий пришел в себя только у подземного перехода. Карман приятно оттягивал конверт с первым в его жизни издательским авансом, пусть и мелкими купюрами, зато сумка теперь казалась невесомой, а душа — крылатой. С легким сердцем он достал визитку удивительного старика и прочел:

Издательство «Библио-Универсал»
Отдел спецпрограммного обеспечения и реализации.
Техн. редактор.
ДЖЮС УРФИН АЛЕКСАНДРОВИЧ.

А ниже значилось:
ВОЛШЕБНИК ВСЕГО ИЗУМРУДНОГО. ДОРОГО!!!

Василий с благоговением спрятал визитку в нагрудный карман и решительно свернул в переулок. Там его ждал магазин канцелярских принадлежностей с отличной и недорогой бумагой для принтера. Конверт внушал уверенность, визитка — надежду, а в сумке оставалось еще много места.

Заветным книгам моего детства — посвящается.

ЛЯЛЯ АНГЕЛЬЧЕГОВА

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

СКОРАЯ! СКОРАЯ! СКООООООРАЯ!

У нас тут запарка, и ещё одна, и сто двадцать пятая. И послать некого, потому что противошоки уже с неделю виснут хрен знает где, а линейная вообще не готова. У линейки шаттл разобран. А шеф транспортной службы в запое и отремонтировать жестянку некому.

— Скорая! Скорая! Скоооооооорая!

Я говорю, ору в коммуникатор — слюна на монитор шматками вешается: «Во втором секторе срочный вызов — наркот в отрубе. В пятом инфарктник мечется. Седьмой рожает!» А шеф мееедленно так, с растяжкой — он всегда так, когда нервничает... «А ты не торопись, Рябов. Прими, оформи, как положено. Потом глянем, может, кто и освободится...»

Кто? Хотел бы я знать... Кто? А на связи мужик бесится. Хороший мужик, с бородой. Жена у него, вишь ли, беременная. Воды отошли. Ну и что? У меня, вон, дальняя орбита уже с неделю красным мигает. Болячку подцепили непонятную. Где инфекционисты, спросите? А я отвечу. Отвечу я: «Саакян — основная "чума-холера" в карантинном боксе после вылета отлёживается, в колбу с раствором целиком засунутый — одна голова сверху торчит. И ребята его там же — в колбе».

«Рябов — диспетчер классный!» — это Сонька так бурчит. «У Рябова всё чики-пуки. Это Саакян — "чума-холера"». А я мужику в монитор улыбаюсь, смотрю в бороду на слипшиеся клочки волос и уверенно так: «Не волнуйтесь. Специалисты уже выехали!» Кто выехал? Куда выехал? Одна акушерка на всю станцию, да и та — пенсионерка. И спит...

— Специалисты уже выехали! — Поправляю экран, чтобы ему было видно, как на заднем плане сестрички туда-сюда бегают. Понятно, он не соображает, что сестрички всегда бегают... Чай там, кофе, коктейль молочный...

— Рожает! — Кричит, на полке динамики трещат, только что не дымятся.

— Выехали, — талдычу, а по хребтине пот. Потому как бабе справляться самой придётся. Ну, разве что с недельку подождёт.

— Быстрее, — и бледный весь, словно стены у Главного в кабинете. Не белые, не жёлтые... непонятно какого колеру.

— Ждите!

— У человека инфаркт! — Это другая линия. Спрашивается, откуда вы знаете, что инфаркт? Справочников начитались или в симуляторы переиграли?

— Координаты? Номер полиса? Ждите!

— Задыхается! Задыхается! — тычет в монитор пальцем, будто глаз мне проткнуть норовит. А на пальце перстень переливается зеленью. Ногти длинные, ухоженные. Одним словом — дура гламурная... — Задыхается!

— Ждите!

Линейка торчит в кают-компании. Злые все. Матерятся. А что ещё делать, если шаттл разобран, а начтраспорта в запое?

— Всех уволю! — Главный в «каютку» выйдет, глянет на безобразия, и обратно в кабинет — шнырь!

Ага. Уволит всех, а сам застрелится. Что ещё остаётся? Мы, понятное дело, помалкиваем, потому что чуем, что Главному хреновее некуда. Ещё и комиссия эта! Про комиссию мне Сонька нашептала. Мол, прибывают из центра, планируют оценить, сделать выводы, составить рапорт...

— Рожает! — И за стёклышками очков блестит мокрое. Потеют стёклышки. — Рожает!

— Ждите! Бригада выехала! — Сам тоже чуть не плачу. Вот. Сколько лет уже, а всё не привыкну никак. Дурак... Одним словом — дурак.

Сонька, к примеру, никогда не переживает. В книжечку только глянет и опять морду кирпичом. Книжечка у Соньки смешная — старинная. Такие записушки я только в киношках видел. А Сонька туда частенько стилосом суёт, заносит всякое разное.

* * *

Сонька, а официально — Торшина Софья Павловна, — наш кардиолог. У неё в бригаде шесть мужиков, так она их строит так, что мало не покажется. Я с Сонькой три года плечом к плечу... Таскал за ней аппаратуру, сигареты прикуривал... Она меня Шуркой звала. Только она одна. Все остальные Рябовым, а Сонька по имени. Она же меня на диспетчерское место и приткнула. За это ей огромное человеческое «данке шён»... Санитары — а я санитарил прежде — больше десяти лет не выдерживают. Нагрузки большие очень. Нечеловеческие, я вам скажу, нагрузки.

— Задыхается! Задыхается! — А тётка такая смазливая. Из аристократок, сразу видать. И ногти у неё глянцевые, розовые.

— Выезжаем! — Серьёзно говорю, с нажимом.

Потом переключился на кардиологов. Вызов передал. Сонька плечами пожала. Говорит:

— Может и наш пациентик. Только удивительно... Вроде молодой ещё, тридцатника нет. Ну ладно... Шурик, шаттл готовь.

Я водиле «готовность А» скинул, а сам мужику бородатому повторяю: «Не ссы, папаша! Наши будут. Ты только сам тоже не теряйся. Водички приготовь».

Наркотовы дружки на доп-линии руками машут. Нанюхались какой-то дряни и мечтают, что прям сейчас к ним приедут добрые Айболиты и всех спасут. Угу. Уже! Вжжжжжжжжж — летим... Не люблю наркотов.

— Шурка. Координируй! — Сонька в белом комбезе на улитку похожа. Страшная очень. Как смерть...

Я ихнему шоферу нужные данные скинул, Соньке подмигнул, и опять к роженице на линию.

— Кричит она. Кричит! — Мужик совсем дохлый, пальцы трясутся, бородёнка спеклась. — Делать то что?

— Да не боись! Давай-ка, верти жёнку свою ногами к камере. Сейчас дистанционно примем, — успокаиваю, вроде, а сам кнопку жму — акушерку требую. А акушерка с прошлого вызова ещё не оклемалась — спит.

— Как дистанционно? — и голос нехорошо так слабеет.

— Всё путём, брат... Наши сейчас прибудут, но мало-ли...

— Скоооорая! Скорая! Разгерметизация... Жертвы...

Тьфу ты! Когда эти козлы-монтажники будут соблюдать? Ну, тут уж деваться некуда. По станции сирену влупил. Кто есть, кто спит, кто в камбузе или бухой... Всех собрать и на вылет. А начтранспорта в запое... Значит «линейку» в челнок-раздолбай грузить придётся. Могут и не долететь ребята... В гараж запрос, по соседним подстанциям инфу, нашим «ни пуха ни пера»! Главный по шлюзовому коридору промелькнул, даже не взглянул в мою сторону. В руках чемоданчик. Тоже, вроде Соньки, любит старинные прибамбасы.

— Ну? Что?

— Господи! — я чуть было не перекрестился. Мне в лицо две розовые пятки, ляжки и остальные женские штучки. И готова! Правда готова! Ещё чуть, и освободится!

— Что делать? — Глаза у самого на лбу, борода скособочилась, рот в пене. Ни дать ни взять — шизик...

— Тужится пусть, — говорю, — и дышит...

— Так дышит, вроде...

— Ну... — замялся я, на панель глянул, акушерка спит, как младенчик. А тут и правда скоро настоящий, живой младенчик выползет.

— Задыхается! — Это аристократка. Удивительно, вся мокрая от пота, а из причёски ни один локон не выбился. Красивая. Очень.

— Ждите...

Я их заметил, только когда меня худощавый типчик в костюме за плечо схватил. Как через «шлюзку» проскочили? Почему никто не предупредил? Вздрогнул, обернулся. Стоят. Пятеро. Все хмурые и лысые. Все как один. Специально их подбирают, что ли?

— Как пройти к вашему главному врачу? — спрашивают.

— На вызове, — отвечаю, а сам за монитором слежу, потому что головка уже появилась и скоро остальное полезет.

— А кто замещает? — голос такой тихий, как у рыбы. Или рыбы вообще не разговаривают?

— Не знаю, — плечами пожимаю, норовлю из клещей холодных высвободиться, а тот только сильнее тискает. — Не знаю. Пройдите в кают-компанию. Может, кто из врачей там сидит, только навряд ли, потому что в ноль-секторе разгерметизация и все наши туда мотанули.

— Что? Станция без руководства? А если...

— Давай! Давай! — ору... Волосёнки чёрные, в плёнке. Мокротень кругом. Экран не то запотел, не то... Даже лицо хочется утереть салфеткой. — Давай, родная!

— Непорядок! — и лысинами в кружок стянулись, блестят под лампами. — Следует отразить в рапорте.

— Дааааваааааааааай! Ааааааааааа....

— Задыхается... — Глаза синие озёра, а из них ручейки по щекам. — Умирает.

— Ждите...

Когда лысые ушли, даже не просёк. Учил мужика, как пуповину резать, и мальчонку мыть. Швы накладывать, слава богу, не пришлось. Из ноль-сектора наши сообщение дали, что сели благополучно, прошлись по периметру, жертв нет. Пострадавших, правда, нашли — человек двадцать. Сестричкам сразу по селектору «готовить реанимацию и палаты» проорал, и опять на коммуникатор переключился.

— В коме... В коме... Зенками шальными хлопает. Ясно... Нюхать меньше надо. Вечная беда с этими яхтсменами. Уйдут на дальнюю орбиту, чтобы родаки не отследили, и беда... А потом теребят скорую.

— Упаковку покажи, — морщусь. — Чем травились?

— Вот!

— Тьфу ты! А сколько?

— Столько-то, — и хихикает. Молоденькая, в пупке бусина сверкает.

— Умер! — Моря, океаны, озёра синие. Кожа прозрачная. — Он умер. Пульс пропал. Не успели.

— Ждите. — Соньке на персоналку набрал, хоть и запрещено — навигация слетает к чертям.

— Стыкуемся... — водила у кардиологов крепкий. Я его давно знаю. Стыкуемся. Пусть ждут.

— Ждите...

— Умер!!!

— В коме... Братишка в коме...

— Пошла ты... От этого не дохнут... Отлежится твой торчок... Ждите... Женщина... Доктор через три минуты будет! Вы умеете делать?..

— Умер... — а голос угасший, и озёра сухие до самого дна.

* * *

Через сутки комиссия убралась. Что они в рапорте понаписали — не ведаю. Главный грозился всех перестрелять, потом дать премию, потом пере-

думал. Да и не до этого ему было, станцию под завязку забили монтажниками с ноль-сектора. Сестрички радовались, халатики в груди ушивали.

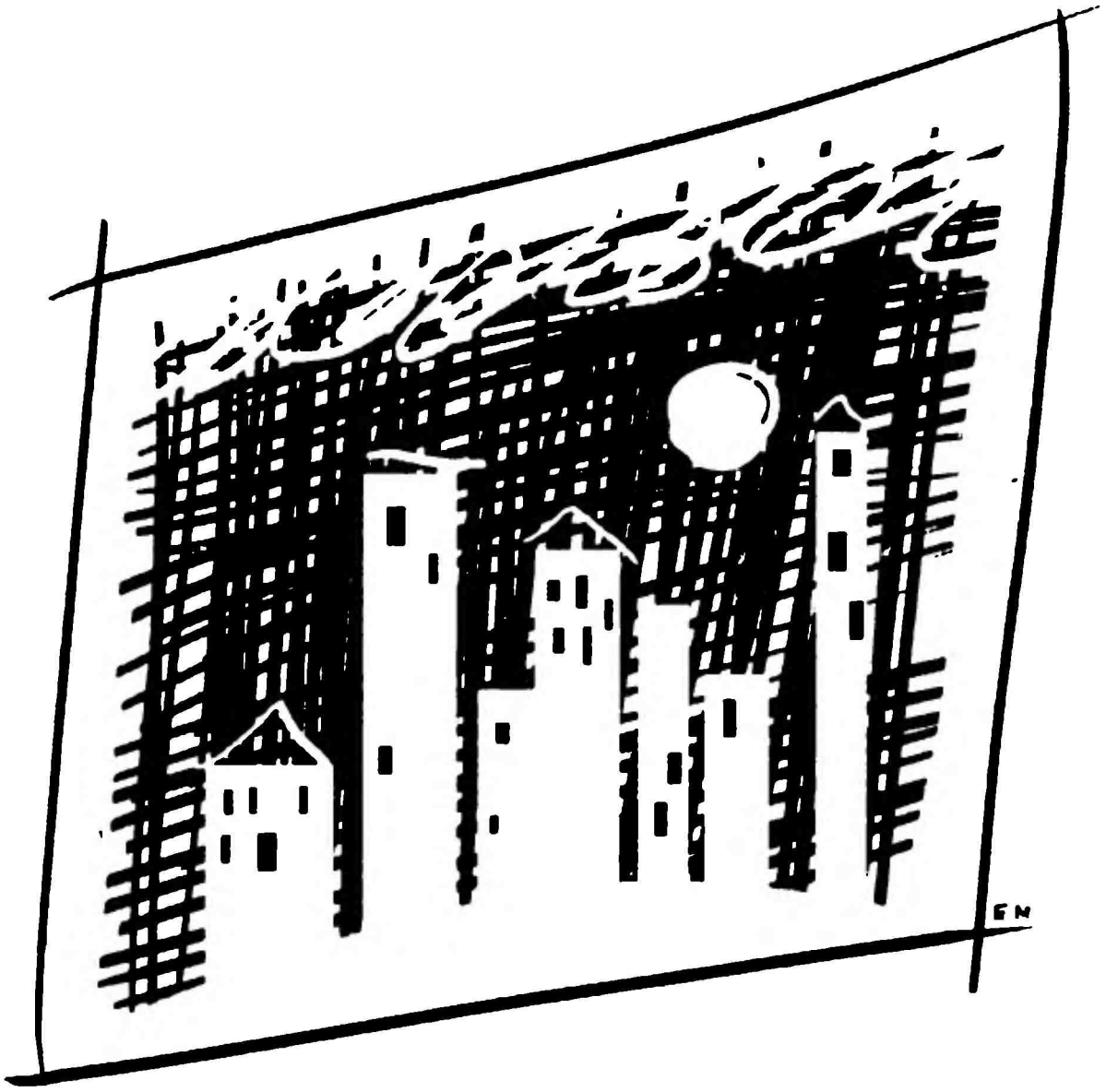
Бородатый всё-таки настрочил жалобу. А мальчонку заснял на видео, и мне на «личку» копию кинул... Торчки? Они и есть торчки... Что с них взять?

Я у Соньки спросил, а что там с инфарктником-то? Промолчала Сонька. Ухмыльнулась только стервозина хитрая. Книжечку свою, однако, не доставала — я следил.

Мы когда с Сонькой вместе в кардиобригаде вкалывали, она призналась однажды... Пьяная была что ли, или уставшая... «Кладбище это, Шурка, — сказала, — моё собственное кладбище. Кто как, а я своих сюда хороню... И стилос в кармашек комбеза сунула, и книжечку-то пролистала. Пролистала... Страничку за страничкой. И немного вроде... А страшно. Страш-но!

— Скорая! Скорая! Скооорая!

— Ждите...



ИНА ГОЛДИН

САНТОЙА

В СЕМЬЕ ВАЛЬДАНО НЕТ СЫНОВЕЙ. В СЕМЬЕ ВАЛЬДАНО БЫВАЮТ отцы, но надолго не задерживаются. И девочки... женщины... высохшие, укутанные черным старухи... их не помнят.

Маргарита хотела бы быть мужчиной. Хотела бы сейчас, когда песок перед домом еще темен от крови ее матери, когда сестра воет на кровати, потому что честь ее склевали вороны. Маргарита — тонкая, угрюмая, с неулегшейся ненавистью в темных глазах. Родись она сыном, пообрывала бы крылья воронам семьи Сантойа.

Долорес хорошо, горе выливается слезами, льется и смоется в конце концов. А Маргарита... Страшное чувство — беспомощность. Сухая, как песок, раскаленная злость распирает ее, рвется наружу, но выйти не может. Огонь, который пылает внутри, не сожжет даже листка бумаги.

Она выходит к их дому и выплевывает свою ненависть в землю; кухонным ножом полоснув себя по руке, стряхивает капли крови.

Мужчины, что сидят за картами невдалеке, смеются. Каменные стены притворяются, что не слышат ее. Не видят. Дом Корбино Сантойа, белый под глухим солнцем, укрыт от недобрых взглядов.

Но от мести не укрыться, знает Маргарита. У вендетты в ее краях были разные имена, пусть теперь будет имя: Вальдано.

В семье Вальдано нет мужчин, а женщин чего бояться? Кто угодно может, возвращаясь с пьяной охоты, взломать тощенькие ворота вдовьего дома, а дальше — и в ворота непроснувшихся хозяйкиных дочек вломиться, не спрашивая разрешения. А мать, чтоб не мешалась и не выла, отпихнуть — головой о камень. Кто угодно может, а сделали — Сантойа.

Она могла бы поехать в Асталуэго, к магичке, наскрести денег, навести проклятие. Да только проклятие — ненадолго и неверно: никогда не знаешь, как ляжет.

Мстят не так.

В полнолуние Маргарита выходит на перекрестье дорог. Ветер путает распущенные волосы. Одиноко гавкает собака. Где-то призрачно и грустно бренчит гитара.

Маргарита берет огниво, зажигает принесенную с собой свечку. Крошечный огонек одиноко, неуютно трепыхается на ветру.

Вот — огонь путнику, что выбредет на дорогу.

В большой глиняной кружке — не вода, ее собственная расплавленная до прозрачности ярость. Плещется нечаянно зачерпнутая в колодце луна. Колокол ясным звоном разливает в небе полночь.

Вот — путнику напиться.

Рядом она кладет мертвые, сухие стебли.

Вот — путнику накормить коня.

Она молится, истово, как никогда не умела в душной, домашней деревенской церкви. Шепчет, неловко ставя слова задом наперед.

Последний звук полуночи повисает густой свинцовой каплей и тает в небе.

Он выезжает на перепутье из ничего, скелет, обернутый серым плащом. Никто не знает, кто он такой. Говорят — последний, кого похоронили на здешнем кладбище. Последней хоронили ее мать, но Маргарита не узнает ее. Конь с обглоданной мордой смотрит понимающе.

— Кто? — молча спрашивает Тихий Всадник. — К кому мне ехать?

И Маргарита произносит, как заклинание:

— Сантойа.

Тихий Всадник смеется, его смех прозрачен, как лунный свет.

— Все мужчины Сантойа.

Он молча повторяет, разевая страшный рот. Разглядывает ее пустыми глазницами. Спрыгивает с коня.

Где-то устало, из последних сил, брякает гитара.

У Сантойа — каменный дом, один из самых богатых в городке. И лестницы там каменные, со щербинами, смотреть надо, иначе оступишься ненароком. Альваро, старший сын в семье — по пьянке был, не смотрел. Другому бы ничего, а этот сломал шею. Оставил двух сыновей.

Маргарита замирает там, где фонтаном бьется сердце города, застывает в странной летаргии, забыв о ведре, о льющейся воде. Слушает — ждет, когда тяжелое солнце упадет на крышу дома Сантойа, когда взовьется к равнодушному небу вдовий крик.

Дожидается.

Долорес выходит из комнаты, зябко кутаясь в шаль. Маргарита хватает ее за плечи, усаживает за стол, суетится вокруг, как возле больной. Потом садится напротив, и они глядят друг на друга. Меряются: у кого в глазах пустота больше.

Молчит Долорес.

Анхель, брат Альваро, поехал в Асталуэго и задержался на ночь. На беду свою задержался: муж, как водится, вернулся не вовремя. Другому бы ничего, сколько раз бывало: в исподнем — и огородами. А тут муж вытащил кинжал — и сразу в сердце. Младший, Альберто, поскакал в город за телом, да не доехал, взбесившаяся лошадь сбросила, затоптала. Самым красивым из братьев был Альберто, но поди узнай красоту, когда она раздроблена копытами.

Маргарита идет в церковь, ставит свечку. Не в женский угол, Матери-заступнице или мученице Хуане, а святому Брутусу, покровителю мстителей.

Старший сын погибшего Альваро пошел с товарищами купаться. Другим ничего, они вернулись, а его тело насытившееся море наутро отрыгнуло на берег.

Поседел наконец Корбино Сантойа — а до этого никак не хотел стариться.

Старухи, что горбятся у опаленных солнцем стен, смотрят на нее косо. Не в добрый час родилась младшая дочка у Вальдано. Выпало ее рождение на субботу, шестой день шестого месяца, и Дикая Охота прошла по небу в вечер, когда разрешалась мать. Маргарита идет мимо, выпрямившись — теперь можно ходить прямо. Мне отмщение, сказал Бог. Мне, думает Маргарита, а не ему. Он даже за собственного сына не отомстил — какой Он после этого Господь?

Дома Долорес стискивает руки, дрожит под шалью:

— Это ты их?

— Я, — без улыбки, в голосе — спокойная гордость, как и подобает мужчине.

У фонтана мать ребенка — того, что унесли с берега, тихого, зелено-бледного, с волосами-сосульками — вцепилась Маргарите в плечи и воет:

— Один у меня остался! Один! Всех извела, и его изведешь? Не тронь, не тронь, ради Матери святой!

— Ты мне-то с чего это говоришь? — Маргарита отстраняется. — Ты это Всаднику скажи!

Голос у нее дрожит.

— Ты ему теперь жена! Чем ты ему заплатила там, на дороге, ведьма? Что ему дала? Ты жена ему, так скажи! Скажи! Один у меня остался, маленький! — крик сбивается, захлебывается, становится рыданием.

Люди стоят полукругом, смотрят и не вмешиваются. Чужую месть надо уважать; это между семьями. Старики уткнулись в карты.

— Ты своего мужа не удержала, когда он на охоту за чужими юбками ездил — нет? Не усмотрела! — кричит в ответ Маргарита, и в голосе ее — страх и безнадежность. — А сама считаешь, я Всадника удержу? Думаешь, я смерть могу отговорить?

Думаешь, я могу?

Она садится на край фонтана. Закрывает лицо руками. Люди расходятся. Только блестящее солнце давит ей на плечи.

Черная тетка лихорадка пришла ниоткуда, вцепилась гниющими пальцами в ребенка, последнего наследника Сантойа. Позвали лекаря, послали в Асталуэго за лучшим магиком — но пока магик добирался, болезнь стащила мальчика с кроватки и унесла.

Маргарита нарвала для Долорес цветов, купила сладостей, у бродячего торговца ухватила ожерелье из ярких камешков.

— Лола, сестричка. Смотри, что я принесла. Давай забудем все, давай, чтоб было как раньше.

— Ты чудовище, — плачет Долорес. — Ты мне не сестра, ты ему теперь сестра.

Маргарита роняет руки:

— А как же? Что же я должна была делать?

Но Долорес не отвечает. Ее тошнит, тошнит от тоски.

— Ведь за тебя же, — беспомощно говорит Маргарита.

К Корбино Сантойа она приходит сама. Тот сидит на кладбище, всматривается в свежие камни.

— Узнаешь меня?

Он кивает.

— Все мои дети, — говорит он. — Нельзя сражаться с женщинами. Женщины честно не воюют.

— Ты сказал бы это сыновьям. До того, как они пришли в мой дом. Я мстила как могла.

Корбино нечего сказать. Его беда: он понимает.

— У вендетты будет имя: Вальдано.

— У смерти будет имя, — хрипло говорит старик. Но его Маргарита убивать не станет. Сам прыгнет в седло позади Всадника.

И только женщины будут его оплакивать, а женщин — чего бояться?

У смерти будет имя. Не век же ей ходить безымянной.

Маргарита сидит на крыльце своего дома; пальцы ее скребут по крыльцу, по земле рядом, зачерпывают камешки, стискивают.

Моя месть справедлива, моя рука чиста, и благословен Тот, кто ее направил.

Так говорят в их краях, когда вендетта закончена.

Страшное, скомканное лицо у Маргариты, будто у горгульи, охраняющей церковь.

Моя месть справедлива, думает она. Но руки не чисты, на них кровь. И на платье тоже. Кровь, которая стекала между ног Долорес, резко, смертельно побелевшей.

И благословен Тот...

Она хотела, наверное, что-то сказать, может быть, проклясть ее, Маргариту, — хотя куда уж дальше. Но голос отнялся раньше, и закатились глаза, обнажая белки. А Маргарита все смотрела на кровь, стекающую из лона сестры. Кинулась остановить, но было поздно, красный поток все хлестал, пока не опустошил Долорес, не вымыл из нее остатки жизни.

Моя месть справедлива...

Все мужчины Сантойа, сказала она Всаднику.

Другой бы ничего — а Долорес он забрал.

Маргарита сидит на крыльце опустевшего дома, перебирает острые камешки, втискивает в ладонь. Губы ее шевелятся, повторяя одно и то же имя.

В семье Вальдано нет сыновей.

Ю.А.ЛЕБЕДЕВ

МЫ ВСЕ ХОТИМ ПОБЫВАТЬ НА ЛУНЕ...
(НУМИЗМАТИКА И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА)

То, что у каждой медали есть четыре стороны — аверс, реверс, гурт и окружающая ее историческая атмосфера — хорошо известно каждому настоящему нумизмату. Но вот то, что эта четвертая сторона есть даже у тех нумизматических объектов, которые не имеют третьей, — это, думаю, достойно обсуждения! Я готов продемонстрировать это на примере таких двумерно-протяженных нумизматических фигур, как эскизы монет. И четвертая сторона этих «виртуальных объектов» может быть напрямую связана с законами, описывающими виртуальную реальность — законами квантовой механики.

Казалось бы — где имение, а где — вода... Но нахождение общности в предметах и явлениях «несовместных» — один из самых плодотворных путей познания. Мир един, наше разделение знания на «предметы» и «науки» — просто необходимая дань ограниченности возможностей нашего восприятия мироустройства и, как следствие этого, стремление к созданию простейших прагматических моделей. Но каждый раз, когда удается объединить какие-то, прежде казавшиеся совершенно независимыми точки зрения на разные предметы, оказывается, что вместо «непреодолимой границы» появляется новое поле исследования и новое знание о том, что есть мы, и что есть мир...

Не так давно в эвереттической трактовке квантовой механики появилось понятие о «склейках» — явлениях взаимодействия различных ветвей мультиверса. Для тех, кто впервые сталкивается с эвереттикой, поясню, что эвереттика — это возникшее 50 лет назад направление в квантовой механике, ныне вышедшее за пределы собственно своего физического обоснования, которое утверждает физическую реальность многомирия.

У истоков эвереттики стояли такие титаны физики, как Н. Бор, Д. Уиллер, Б. Де-Витт, Р. Фейнман, ей отдали дань наши академики А.Д. Сахаров и М.А. Марков, нобелевский лауреат В.Л. Гинзбург предоставил для пропаганды эвереттических идей страницы знаменитого журнала «Успехи Физических наук», а «без пяти минут» нобелевский лауреат А.Д. Линде считает теорию Эверетта «точкой отсчета всех дальнейших дискуссий в квантовой космологии». Здесь нет возможности разъяснять подробности — всякий желающий может найти их в Интернете и специальной литературе. Рекомендую для интересующихся сайт Международного Центра Эвереттических Исследований (МЦЭИ) http://www.everettica.org. Важно для дальнейшего только одно: согласно строго обоснованному предположению американского физика Хью Эверетта, равно «реальны» все физически мыслимые миры.

«Но при чем тут нумизматика?!» — может спросить читатель. Поясню на примерах. Согласно эвереттическим представлениям, «реально существуют» (но только не «здесь и сейчас») миры, где в 1918 году Учредительное собрание не было разогнано, и развилось государство, в основе монетной системы которого лежат известные нам жетоны Армавирского банка, миры, в которых реформа 1958 года осуществилась и, «по воле Партии и Правительства», тяжелые пятирублевики отоваривают граждан (через торговые автоматы конструкции советских инженеров начала 60-х годов) «товарами первой необходимости», и даже «павловские миры», где в качестве наградных некоторые ведомства используют золотые памятные жетоны «70 лет Советскому чекану»!

А что такое «склейки»? Если не вдаваться в квантово-механические подробности, то можно сказать, что как раз в нумизматике мы часто буквально «держим их в руках». Ибо склейки — результат взаимодействия (пересечения) различных эвереттических ветвей мультиверса — материализуются «здесь и сейчас для нас» в... монетах!

И в этом случае нумизматика становится экспериментальной ветвью квантовой истории.

Квантовая история — совсем молодое направление в современной науке. Можно сказать, что началась она с работ американских физиков Гелл-Манна и Хартля (первый является нобелевским лауреатом по физике за предсказание кварков) в 1990-1994 гг. В России это направление начал развивать и конкретизировать по отношению к отечественной истории омский математик А.К. Гуц в монографии «Многовариантная история России» (Москва 2000 г.), а в области нумизматики — Ю. Кемист в своей книге «Севский чех» (Кострома, 2003 г.).

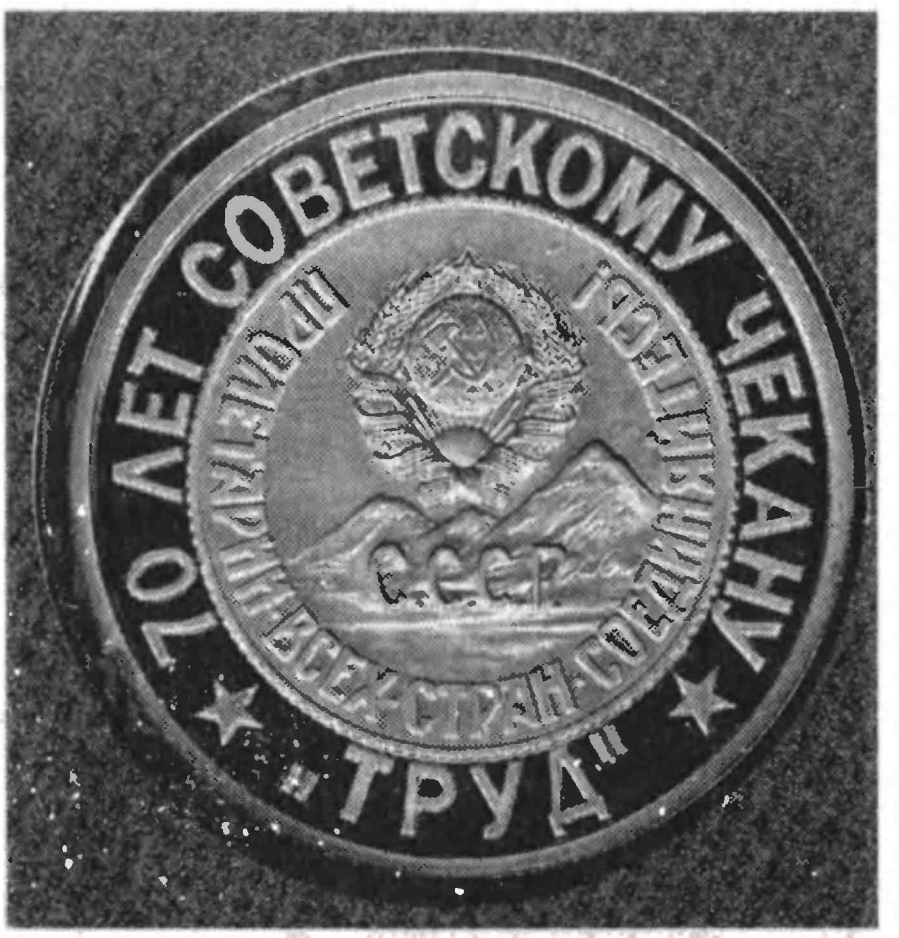
Недавно было показано, что число склеек прямо пропорционально числу реализаций того или иного квантового состояния. А монеты — это массовая продукция, их тиражи составляют порой десятки и сотни миллионов. Но почему я выделяю именно эти предметы окружающего материального мира? Ведь среди окружающих нас «массовых» вещей очень многие являются склейками! Это, конечно, так, но, например, наличие большого числа склеек-песчинок на пляже Джимбаран индонезийского острова Бали или массовое появление склеек-маслят в костромских лесах, и даже обнаружение необычных склеек-хетогнат в составе зоопланктона Северного Ледовитого океана вряд ли обратят на себя внимание. А вот то, что некоторые из лежащих в коллекциях монет «попали к нам» из этих самых «параллельных миров» не только обогащает спектр эмоций их владельцев-нумизматов, но и дает возможность «квантовым историкам» сделать очень интересные выводы о характере взаимодействия различных исторических реальностей. И монеты — не безликие песчинки или безмолвные хетонаги, похожие в нашем восприятии друг на друга «как две капли воды». Монеты несут смысловую информацию тем более ценную, что каждый элемент, появляющийся на монетном поле, тщательно продумывается автором и многократно обсуждается в различных инстанциях для того, чтобы

наиболее выразительно донести до зрителя некую социальную идею. И смысл изображения — это ментальный слепок эпохи, или, говоря эвереттическим языком, того «здесь и сейчас», в котором творил автор монетного эскиза. С квантово-исторической точки зрения это особенно важно. Ведь кроме склеек материальных в эвереттике рассматриваются и склейки ментальные, когда индивидуум «получает информацию» от тех своих воплощений («двойников»), которые существуют в других ветвях мультиверса.

Всё вышеизложенное потребовалось мне для того, чтобы перейти к рассмотрению одного чрезвычайно любопытного нумизматического объекта..

Я имею в виду жетон из осуществляемого ООО «Мастер-Вижн» проекта «Национальная серия». Проект «материализовал» предполагавшуюся монетную реформу 1925 года, переведя в металл все предложенные на конкурс эскизы. Общее описание проекта дано в статье В.А.Спановского «Предшественницы пробных монет» в научно-информационном журнале «Нумизматика» (№12, 2006, с. 22 – 24.).

Здесь далее речь пойдет о монете 5 копеек серии «Труд» **(Рис.1)**.



(Рис. 1) Жетон проекта «Национальная серия» ООО «Мастер-Вижн» с изображением аверса 5-копеечной монеты 1925 года серии «Труд».

Нет, сегодня этот жетон вряд ли может быть материальной склейкой, подобной, скажем, монетам 1958 года, каждая из которых с некоторой вероятностью попала «к нам» из той исторической ветви, где «построение коммунизма» шло иным, чем у нас, путем. Слишком «близко» по времени событие появления этих предметов «у нас». Тот «квант истории», который порожден этим событием, ещё не успел «рассеяться» и информационно интерферировать с другими квантами истории настолько, чтобы породить столь заметные материальные склейки. Как сказал отец квантовой истории Мюррей Гелл-Манн, «множества с мелкозернистыми историями не декогерентны», т.е. «лицом к лицу лица не увидать» — для формирования четких ветвлений истории нужна временная дистанция. А пока мы имеем дело только с «зародышем» квантовой флуктуации. Она, конечно, разовьется и неизбежно породит склейки с «тем 1991 годом», в котором не было ни кризиса, ни развала СССР, а 70-летие Советского чекана отмечено ностальгической «Национальной серией», воспевающей эстетику раннего соцреализма. Но, оставаясь в рамках временной интерпретации квантовой механики, можно сказать, что это все «у нас» будет потом — лет через 15-20. И будет относиться ко всем жетонам всех серий.

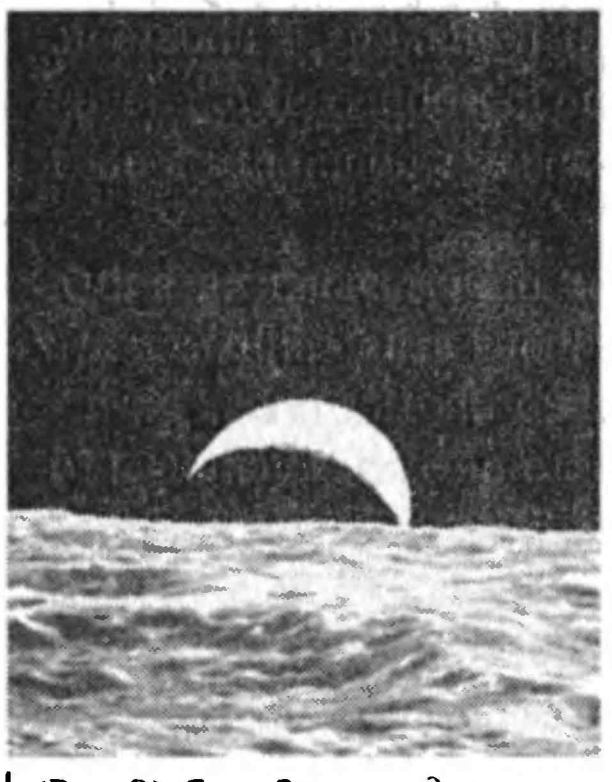
(Рис. 2) «Лунный пейзаж» с Солнцем и видом на Землю.

Но уже сегодня я обратил внимание на один из них. Когда этот жетон впервые попал мне в руки, я удивился странному дизайну — какому-то явно «космическому» сюжету, отягощенному ранней советской символикой. Решив очистить идею рисунка от идеологической нагрузки, я взялся за «Фотошоп». Убрал с герба колосья, «приблизил» точку зрения, и получил вот что **(Рис.2)**

И вот тут я ясно осознал, что это действительно космический пейзаж — вид Земли над горизонтом Луны! И здесь мы имеем дело с настоящей ментальной склейкой — такое изображение в 1925 году просто не могло появиться на проекте советской монеты. О космосе никто тогда не «бредил», и на всех остальных рисунках этой серии воспеваются топор лесоруба, воловья упряжка пахаря, «корабль пустыни» верблюд и — как вершина технического прогресса — нефтяные вышки.

Я стал приглядываться к изображению, полученному на рисунке 2. Ни «Серп и Молот», ни «аршинные буквы С.С.С.Р.» меня не смущали — смущало Солнце... Принципиально важно — находится оно *между* гористой линией горизонта и Землей, или светит ей в затылок? В первом случае это не могло быть Лунным пейзажем и, следовательно, относилось к чистой «фантазии художника» в «общепринятой» формулировке, или является «весьма далекой»» с эвереттической точки зрения склейкой, обсуждать которую сегодня вряд ли целесообразно.

Я мысленно перебрал все известные мне фотографии Земли с орбиты Луны. Надо сказать, что их совсем немного. Дело в том, что все пилотируемые экспедиции совершали посадку вблизи середины видимого с Земли лунного полушария и Земля на лунном небе там стоит близко к зениту и редко попадает в объективы фотокамер астронавтов, а автоматы посылаются к Луне для изучения ее поверхности и тоже редко «ловят» своими камерами Землю. И если она все же попадает в кадр, то, чаще всего, в какой-то фазе, далекой от «полноземелия» **(Рис.3)**



(Рис. 3) Серп Земли над лунным горизонтом.

Впрочем, автор «трансляции в прошлое» лунного пейзажа вовсе не обязательно знал о существовании таких изображений (мне, например, даже сегодня, в эпоху Интернета, пришлось потратить немало времени, чтобы найти эту фотографию!)

Учтя все это, и внимательно всмотревшись в рисунок 2, я получил однозначный ответ — солнечные лучи, которых, из-за отсутствия атмосферы, разумеется, не могло быть видно на Луне, на рисунке по воле художника *экранируются* Земным

диском. Это значит, что Земля находится, как ей и положено в «нашем мире», между Луной и Солнцем. Более того, и появление «лучей» можно объяснить тем, что на рисунке изображен момент начала солнечного затмения на Луне и, соответственно, начала видимости солнечной короны, которая графически обозначена художником именно «лучами». Тем более, что и угловые размеры дисков Земли и Солнца выдержаны почти в правильной пропорции.

Посмотрите внимательно на рисунок 2. Это — не «полноземелие», как можно подумать с первого взгляда. Художник (а потом и воплотивший его замысел в металле мастер-гравер Московского монетного двора!) сумели так изобразить Землю, что ясно видно — она подсвечена именно *снизу*, со стороны Солнца, на которое «садится» Земной шар в ходе начинающегося затмения. Эффект усиливается при просмотре монеты под определенным углом. Этот угол зрения обеспечил мне сканер, который осуществил физическую подсветку таким образом, что нижний край лимба Земли и выпуклые приполярные параллели у ее южного полюса просто «горят» в солнечных лучах (что может быть изображением картины рассеяния света земной атмосферой в начальной фазе затмения), а верхний край лимба и северные параллели «тонут во тьме». Конечно, реальность процесса затмения на Луне (кстати, гораздо более частого и наверняка более богатого зрелищными эффектами, чем солнечные затмения на Земле) будет отличаться от изображения на монете, но вряд ли это можно поставить в вину неизвестному художнику, изобразившему его в 1925 году!

Этот вариант расшифровки рисунка может дать много конкретной информации о том, когда именно можно было наблюдать такое расположение небесных тел с Луны. Ясно одно — наблюдатель находится на краю видимого с земли Лунного диска, вблизи зоны либрации, где-то в области лунного экватора, поскольку линия большого круга, проходящая через центры Земли и Солнца почти перпендикулярна горизонту.

Однако я не думаю, что это — самый вероятный случай и «самая близкая» ментальная склейка. А то, что изображенный пейзаж является для его автора в 1925 году именно ментальной склейкой с эпохой, когда шла «космическая гонка» между СССР и США за право «первого шага по Луне» (1961 — 1969 гг.), мне представляется очевидным. Именно в эту эпоху успехи в освоении Луны означали утверждение первенства в сфере идеологии и торжество национальных идей «во всемирно-историческом» масштабе.

Художник, судя по сюжетам 1 и 2 копеечных монет (белорусская лесопилка с топором на переднем плане и украинские пахари, управляющие воловьей упряжкой под сенью ветряной мельницы), явно был не из тех, которые «приносили в редакции задачи с такой прекрасной идеологической установкой», от зависти к которой плакал старик Синицкий, дедушка Зоси, дамы сердца Остапа Бендера. Поэтому автор эскиза, подобно старому ребуснику, вероятно подозревал, что на мелких номиналах он «не дотянул» до идейной кондиции и в своей работе над пятаком был явно озабочен пост-

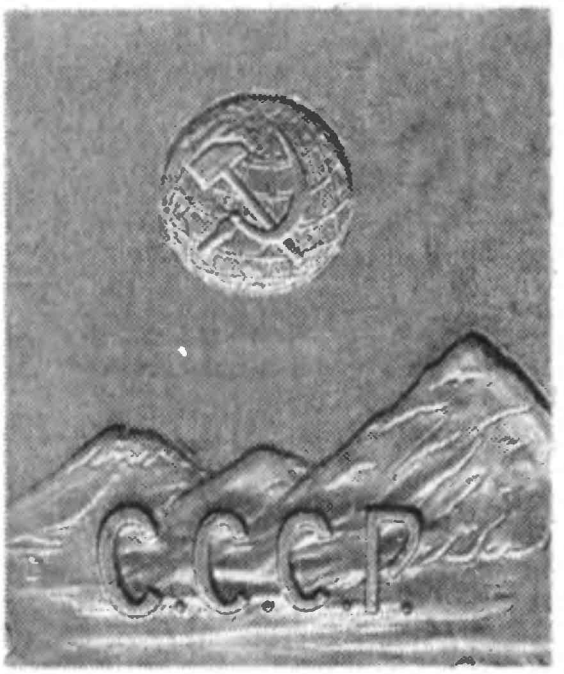
роением сюжета с максимальной «идеологической нагрузкой». Отсюда — именно Луна на ментальной склейке и такое обилие на ней советской символики.

Мои сомнения в достоверности «затменного» варианта пейзажа укрепились после того, как я осознал, что Солнце за Землей — это не оригинальная идея автора, а следствие уже существовавшего канонического рисунка государственного герба СССР. (22 сентября 1923 года рисунок герба был окончательно утверждён Председателем Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе). Тем не менее, эта трактовка может дать интересные обертоны мелодии исторического процесса, а потому считаю, что профессиональные астрономы могли бы продолжить эту линию.

После этого я «убрал» с рисунка Солнце (**Рис.4**).

Глядя на результат, почему-то захотелось ещё раз изменить точку зрения, убрав с переднего плана надпись С.С.С.Р. и приблизить горизонт.

Что я и сделал (**Рис.5**).



(Рис. 4) «Лунный пейзаж» без Солнца с видом на Землю.

(Рис. 5) «Лунный пейзаж» без «С.С.С.Р.» с видом на Землю.

Убирать герб не было необходимости — я вспомнил, где я видел очень похожее изображение! Вот фотография Земли, сделанная с лунной орбиты советским космическим аппаратом «Зонд-7» 11 августа 1969 года (**Рис.6**).

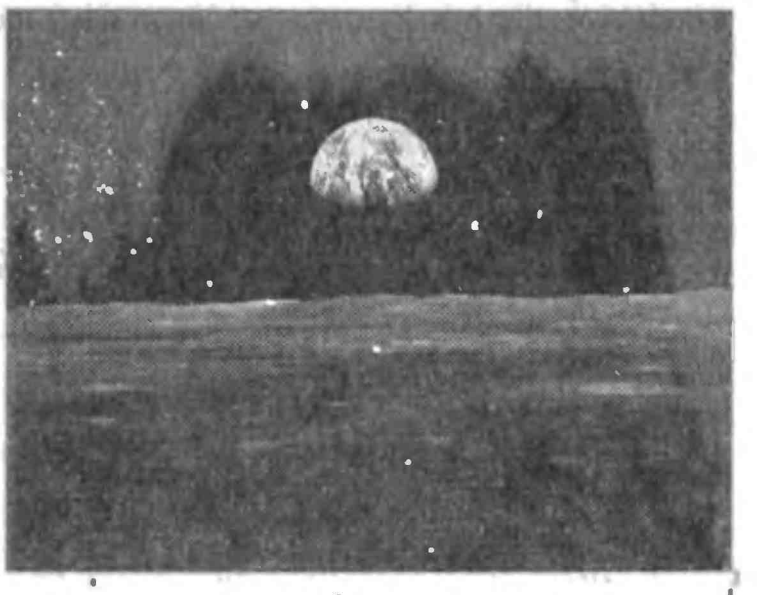
С моей точки зрения, это эмоционально адекватные картины. Не тождественные, но весьма близкие. Да, между ними есть некоторые различия. Прежде всего, это касается рельефа местности на Луне. Фото с «Зонда-7» сделано над равниной, а на монетном рисунке — при пролете над горами. Но требовать от ментальной склейки фотографической точности вряд ли целесообразно! К тому же следует учесть, что неизвестный художник творчески перерабатывал возникшую в его голове картинку — он должен был несколько увеличить диск Земли, чтобы «наш символ», Серп и Молот, выглядел более солидно. И обязательно должен был изобразить и горы, чтобы зритель более уверенно ассоциировал пейзаж именно с Луной, а не с «планетой вообще». Вспомним Рисунок 1 — Земля-то ведь изображалась в составе герба СССР, и зритель должен был получить дополнительный ментальный импульс к восприятию именно лунного смысла космического сюжета. «Подлинный» планетный пейзаж рисунка 6 в воображении неискушенного в астрономии, но информированного зрителя 70-х — 90-х годов XX века мог ассоцииро-

ваться и с красноватыми равнинами Марса. Ментальность зрителя здесь особенно важна, ведь именно он, этот зритель, и должен был быть тем эвереттическим «двойником», ментальная склейка с сознанием которого и породила у автора монетного эскиза именно этот сюжет.

(Рис. 6) Фотография Земли с орбиты Луны (аппарат «Зонд-7»).

Если следовать логике «ментальной близости» склейки, то передатчиком информации в прошлое следует считать самого художника, постаревшего лет на 50 — 70, т.е. человека весьма преклонного возраста, для которого воспоминание о работе 1925 года над проектом советской монеты было особенно ярким. Можно даже высказать предположение, что склейка произошла с началом 90-х годов, во времена сразу после развала СССР, в последние годы жизни «двойника» в том ветвлении мультиверса, где его личные обстоятельства были, как и у многих, «далеко не блестящими». В этих условиях прогрессировала его ностальгия и по юности, и по «разрушенной стране», и вероятность склеек, естественно, возрастала. А память слабела, и фотографию 1969 года он уже не помнил в деталях. Только ясно помнил, что эта яркая фотография была более выразительной, чем виденная в каком-то западном журнале картинка, полученная американцами с орбитального модуля Аполлона-11 (**Рис.7**).

Здесь хотелось бы отметить, что история покорения Луны — это, как ни парадоксально такое утверждение, ещё очень слабо изученная область технической и политической истории XX века.



(Рис. 7) Земля над лунным горизонтом. (Аполлон-11).

В последнее время появились утверждения о многочисленных фальсификациях документов и свидетельств той поры, когда происходила историческая «лунная гонка». Такие утверждения порождены и закрытостью многих архивов, содержащих материалы по этому вопросу, и странными потерями первоисточников (более 700 больших коробок с оригиналами записей первого полета на Луну просто «пропали» в NASA!), и нестандартным поведением главного героя — Нейла Армстронга, ведущего уже много лет замкнутый образ жизни. Только сейчас, в 2006 году, в свои 75 лет, он признался своему биографу: «Друзья и коллеги вдруг стали смотреть на нас и обращаться к нам по-другому, не так, как годы и месяцы тому назад, когда мы работали вместе, плечом к плечу. Я так до конца не понял, что же произошло».

Есть много вопросов и к истории советской лунной программы — соперничество Королева и Челомея, приведшее к столь печальному для ее судьбы исходу, до сих пор не стало предметом объективного исторического анализа.

А какой богатый спектр эвереттических ветвлений находится, скажем, в декабре 1968 года, за пару недель до старта американского «Аполло-8», впервые в пилотируемом режиме облетевшего Луну. Тогда перед запуском очередного «Зонда» («Зонд-7А») группа космонавтов, во главе с А.А.Леоновым, среди которых был и П.Р.Попович, несмотря на то, что ни один из предыдущих пусков «Зондов» не прошел без серьезных технических сбоев, написала письмо в ЦК КПСС, в котором просила сделать этот полет пилотируемым. Космонавты были готовы рискнуть жизнью, чтобы опередить американцев в облете Луны. И был у них серьезный аргумент — ведь выжили черепахи, летавшие вокруг Луны на «Зонде-5» в сентябре 1968 года при сбое системы астроориентации при посадке. Выжили, несмотря на баллистический спуск, огромные перегрузки и не очень мягкое приводнение в Индийском океане! Почему было в этом отказано и почему полет «Зонда-7» был отложен до сентября следующего года, когда Армстронг уже ступил на Луну — неизвестно. Полет «Зонда-7», кстати, прошел совершенно «штатно» — с мягкой посадкой под Кустанаем, и был единственным полностью успешным из всех полетов «Зондов».

Так что те фотографии, которые рассмотрены при анализе ментальной склейки «лунного пейзажа» и проекта пятака 1925 года, ещё могут породить совершенно неожиданные ветвления прошлого.

Нет, я не ставлю под сомнение основную канву событий в нашей ветви мультиверса — реальность полетов «Зондов» и «Аполлонов», но уверен: при независимом и непредвзятом исследовании будет обнаружено достаточно много «загадок» и «парадоксов», являющихся результатом склеек с многочисленными весьма близкими историческими процессами. А поскольку событийная вариантность истории лунных программ очень велика, эти «загадки» и «парадоксы» без осмысления их эвереттического характера могут показаться одним — фальсификациями, а другим — необъяснимыми чудесами.

Я понимаю, что для многих читателей построенная мною цепочка причинно-следственных связей покажется «игрой ума» или «пустой фантазией». И не буду спорить с этим. В эвереттике такие «игры» — один из видов экспериментальной деятельности. И обнаруженная здесь ментальная склейка является *для меня* свидетельством того, что предсказываемое теорией влияние настоящего на прошлое получило если и не неоспоримое нумизматическое подтверждение, то уж точно — нумизматическую подоплеку. И открыло новую страницу на «четвертой стороне» жетонов «Национальной серии».

Наличие же тех, кто с этим не согласен, свидетельствует только о том, что «корневая система» прошлого весьма сложна и «перепутана», так что «индивидуальная история» каждого из нас столь же уникальна, как уникальна индивидуальная память.

АНТОН ПЕРВУШИН

10 МИФОВ О СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ[1]

Миф 4: В советской фантастике сталинского периода преобладала фантастика «ближнего прицела»

1

Это самый популярный миф о советской фантастике из всех, которые мне известны. Собственно, и появился этот миф задолго до нашего развеселого времени — еще в советскую эпоху. Кому-то, похоже, было очень выгодно, чтобы у последующих поколений любителей фантастики сложилось устойчивое представление: в течение двадцати лет, с 1933 по 1953 годы, в советской НФ преобладала так называемая фантастика «ближнего прицела».

Впрочем, не будем впадать в грех конспирологии, домысливая недоказуемое и доказывая немыслимое, а почитаем, что писали по этому поводу самые известные сторонники мифа.

Вот, например, Анатолий Бритиков в книге «Русский советский научно-фантастический роман» пишет об этом так:

«В 30-е годы <...> продолжалось дробление науки. Росло число изобретений и открытий, основанных на старых принципах, увеличивались масштабы внедрения науки в народное хозяйство. Наука и техника разрастались вширь. Всем этим эпоха первых пятилеток созвучна была опоэтизированному Жюлем Верном веку пара и электричества с его практицизмом и здравым смыслом.

Вот почему познавательная фантастика жюль-верновского типа послужила тогда для советского научно-фантастического романа главным ориентиром. <...>

Беда в том, что науку отождествляли со здравым смыслом. Следуя научному консерватизму <...> литературная критика пыталась измерить любую фантастическую догадку укоренившимся бытовым представлением о научности. Если никто еще не приживлял голову одного человека к телу другого, то никакой науки в этом нет и быть не может. Если пороховые ракеты не могут развить скоростей, даже близких к первой космической, то космический полет вообще — бред. Таким способом хоронили чуть ли не всю фантастику. Оставалось фантазировать о том, что не выходило за пределы «здравого смысла». <...>

Почти все фантасты во второй половине 30-х годов отходят от интеллектуальной фантастики. Сюжет почти каждой из упоминавшихся книг построен как «экскурсия с препятствиями» — это превращается в жанровый шаблон. Главные коллизии, если это не стихийные катастрофы, создаются при помощи шпионов и международных авантюристов. Разоблачают их странствующие майоры госбезопасности и мальчишки, заблудившиеся в Арктике, как на улице Горького. И

[1] Продолжение, начало см. в «РФ», №№ 11 (39), 12 (40), 1 (41).

даже когда кончается погоня за шпионами, отсутствие «приключений мысли» все равно заставляет прибегать к назойливо стереотипным ходам. В одном романе роковой мальчик упорно лезет под Землю, в двух — под воду, а в третьем — прокрадывается в стартующую на Венеру ракету...»

Всеволод Ревич в своих статьях и в книге «Перекресток утопий» проводит черту, отделяя качественную фантастику более позднего времени от низкопробной фантастики «ближнего прицела»:

«...Политической вехой, обозначившей крутые перемены был XX съезд КПСС в 1956 году, на котором Н.С.Хрущев произнес памятную антикультовую речь.

Разумеется, фантастика существовала у нас и до второй половины 50-х годов. Она даже пользовалась популярностью, хотя бы потому, что выбирать было не из чего. В значительной части фантастика разделяла участь всей советской литературы: то есть находилась под жесточайшим идеологическим прессом. На таком фоне появление «Туманности Андромеды» произвело эффект взрыва, воспринятый некоторыми как террористический. Правда, во многом породив новую фантастику, сам Ефремов примкнуть к ней не смог или не захотел, и ефремовское знамя над ней вскоре сменилось штандартом Стругацких. <...>

Фантастика 60-х была попыткой убежать от мертвечины, ото лжи, которой пробавлялась советская литература, фантастика в том числе, в течение десятилетий. <...>

Приверженцы фантастики «ближнего прицела» <...> встретили молодое пополнение в штыки. За годы бесконкурентного кайфа они утвердились в мысли, что они-то и есть советская фантастика. <...>

Час их торжества наступил в конце 40-х — начале 50-х годов, в период гонений на всякую литературу — от Грина до Ахматовой. Для того чтобы окончательно зажать рот социальной фантастике, была изобретена так называемая «теория ближнего прицела», прямая наследница критики 20-х -- 30-х годов, отвергавшей и космические полеты, и овладение сокровенными тайнами природы, и загляд в будущее. Трубадуры этого учения добровольно надели на себя шоры и заставляли всех проделать то же самое...»

Кир Булычев в книге «Падчерица эпохи» дает свою, хотя и очень похожую, интерпретацию:

«Природа не терпит пустоты. И раз уж таковая образовалась в искалеченной фантастике, ее надо было заполнять.

И тогда пришли новые авторы.

Большей частью это были молодые инженеры и техники, интересующиеся движением науки, часто неискушенные в литературном труде и не вполне талантливые, а то и вовсе бездарные. Некоторые из них сгинули, выполнив свою роль. Другие стали известны и продолжали трудиться на ниве фантастической литературы еще много лет, пережив катаклизмы общественной жизни и проделав любопытную эволюцию к послевоенной «фантастике ближнего прицела» и далее — в наши дни.

Какова была отличительная черта «новой волны» фантастики?
Прежде всего — ее чудовищно низкий художественный уровень. <...>
Изменился и сам читатель. Во второй половине 30-х годов читательский уровень серьезно уступал уровню читательской квалификации десятилетней давности. <...> Для этой новой аудитории, которая и составляла большинство читателей молодежных и популярных журналов, совершенно неважно было, как пишет писатель. Он должен был писать понятно и предлагать пищу, уже усвоенную из газет, как бы иллюстрируя картинками тот образ мира, что был впитан читателем. Даже если авторы и желали поведать о прогрессе в науке, редактура немедленно давала им понять, что важнее сейчас отразить более актуальную проблему — борьбу с внутренними и внешними врагами...»

Из вышеприведенных цитат хорошо видно: в литературоведческих кругах сложилось устойчивое мнение: после того, как Сталин в начале 1930-х годов приструнил фантастику и вплоть до появления «Туманности Андромеды» (которую Ревич, кстати, называет «дерзким вызовом ближним прицелам»), фантасты в подавляющем большинстве писали «приземленную» фантастику, в которой не было места космическим полетам, рассказам о далеком будущем, а главное — обсуждению социальных проблем.

Легко рассуждать сегодня о том, как правильно надо было писать фантастику. Мы уже имеем достаточное количество образчиков качественной НФ, которую даже критики толстых литературных журналов скрипя зубами согласились признать Большой Литературой. Мы уже знаем, что НФ вовсе не обязана популяризировать достижения науки и техники, больше того — избыточная популяризация ей даже вредит. Мы уже знаем, что НФ, используя фантастические допущения и декорации, позволяет глубже или острее раскрыть многие проблемы, стоящие перед человеком и человечеством. Мы уже знаем, что именно раскрытие этих проблем — главная задача НФ. Но кто мог знать об этом в начале 1930-х? Ведь даже в США не пришел еще Джон В. Кэмпбелл, сделавший из низкопробного чтива для подростков настоящую фантастическую литературу.

Историческая наука требует, чтобы исследователи истории всегда учитывали контекст эпохи, которую берутся изучать. То, что очевидно сегодня, могло быть совсем неочевидно вчера. Почему-то современные исследователи фантастики полагают, что могут пренебрегать историческим контекстом и вкладывать собственные рассуждения и оценки в головы людей, которые давно умерли и не могут ответить сами за себя. Мы не будем пользоваться этим демагогическим приемом, а всесторонне обсудим контекст.

Итак, в 1934 году, на Первом съезде советских писателей, организационно-методологически от фантастики отсекли утопию, сказку и приключенческую литературу, оставив лишь функцию популяризации.

Некоторое время редакторы журналов и руководители издательств пребывали в растерянности, не понимая, как теперь должна выглядеть советская фантастика. Прозаики тоже пребывали в растерянности, не зная пока, как эту новую фантастику писать. На некоторое время преобладающим стал один-единственный сюжет, о чем сообщал еще Александр Беляев в 1938 году:

«Существовала тенденция излишнего "утилитаризма" Научная фантастика низводилась на степень "занимательной науки", превращалась в весьма незанимательные научные трактаты в форме диалогов. Рассказы писались по такому примерно трафарету. В выходной день предневки ленинградский рабочий летит в стратоплане на Памир посмотреть гелиостанции. Час-полтора — и он на месте. Осматривает гелиостанции и задает вопросы. Инженер отвечает. Когда вопросоответная лекция окончена, рабочий благодарит инженера и улетает обратно в Ленинград.

К сожалению, были и редакторы, которые, понимая слишком узко задачи научной фантастики, "засушивали" научно-фантастические произведения. Если автор давал живую сцену, описывая конфликты, происходящие между людьми, — на полях рукописи появлялась редакционная заметка: "К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель"...»

Жалобы Беляева на некомпетентность редакторов понятны и вызывают сочувствие. Однако нельзя забывать, что современная фантастика — это продукт мегаполисов. Для ее понимания читатель должен иметь кое-какое образование и прочитать хотя бы пару-тройку классических фантастических романов Жюля Верна, Герберта Уэллса и так далее. Этот читатель должен понимать, что такое «фантастический метод» и зачем он нужен — иначе все потуги фантаста донести свою мыль пропадут втуне. Откуда же было взяться такому читателю в аграрной России? Если в 1920-е годы тиражи фантастики при всем изобилии новых названий были весьма незначительны и соответствовали реальному спросу на нее, то в 1930-е, после централизации издательского дела, НФ должна была выйти на весьма значительный уровень тиражей и обрести гораздо более широкий круг читателей.

«Изменился и сам читатель», — пишет Булычев, но почему-то связывает этот процесс с истреблением старорежимной интеллигенции. Однако на самом деле началось первое великое переселение российских крестьян в города, обусловленное стремительной индустриализацией и предельно жестокой коллективизацией. Читатель действительно изменился, и теперь это был крестьянин, обживающийся в городе. Он желал читать фантастику, но такую, которая не требовала бы от него предварительной подготовки: простую, познавательную, с прямолинейным сюжетом и многочисленными «объяснялками». Такую фантастику редактор журнала или руководитель государственного издательства готов был читателю дать. И давал. Но далеко не всякий фантаст умел такую фантастику писать.

3

Выбор тематики диктовался еще и аспектами идеологической борьбы, которая приобрела нешуточный размах именно в обсуждаемый период.

Обсуждая тридцатые, литературоведы порой забывают, что сталинский СССР не висел в безвоздушном пространстве. В Германии к власти пришли гитлеровцы, и война с ними стала вопросом времени. Невероятные успехи нацистов в деле построения социального государства должны были не только обеспокоить, но даже напугать руководителей СССР. Если бы темпы роста экономики в Германии сохранились, то нацизм в глазах европейского пролетариата мог стать куда популярнее коммунизма. Тем более, что Гитлер на словах отстаивал интересы пролетариата. Но не только европейский пролетариат сочувствовал делу Гитлера — разброд и шатания начались и в среде советской интеллигенции. Это подтверждается хотя бы тем, что на вышеупомянутом Первом съезде произошел пренеприятный инцидент — неустановленная группа лиц распространяла анонимную листовку, в которой можно найти и такие слова:

«...Вы устраиваете у себя дома различные комитеты по спасению жертв фашизма, — обращались авторы листовки к писателям, — *вы собираете антивоенные конгрессы, вы устраиваете библиотеки сожженных Гитлером книг, — все это хорошо. Но почему мы не видим вашу деятельность по спасению жертв от нашего советского фашизма, проводимого Сталиным; этих жертв, действительно безвинных, возмущающих и оскорбляющих чувства современного человечества, больше, гораздо больше, чем всех жертв всего земного шара вместе взятые со времени окончания мировой войны...*

Почему вы не устраиваете библиотек по спасению русской литературы, поверьте, что она много ценнее всей литературы по марксизму, сожженной Гитлером. <...>

Вы в страхе от германского фашизма — для нас Гитлер не страшен, он не отменил тайное голосование. Гитлер уважает плебисцит... Для Сталина — это буржуазные предрассудки...»

Авторов листовки, несмотря на все усилия НКВД, выявить не удалось. Однако советскому руководству было о чем задуматься. Война на идеологическом фронте обещала быть затяжной и бескомпромиссной, и нет ничего удивительного в том, что она вскоре началась. Одним из инструментов этой борьбы должна была стать и стала художественная литература, в том числе — фантастика.

Шпиономания приобрела гипертрофированные размеры. И не только потому, что таким образом власть «зачищала» идеологическое поле перед грядущей мировой войной, но и потому, что выступить с публичным кличем: «Найди шпиона и убей его!» обязаны были все активно пишущие люди — для подтверждения своей лояльности к выбранному партией курсу. Антифашизм приветствовался во всех видах, но антифашизм — это как раз тема для «ближнего прицела». Согласитесь, как-то странно описывать коммунистическую утопию далекого будущего, в котором еще встречаются фашисты.

С другой стороны, Сталин и его приближенные отлично понимали, что Советский Союз еще недостаточно силен для того, чтобы вступить в мировую войну и победить в ней. Пытаясь оттянуть неизбежное, руководство предприняло неоднозначные шаги во внешней политике: например, заключило пресловутый

пакт Молотова-Риббентропа. А что еще оставалось делать после Мюнхенского сговора, когда Советскому Союзу не позволили защитить Чехословакию от вторжения и возникла реальная опасность разрушения всей системы международных отношений? Так или иначе, но агрессивную критику Гитлера и Третьего рейха пришлось на время приглушить. Однако и проявление малейших симпатий каралось очень жестко — за этим следило неусыпное око цензуры.

4

Таким образом, советские фантасты оказывались перед серьезной дилеммой. Они, конечно же, могли игнорировать заметные изменения в составе читательской аудитории и отказаться от участия в идеологической борьбе. Выбрав первую возможность, писатель не мог рассчитывать на поддержку со стороны государственного книгоиздания. Выбрав вторую, писатель автоматически подпадал под подозрение в нелояльности. Нечто подобное случилось с великим советским писателем Андреем Платоновичем Платоновым (Климентовым).

Платонов всегда был писателем «ближнего прицела» — никогда он не стремился описывать межпланетные перелеты (единственным исключением стала небольшая повесть «Лунная бомба», опубликованная в 1926 году), процесс овладения тайнами природы, утопическое будущее или какие-то глобальные социальные изменения. Больше того, его происхождение в точности подпадает под уничижительное определение, которое дает Булычев фантастам тридцатых. Платонов был тем самым «молодым техником, интересующимся движением науки, неискушенным в литературном труде». Но из него вырос, как мы теперь знаем, великолепный стилист, автор глубокой и эмоциональной прозы.

Впрочем, Планов писал не просто литературу «ближнего прицела» — он писал экспериментальную прозу, которая была осуждена на Первом съезде советских писателей и в которой ко всему прочему проскакивала злая сатира на утопические ожидания коммунистов. В романах «Чевенгур» (1926-1929) и «Котлован» (1930) присутствует и эксперимент, и злая сатира. На что же рассчитывал Платонов, создавая именно *такие* фантастические произведения?

Рассказывают, будто бы решение по Платонову принимал сам Иосиф Сталин. И начертал властной рукой на платоновской повести «Впрок»: «Сволочь!». И устроил разнос Фадееву за то, что тот допустил публикацию этой повести в журнале «Красная новь». После этого всякая возможность публикации новых произведений Платонова в СССР исчезла. Вождь, очевидно, разглядел в талантливом прозаике врага, который, используя распространенные идеологические клише, дерзко критикует режим. Рассказывают также, что Платонов целенаправленно захотел стать врагом Сталина, адресуя «Впрок» вождю как обвинение за преступления массовой коллективизации.

И что же сделали с врагом? Ничего. Формально против Платонова у органов ничего не было — из партии он давно вышел, от политической борьбы дистанцировался. Даже когда в 1938 году за «подготовку террористического акта» был

арестован несовершеннолетний сын Платонова, самого писателя не тронули. А во время войны ограничения на публикацию новых произведений Платонова было вообще снято, и писатель снова начал активно печататься — помимо публикаций в периодической печати вышло четыре (!) книги. В 1940 году вернулся из ссылки сын Платон — однако скончался на руках у отца от туберкулеза, подхваченного в лагере. После войны писатель снова попытался переступить запреты и снова попадал в опалу. Платонов умер в 1951 году — от туберкулеза, которым заразился от сына. Система все-таки достала его...

Судьба Платонова трагична, однако это судьба человека, бросившего открытый вызов властям. Истина в том, что во все времена и даже в самых демократических странах путь талантливых людей, вступивших в конфронтацию с властями, сопряжен с трудностями и опасностями. И это тоже — контекст эпохи.

5

Творчество такого писателя, как Платонов, опровергает тезис, будто бы в фантастике «ближнего прицела» никогда не было потенциала для врастания в Большую Литературу. Был и еще какой!

Однако самое интересное здесь, что процесс по возвращению художественности в НФ начался практически сразу после того, как двери для нее, казалось, захлопнулись навсегда. Обратите внимание на фрагмент из статьи Беляева, которую я цитировал выше. Он везде пишет в прошедшем времени: «существовала», «превращалась», «засушивали» и так далее. Почему? Потому что к 1938 году тенденция к «засушиванию» фантастики практически сошла на нет. Но не потому, что Беляев победил в дискуссии, а потому, что читатель вновь изменился. Бывшие крестьяне обжились в мегаполисах, ознакомились с познавательными НФ-очерками, осознали суть «фантастического метода» и захотели того же самого, но больше, остроумнее, увлекательнее. Да и сама эта, новая фантастика была уже куда ближе к жизни, чем утопические романы и «космические оперы» 1920-х, а потому волей-неволей авторам приходилась вводить в тексты бытописательские моменты и колоритных персонажей — своих современников.

Что касается утверждения о «приземленности» фантастики тридцатых годов, то и он не соответствует действительности.

Булычев в «Падчерице» с удивлением замечает украинского фантаста Владимира Владко (Еремченко) и его роман «Аргонавты вселенной» (1935) о полете советских космонавтов на Венеру (сюрприз!) и, удивившись, глубокомысленно сообщает о «малой революции» в довоенной НФ.

«Пускай роман Владко наивен и написан слабо, — добавляет Булычев, — *я глубоко убежден, что наши фантасты должны почтительно снять головные уборы перед памятью этого писателя. Его герои обогнали всех прочих, по крайней мере, на десятилетие...»*

Так вот, коллеги, не надо снимать головные уборы. При всем уважении, но у нас нет для этого повода. Кроме романа Владко, межпланетным полетам были

посвящены два романа Александра Беляева «Прыжок в ничто» (1933), «Звезда КЭЦ» (1936) и повесть «Небесный гость» (1937). Кстати, в последнем произведении описан не межпланетный даже, а межзвездный полет!

А куда денешь повесть Бориса Анибала «Моряки вселенной», которую с продолжением в первых пяти номерах 1940 года печатал массовый молодежный журнал «Знание — сила»? А ведь в этой повести не только подробно описан полет советских ученых на Марс, но и рассказана история контакта высокоразвитых марсиан с рабовладельческой цивилизацией атлантов — то есть впервые впрямую раскрыта тема, во многом предопределившая образы фантастики 1960-х годов. «Моряки вселенной» — это хотя и робкая, но вполне удачная попытка написать НФ, которую позже назовут фантастикой «новой волны». По логике Булычева, такой повести вообще не должно было быть — а она БЫЛА!

А если вспомнить о рассказах и покопаться в старых подшивках, то обнаружится, что тема космических полетов никогда и не уходила из советской фантастики. Она переживала спады и подъемы, но запрета на нее, гласного или негласного, не существовало. Даже в июньском номере журнала «Самолет» за 1941 год, вышедшем за несколько дней до начала войны, можно отыскать рассказ некоего А.Тарасова «Над лунными кратерами».

Получается, никакой «малой революции» не было и в помине. Временное отступление фантастов к «жюль-верновщине», связанное с глобальным реформированием всей литературно-издательской жизни в стране, и борьба с этим отступлением позволили за каких-то четыре года возродить жанр на иных принципах, выйдя за круг идей и тем, которые диктовались утопистами и уже успели набить оскомину. А главное — в фантастику вернулся персонаж, который был современником авторов, а не их отдаленным потомком. Кто осмелится сказать, что это — плохо?!

6

И еще одно.

Литературоведы, яростно критикующие фантастику «ближнего прицела», как правило, очень любят хвалить фантастику братьев Стругацких. При этом они сами себе копают логическую яму. Ведь братья Стругацкие – лучшие поздние братья Стругацкие — всячески ратовали за то, чтобы вернуться с небес на Землю, отринуть чистое фантазирование, обратиться к текущим и острым проблемам современности. С начала 1970-х, братья Стругацкие, их ученики и последователи фактически проповедовали принципы той самой, ненавидимой, фантастики «ближнего прицела». А вот их оппоненты из «Молодой гвардии», напротив, писали произведения о далеком будущем, о проникновении в тайны природы, о полетах в космос и контактах с инопланетными цивилизациями.

В логике критиков имеется очевидный изъян. Но об этом мы поговорим в одном из следующих очерков...

(Продолжение следует)

Источники:

Анибал Б. Моряки Вселенной (научно-фантастическая повесть) // В журн. «Знание — сила». — 1940. — № 1–5.

Беляев А. Звезда КЭЦ (научно-фантастический роман) // В журн. «Вокруг света». — 1936. — № 2—11.

Беляев А. Небесный гость (фантастический роман) // В газ. «Ленинские искры». — 1937. — 17—27 дек. — 1938. — 4—29 янв., 9—27 февр., 3—27 марта, 3—21 апр., 5—27 мая, 3—21 июня, 3 июля.

Беляев А. Прыжок в ничто (научно-фантастический роман). — М.—Л.: Мол. гвардия, 1933.

Беляев А. Создадим советскую НФ // В журн. «Детская литература». 1938. — № 15-16.

Булычев К. Падчерица эпохи: Избранные работы о фантастике. — М.: ООО «Международный центр фантастики», 2004.

Битов А. Пятьдесят лет без Платонова // В журн. «Звезда». — 2001. — № 1.

Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991. Индекс советской цензуры с комментариями. — СПб., 2003.

Бритиков А. Отечественная научно-фантастическая литература: некоторые проблемы истории и теории жанра. — СПб: Творческий центр «Борей-Арт», 2000.

Бритиков А. Русский советский научно-фантастический роман. — Л.: Наука, 1970.

Владко В. Аргонавты Вселенной (роман). — Ростов н/Д: Ростиздат, 1939.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917-1953. — М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Саватеев В. «Нам не по пути с Прустом и Джойсом...» (Первый съезд советских писателей: между литературой и политикой) — Электронная публикация: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2004-08-05/3_gorkiy.html

Тарасов А. Над лунными кратерами (фантастический рассказ) // В журн. «Самолет». — 1941. — № 5.

http://bibliography.narod.ru — Библиографии советской фантастики: 1918—1991 гг. (авторский сайт В. Г. Вельчинского)

http://www.platonov.org.ru — Платонов Андрей Платонович (сайт о жизни и творчестве писателя А.Платонова)

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВЕДОМЫХ НАМ ПОЛЕЙ[1]

13. РОЖДЕНИЕ ФЭНТЕЗИ ИЗ ДУХА МУЗЫКИ

Летают Валькирии, поют смычки.
Громоздкая опера к концу идет.
Осип Мандельштам.

«Может быть, «Нибелунги» очень великое произведение, но уж наверное скучнее и растянутее этой канители еще никогда ничего не было... Все эти Вотаны, Брунгильды, Фрики и т.д. так невозможны, так нечеловечны, так трудно принимать в них живое участие. Да и как мало жизни!»[2]

А ведь говорил — вернее, писал в личной корреспонденции — не дилетант, и не упрямый консерватор, и не враг фантастики: Петр Ильич Чайковский. Неужели принц Зигфрид из «Лебединого озера» ближе к жизни, чем Зигфрид Вельзунг из «Кольца Нибелунга»?

Если уж Чайковский не принял Вагнера (только последняя опера немецкого композитора, «Парцифаль», заставила его русского коллегу пересмотреть взгляды), то что говорить о Льве Толстом, который склонен был отрицать не только «неестественность» оперы, но и (современное) искусство вообще! В трактате «Что такое искусство?» Толстой дал замечательно смешной пересказ третьей оперы «Кольца» — для того лишь, чтобы доказать: ***«...Не говоря о взрослом рабочем человеке, трудно себе представить даже и ребенка старше семи лет, который мог бы заняться этой глупой, нескладной сказкой»***. В самом деле: ***«Загадки [Миме и Вотана] не имеют никакого другого смысла, как тот, чтобы рассказать зрителям, кто такие Нибелунги, кто великаны, кто боги и что было прежде. Разговор этот также со странно разинутыми ртами происходит нараспев и продолжается по либретто на восьми страницах и соответственно долго на сцене. После этого странник уходит, приходит опять Зигфрид и разговаривает с Миме еще на тринадцати страницах. Мелодии ни одной, а все время только переплетение лейтмотивов лиц и предметов разговора. Разговор идет о том, что Миме хочет научить Зигфрида страху, а Зигфрид не знает, что такое страх. Окончив этот разговор, Зигфрид схватывает кусок того, что должно представлять куски меча, распиливает его, кладет на то, что должно представлять горн, и сваривает и потом кует и поет: Heaho, heaho, hoho! Hoho, hoho, hoho, hoho; hoheo, haho, haheo, hoho, и конец 1-го акта»***.

---

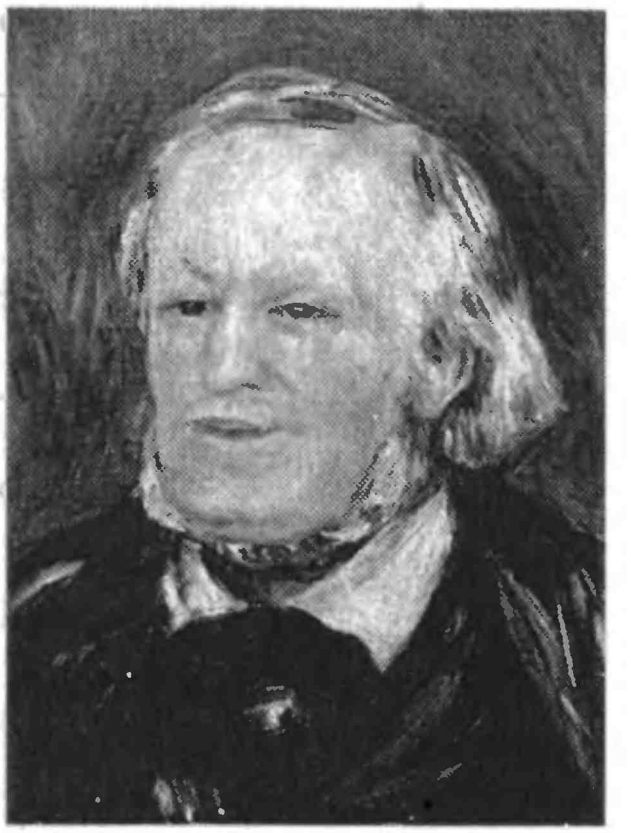
[1]Продолжение цикла статей об истории жанра фэнтези (начало см.: «РФ», 2004, № 1, 3, 5, 8, 10; 2005, № 1, 7, 10; 2006, № 2, 3, 8, 11).

[2]Цит. по: А.Гозенпуд. Рихард Вагнер и русская культура. — Л.: Советский композитор, 1990. — С. 141, 144.

Да и устно Толстой не уставал «нападать на вагнеровские сюжеты, говоря, что ему, человеку XIX века и христианину, нет надобности знать, что делали скандинавские боги, что он удивлялся Н.Н.[Страхову, известному критику], когда тот ему рассказывал сюжет "Нибелунгов" и восхищался этими детскими сказками. Н.Н., стоявший против него, медленно и с усилием произнес: "Сюжет удивитєльный"».[3]

В наши дни скорее придется доказывать не достоинства сюжета, не правомерность введения языческих богов в современные произведения искусства, но — гениальность музыки Вагнера.

«— Три дня ругани между богами и двадцать минут запоминаемых мелодий? Нет уж, благодарю покорно».



Рихард Вагнер. Портрет работы Ренуара.

Так обсуждают репертуар оперного театра герои Пратчетта («Маскарад», пер. С.Увбарх); боюсь, что эту точку зрения разделяют многие из моих читателей. В этой статье я сведу вопрос о причинах колоссального (в том числе и коммерческого) успеха Вагнера к проблеме более узкой: какое влияние Вагнер оказал на фэнтези и почему оно так велико?

Здесь самое время вспомнить о времени. Времени и месте.

Германия не только породила романтизм, она его еще и экспортировала. Как в XV веке Мэлори вынужденно опирался на французские источники, создавая свой *opus magnum*, так и в XIX веке англичане получили артуриану, возвращенную в современный контекст, от немцев.

Август Шлегель обратился к сюжету о Тристане и Изольде в 1800 году, за четыре года до того, как Вальтер Скотт издал старинную английскую поэму «Сэр Тристрем» и более чем за полвека до поэмы Мэтью Арнольда (правда, Шлегель свою обработку так и не закончил).

Что еще важнее, на рубеже XVIII-XIX веков Фридрих Шлегель и Фридрих Шеллинг посвятили философские труды понятию мифа. Одной из задач, поставленных ими перед культурой, было создание современной мифологии, которая стала бы синтезом мифа языческого и христианского, природы и истории.[4]

Вагнер пришел к схожему решению, следуя не философии, а музыке. С трактатом Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» он познакомился, когда первый план «Кольца» был уже набросан. Если коротко суммировать взгляды Вагнера на оперу («Искусство будущего», 1849; «Опера и драма», 1851), то перед нами предстанет грандиозная и захватывающая картина... пос-

[3] Там же. — С. 180 (из дневника Сергея Танеева).

[4] О связи опер Вагнера с мифотворчеством немецких романтиков см., напр.: Е.Рощенко (Аверьянова). Новая мифология романтизма и музыка (проблема энциклопедического анализа музыки). — Х.: ХНУРЕ, 2004.

Портреты Вагнера разных лет.

тепенного упадка театра и музыки. Изначальное единство слова, мелодии, движения в греческой драме сменяется веками их разделения. Шекспир и Бетховен довели свое искусство до совершенства — и показали, что дальше пути нет. Вернее, по *этому* пути дороги нет; а Шекспир к тому же был ограничен театральной техникой своего времени. Литература же последних веков (в противоположность драме) обратилась к внешнему, социальному миру, забыв о мире внутреннем; следовательно, роман — не выход из культурного тупика. Не стала выходом и опера: единства она достичь так и не смогла, поскольку либреттист, композитор и прочие участники спектакля действуют вразнобой, будучи к тому же скованы условностями — даже не сцены, а традиции. Вагнер пришел в ярость, когда от него потребовали, чтобы в одну из опер он добавил балетную сцену, — как же без нее!

Поэт может проанализировать то, что чувствует интуитивно (этим он и отличается от простых смертных), — и собрать новую картину, которая будет властно влиять на чувства зрителей. Потому и необходим синтез поэзии и музыки, что последняя развернуто выражает то, что сконцентрировано и скрыто содержится в первой. И, конечно же, музыка главным образом обращена к эмоциям, тогда как поэзия — к интеллекту. Из чего следует, что и творцом их должен быть один человек: на новом уровне происходит возврат к древнейшей стадии развития человечества, когда слово и мелодия были неразделимы в речи.

И вот тут-то мы подходим к самому главному для нас. Что должно стать предметом музыкальной драмы? Не суетная современность, но и не история, которую невозможно ощутить, а лишь понять при помощи рациональных построений ученых, заведомо убивающих непосредственность восприятия. Остается единственная форма, в которую Человек (Народ) облекает свои впечатления: миф.

«Если мы теперь захотим определить произведение поэта в его высшей возможной силе, то должны назвать его оправданным чистейшим человеческим сознанием, отвечающим воззрению современной ему жизни, вновь созданным и понятно представленным в драме мифом!»[5]

[5]Р.Вагнер. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. — С. 414 (пер. А.Шепелевского и А.Винтера). Изложение философских и эстетических взглядов Вагнера содержится в популярной и отнюдь не устаревшей книге Анри Лиштанберже «Рихард Вагнер как поэт и мыслитель» (1898; М.: Алгоритм, 1997).

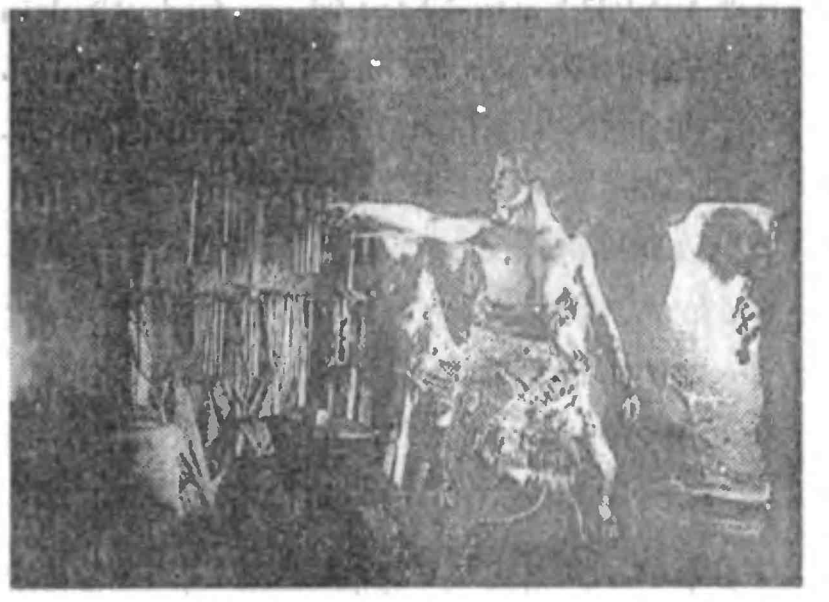
Противоречия тут нет: поэт потому и «отвечает воззрению современной ему жизни», что *«миф — начало и конец истории»*.[6] Напомню, это пишет человек, уже создавший «Летучего голландца» (1843), «Тангейзера» (1845) и «Лоэнгрина» (1850), в которых претворены три знаменитых сюжета, причем «Лоэнгрин» уже создавался как реконструкция некоего пра-сюжета, общего для германской и греческой мифологий. И в эти же годы у Вагнера сложился замысел, узнав о котором, Ференц Лист восторженно откликнулся:

«Итак, за труд! Смело работай над своим великим созданием, для которого пусть не будет начертано у тебя другой программы, кроме программы, данной капитулом Севильи архитектору, строившему кафедральный собор: "Построй нам такой храм, при виде которого последующие поколения сказали бы: капитул был сумасшедший, если он решился на такое необычайное предприятие!" И вот все же кафедральный собор Севильи и поныне устремляет к небесам свои башни».[7]

От сравнений Вагнера и Толкина никуда не уйти, так вот первое: оба творца могли не то что годами — десятилетиями обдумывать широкие планы, которые подчас преображались до неузнаваемости. В 1845 году Вагнер с восторгом прочитал роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» — тридцать семь лет спустя состоялась премьера одноименной оперы. В 1848 году, за двадцать восемь лет до первой постановки тетралогии «Кольцо Нибелунга», Вагнер опубликовал брошюру «Вибелунги. Всемирная история согласно саге» — и как же она далека от либретто, не говоря о самих операх!

К этому времени Вагнер был хорошо знаком не только с комплексом древних текстов, посвященных Нибелунгам (скандинавским Нифлунгам), но и с трудами историков и фольклористов. К.Лахман и Я.Гримм, по собственному признанию композитора, помогли ему проникнуть в мир эпоса гораздо глубже, нежели это позволила бы «Песнь о Нибелунгах», созданная на рубеже XII-XIII веков. Чрезвычайно характерно, что и до, и после Вагнера деятели германской культуры обращались именно к этому — очень позднему, зато несомненно немецкому тексту (драматическая трилогия Кристиана Фридриха Геббеля «Нибелунги», 1862; поставленный по ее мотивам — а не по тетралогии Вагнера! — знаменитый фильм Фрица Ланга «Нибелунги», 1924).

При том, что Вагнер жестко противопоставлял историческую реконструкцию и музыкальную драму, он, тем не менее, прежде чем приступить к работе над оперой, счел нужным опубликовать нечто, напоминающее труд по истории. Но какая история и какой труд!



Кадр из фильма Фрица Ланга «Нибелунги»

[6] Р.Вагнер. Указ. соч. — С. 416.
[7] А.Лиштанберже . Указ. соч. — С. 269-270.

«В эпоху, которую большинство саг именует Великим Потопом, когда северное полушарие нашей Земли было столь же покрыто водой, как ныне южное, самым большим островом в этом море северного мира являлась высочайшая горная гряда Азии, так называемый Индийский Кавказ: на этом острове, т.е. в этих горах, и надлежит искать колыбель нынешних азиатских народов, а равно и тех, кто ушел оттуда в Европу. Здесь — наследный престол всех религий, всех языков, рыцарства всех наций».[8]

Так начинает Вагнер свое повествование о Вибелунгах и далее на каких-то сорока страницах очерчивает ход событий, в которых миф и действительность абсолютно неразделимы — ведь миф и есть абсолютная действительность!

В начале всего — вечная борьба света и тьмы, победа Зигфрида, солнечного бога, над драконом-Нибелунгом из племени «темных альвов». Завладев сокровищем, Зигфрид сам становится Нибелунгом. Такова судьба этого древнего клада: владеть им может или Нибелунг, или тот, кто в Нибелунга превратится. *«Ибо Клад содержит в себе средства достижения и удержания власти, как единый Талисман Владычества»*; это сама Природа, само Мироздание. Но Зигфрид пал, сраженный, и *«прадавняя битва продолжается нами, изменчивость ее хода есть не что иное, как вечная смена дня и ночи, лета и зимы — судьба самого рода человеческого, вечно колеблющегося между жизнью и смертью, триумфом и поражением, радостью и скорбью»*.

Здесь мы наконец вступаем в пределы Истории, поскольку *«германский народ — наследник древнейшего королевского рода: он происходит от Сына Божьего, коего соплеменники называли Зигфридом, а прочие народы земли — Христом»*. Так, по мысли Вагнера, должен был рассуждать Фридрих Барбаросса, глядя на долгую борьбу двух племен, Вибелунгов (Нибелунгов) и Вельфов — гибеллинов и гвельфов, короля и жреца, Императора и Папы Римского. Власть над Европой, над Священной Римской Империей — это и есть обладание древним Кладом.

Именно Барбароссе суждено было завершить борьбу: он примирился с Папой, дал свободу ломбардским городам — и устремил взор на Восток. Нет, не к Гробу Господню, но дальше, дальше, к прародине человечества, индийским горам, где правит король-жрец, Пресвитер Иоанн, хранитель чаши Святого Грааля.

«...Непокой гнал его в дальние пределы Азии. Там, на буревом поле он разбил силы Сарацинов; перед ним открыто лежала земля обетованная; он не мог ждать, пока возведут перекидной мост, и нетерпеливо ринулся на Восток, — на лошади он устремился в бурный поток: и в этой жизни никто более не видел его».

Но Барбаросса не погиб: в горе Кифгейзер спит он, в той самой горе, где некогда Зигфрид сразил дракона, и охраняет Клад, сгинувший с поверхности земли; меч драконоборца лежит подле него.

Брошюра эта интересна не только вдохновенным безумием автора; и не только потому, что влияния вагнеровских идей явно не избежали позднейшие искате-

[8]На русском языке «Вибелунги» единственный раз издавались еще до революции; я вынужден пользоваться английским переводом.

ли Шамбалы (да и Умберто Эко в романе «Баудолино»). Вагнер попытался нащупать возможности соединения Мифа, т.е. безусловной истины с Историей, живым процессом. Более того — перед нами опыт пересоздания Мифа: отдельные элементы, каждый из которых хорошо известен, складываются в новую, небывалую картину, обладающую, по замыслу автора, чрезвычайной убедительностью.

Нет, не убеждает. Вагнер, несомненно, и сам это понял, почему и отказался от замысла оперы о Фридрихе Барбароссе. Миф может стать объяснением истории (всё происходит так-то и так-то потому-то и потому-то). История может быть превращена в миф (что, собственно, и произошло с Барбароссой в фольклоре). Но соединить историю и миф напрямую невозможно.

Сразу же после «Вибелунгов» — год в год — Вагнер пишет «Миф о Нибелунгах. Набросок драмы», и в этом десятистраничном эскизе уже содержится законченный сюжет будущего «Кольца». Миф явился на свет. Авторский миф.

Вагнер в такой мере определил само восприятие мифа в культуре, что многие его находки и открытия — литературные, не музыкальные! — кажутся сейчас очевидными. А ведь предельно серьезный подход к мифологии, к «невозможным и нечеловечным» скандинавским богам и героям — заслуга Вагнера. Если бы он только содействовал возрождению интереса писателей к древним сюжетам, то и тогда влияние Вагнера на фэнтези было бы чрезвычайно велико. Но композитор также сумел внушить современникам и потомкам новый взгляд на Миф.

Вот что писал Фридрих Ницше — верный последователь Вагнера (которому посвящена первая книга философа, «Рождение трагедии из духа музыки), «реальный» прототип Зигфрида, непримиримый противник Вагнера в последующие годы:

«Миф глубоко пал и исказился, — превратившись в "сказку", занимательную игру, радость детей и женщин выродившегося народа [...]

В основе мифа лежит не мысль, как это полагают сыны искусственной культуры, но он сам есть мышление, он передает некоторое представление о мире, в смене событий, действий и страданий. "Кольцо Нибелунга" есть огромная система мыслей, но не облеченная в форму мысли, как понятия» («Несвоевременные размышления. Рихард Вагнер в Байрёйте»).

Поясню — точнее, перефразирую, — последние слова. Смысл мифа не может быть выражен в какой-то одной фразе, в каком-то итоговом выводе. Его смысл — это его сюжет, его структура. В этом смысле *понять* миф невозможно, а вот прочувствовать — вполне. Но ведь такую задачу и ставил Вагнер перед зрителем музыкальной драмы!

Миф у Вагнера перестал быть «сказкой», перестал быть и *только* выражением народного духа. Стал тем, чем и был когда-то, — истиной. *«Это язык "минувшего" в его двузначности, заключающей в себе "то, что было", и "то, что будет"»*, — скажет о зрелой вагнеровской мифологии Томас Манн.[9] Иначе говоря — то, чего никогда не было и что пребывает вечно. «Кольцо

[9] Т.Манн. Страдания и величие Рихарда Вагнера // Собр. соч. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1961. С. 112.

Нибелунга» заканчивается концом света — древнего света мифов или того, в котором живут зрители?

Оказалось, что нет никакой необходимости сплетать древние сказания с реальностью исторической жизни Европы. Миф в музыкальной драме не может не быть современным — уже потому, что создает его человек XIX века (тот самый, которому, по словам Толстого, якобы не интересна северная мифология). И новая опера, с одной стороны, изображает *«интимную судьбу* европейского индивидуума»[10] (что стало возможным только благодаря эпохе романтизма), а с другой — оказывается сильнейшим инструментом анализа мифа архаического.

В XX веке культурологи с некоторым изумлением увидели, что по-настоящему понять «Кольцо Нибелунга» можно, только если обратиться к древнейшим пластам мифологии. Сергей Эйзенштейн, поставивший «Валькирию» в Большом театре (1940 г.), написал глубокую статью, где доказал, что режиссер, художник и певцы должны воспроизвести на сцене реальность мифа во всех ее проявлениях, включая и мифологическое сознание. Иная психология, иные время и пространство.[11]

Выше было сказано, что оперы Вагнера — *инструмент* анализа мифов. Это именно так: *«Вагнер бесспорно является отцом структурного анализа мифов...* — говорит крупнейший исследователь мифологии Клод Леви-Стросс. — *Весьма показательно, что этот анализ сначала был осуществлён* ***в музыке!*** *Поэтому, показывая, что анализ мифов подобен большой партитуре, мы просто извлекаем логическое следствие из вагнеровского открытия: структура мифов раскрывается с помощью музыкальной партитуры».*[12]

Как такое возможно? Как музыка может воспроизводить миф, то есть повествование? Как партитура становится «акустической мыслью»[13]?

Для того, чтобы ответить на эти непростые вопросы, нужно для начала вспомнить фабулу «Кольца». Нет, я, конечно же, не буду пересказывать события всех четырех опер («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Сумерки богов»): найти краткие изложения либретто вам труда не составит, было бы желание. Но главные вехи напомнить нужно.

Нибелунг, темный карлик Альберих, проклявший любовь, добывает золото из вод Рейна (ибо только так и можно им овладеть) и кует из него Кольцо, дающее власть над миром и всеми его богатствами. Но вскоре в его подземные чертоги являются боги Вотан и Логе (Один и Локи). Они хитростью захватывают Альбериха в плен: ведь им необходимо его золото, чтобы заплатить великанам за строительство Вальгаллы, чертога богов. Частью выкупа становится и Кольцо; создатель проклинает его: отныне все будут стремиться им завладеть, всем оно будет приносить гибель, и «Властелин Кольца станет рабом Кольца». Как ни хотелось Вотану оставить сокровище себе, он вынужден, осознав опасность, отдать

[10]А.Лосев. Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера // Р.Вагнер. Указ. соч. — С. 21.
[11]С.Эйзенштейн. Воплощение мифа // Собр. соч. — Т. 5. — М.: Искусство, 1968.
[12]Клод Леви-Стросс. Мифологики. — Т. 1. — М.-СПб.: Университетская книга, 1999. — С. 23.
[3]Т.Манн. Указ. соч. — С. 123.

его великанам — и тут же проклятие Кольца свершается, великан Фафнир убивает своего собрата Фазольта.

Затем действие переносится в героический век, когда на земле жили Вельзунги, потомки Вотана, ходившего по земле под именем Вельзе (Волк). Зигфрид, дитя запретной любви Зигмунда и Зиглинды (брата и сестры Вельзунгов), убивает Фафнира, который в облике дракона возлежит на золоте, забирает Кольцо и пробуждает валькирию Брунгильду. Она спала на скале, окруженной огнем, ибо вопреки приказу своего отца Вотана пыталась помочь Зигмунду в бою. Из-за людского коварства Зигфрид забывает Брунгильду (виной тому волшебный напиток) и погибает; его убийца — Хаген, сын Альбериха, также вожделеющий Кольцо. Брунгильда, ставшая виновницей гибели любимого, сгорает вместе с ним на погребальном костре, рушится Вальгалла (чья судьба неразрывно связана с судьбой Кольца), гибнут боги, а рейнские русалки возвращают в свои владения древнее золото.

Здесь и далее иллюстрации Артура Ракема (Рэкхема): «Альберих и Нибелунги»

«Альберих и Хаген»

Пересказ нарочито примитивный; Льву Толстому для изложения событий «Кольца» понадобилось четыре страницы, а завершил он приложение к трактату «Что такое искусство?» следующими словами: *«Впечатление при моем пересказе, конечно, не полное. Но как ни неполно оно, оно, наверно, несравненно выгоднее, чем то, которое получается при чтении тех четырех книжек, в которых это напечатано»*.

В том-то и беда, что «Кольцо Нибелунга» в таком варианте действительно становится детской — или не очень детской, но сказочкой. (Любопытно, что «Сагу о Вёльсунгах» действительно превратил в сказку известный фольклорист Эндрю Лэнг, неоднократно упомянутый в других статьях этого цикла.)

«Миме и Зиглинда»

А теперь я попытаюсь показать — по необходимости столь же кратко — как работает вагнеровский миф.

В пересказе исчезают не только нюансы (здесь — даже ключевые персонажи, как Миме или Гутруна), но и психология героев, изображенная Вагнером чрез-

«Норны»

«Рейнские русалки и Альберих»

вычайно тонко. Но психология эта — не современная или, во всяком случае, не вполне современная.

Следы XIX века найти, конечно же, несложно. Мысли Вотана перекликаются с идеями Шопенгауэра; старый бог, по признанию Вагнера, — образ современного европейского интеллигента (равно как Альберих — символ международного еврейского капитала... никуда не денешься от факта: Вагнер был лютым антисемитом, хотя и, как полагают, наполовину евреем).

Но насколько размыто в тетралогии понятие человеческого «я»! Оно еще не вполне отделено от коллектива и даже от природы. Вотан стал отцом Зигмунда, чтобы тот, не скованный клятвой, которую бог дал великанам, мог добыть Кольцо. Но, как точно замечает жена Вотана Фрика, Зигмунд — не самостоятельная личность. Он, как и валькирии, — порождение Вотана и, следовательно, остается его частью. Он так же не свободен, как и отец. (Судьба Брунгильды, снова и снова идущей против желаний Вотана, — это представленная в рамках мифа история рождения личности.)

Возмутивший Льва Толстого разврат (*«Зигмунд узнает, что Зиглинда его сестра и что его отец вбил меч в дерево, так что никто не может вынуть его. Зигмунд выхватывает этот меч и совершает блуд с сестрой»*) действительно необъясним для «человека XIX века и христианина», однако совершенно логичен и в рамках мифа, и в сюжете оперы. Зигмунд и Зиглинда — первопредки, положившие начало роду (*«Ты сестра мне, ты и жена мне — / Цвети же, Вельзунгов род!»*; пер. В.Коломийцова), над которыми не властно табу на инцест. По логике же событий — Вотану нужно, чтобы его сын стал вне закона, вне всякого закона, ибо только тогда он сможет обойти клятву, данную богами великанам.

Подобно тому, как человек еще не вышел из родового «мы», также и внешняя речь еще не отделена от внутренней (поскольку не разделены внешний и внутренний миры). Классический театральный прием — речи «в сторону» — Вагнер поставил на службу своим целям. Самые тайные замыслы героев воплощаются в музыке. Лейтмотив меча звучит в финале «Золота Рейна», что означает: Вотан задумал добыть Кольцо с помощью героя-человека. Зигфрид, слизнув с руки драконову кровь, начинает слышать коварные мысли Миме, которые

кроются за сладкими словами: совершенно шизофренический результат заставляет вспомнить о Голлуме.

Двоякую функцию выполняют и бесконечные повторы, пересказы того, что зрителю уже известно. С одной стороны — это еще одна отсылка к мифу. Вотан и Миме обмениваются загадками потому, что в «исходном» мифе герои обмениваются загадками. Вещунья раскрывает Вотану тайны прошлого и будущего, потому что так происходит в мифе. Потому что миф разворачивается перед нами. Но, с другой стороны, каждый такой повтор драматургически мотивирован. Зигфрид беспечно рассказывает о своих подвигах; а зритель понимает, что *вот сейчас* он вспомнит Брунгильду. Наконец, при каждом повторе нам сообщается что-то новое: Вагнер любит объяснять причины событий после того, как показал следствия.

«Зигфрид и Брунгильда»

С первого появления Вотан расхаживает по сцене с повязкой на глазу; в руке у бога — ясеневое Копье Закона. Каждый, кто знаком со скандинавской мифологией, скажет, как Вотан потерял глаз и что это за ясень такой. Но только в прологе к четвертой части мы узнаем, что Мировое Древо высохло, когда Вотан отрубил его ветвь, и что теперь Ясень стал дровами для погребального костра в Вальгалле. Мы знаем, что валькирии — дочери Вотана, но только из монолога, обращенного к Брунгильде, становится известно, что девы-воительницы собирают героев в Вальгаллу на случай, если Альберих овладеет кольцом и придется защищать цитадель от Нибелунговых орд. И — одна из самых ярких и страшных сцен тетралогии: Вотан обрекает Зигмунда на смерть, вспоминает о сыне Альбериха и в отчаянии благословляет потомство своего врага.

Сломись, разбейся, дело мое!
Я с ним расстаюсь; одного лишь я хочу:
конца...
конца!..

Прежде о Хагене мы ничего не слышали: Вагнер приберег сведения до того момента, когда они произведут наибольший эффект.

Я вскользь упомянул «лейтмотив» — как известно, именно на системе лейтмотивов строится музыка Вагнера[14]; всего их в тетралогии около девяноста. Роль их не сводится к вульгарной иллюстративности, над которой издевался Толстой (*«Есть мотив кольца, мотив шлема, мотив яблока, огня, копья, меча, воды и др., и как только упоминается кольцо, шлем, яблоко, — так и мотив или ак-*

[14]Благодарю за музыковедческие консультации и предоставленные материалы Данила Перцова. Если я допустил ошибки, они всецело на моей совести.

«Зигфрид и дракон»

корд шлема, яблока») и которая так процветает в современных саундтреках. Нет, лейтмотивы непосредственно связаны с мифом.

Какова же параллель между мифом и музыкой? Леви-Стросс заметил, что если бы инопланетяне попытались читать наши оркестровые партитуры, у них бы ничего не вышло до тех пор, пока они не поняли, что рассматривать эти странные тексты нужно одновременно по горизонтали (течение музыки) и по вертикали (отдельные инструменты). Так же и миф: его «горизонтальное прочтение» — изложение сюжета, прочтение же «вертикальное» — по тематическим группам, связи в которых могут быть далеко не очевидны. Что же объединяет оперные элементы в такие группы? Именно лейтмотивы.

Музыкальные темы не только раскрывают тайные помыслы героев, но и позволяют увидеть связи, которые совершенно не очевидны при чтении либретто. Так, в первой же сцене «Золота Рейна» в связи с Альберихом возникает героическая тема: ибо Нибелунг действительно герой — первый, кто противопоставил себя природному единству (как позднее Зигмунд бросит вызов законам общественным). Когда Миме пытается объяснить Зигфриду, что такое страх, в оркестре возникает искаженная тема Брунгильды (пробудить которую может только тот, кто не знает страха; кроме того, как заметил Томас Манн, Вагнер неоднократно предвосхищает Фрейда). Из величественной темы Рейна возникают основные лейтмотивы, подобно тому, как и сам Рейн, мировая река, порождает (а в финале — поглощает) всё сущее. В начале темы Кольца и Вальгаллы тесно связаны, поскольку создаются эти объекты одновременно и судьбы их нераздельны.

Такова структура оперы — такова структура мифа. Любые сущности могут отождествиться, между любыми понятиями возможен переход («медиация», говоря языком мифологов).[15] Этому способствует и вагнеровская «бесконечная мелодия» — непрерывное развитие, из которого крайне редко выделяются отдельные «номера» (наподобие «Полета Валькирий»).

Вагнеровская реформа имела огромное значение и для музыкальной культуры, и для культурологии XX века, но если бы композитор-либреттист ограничился играми с древними мифологическими мотивами, упреки Чайковского и Толстого в том, что мира «Кольца» чужд современности, были бы обоснованы.

[15]Поэтому и отождествление героев «Кольца» с персонажами иных мифологий происходит куда более естественно, чем в «Вибелунгах». Как показал Томас Манн (указ. соч. — С. 112-113), Зигфрид — это одновременно Таммуз, Адонис, Осирис, Дионис и Христос.

Однако стоит присмотреться к событиям тетралогии (как это сделал Анри Лиштанберже, глубоко проникший в философию Вагнера), — и мы увидим, с какой точностью и последовательностью автор рассматривает вневременные, а значит, и современные проблемы.

«Зигфрид и девы Рейна»

Вотан приобретает знание, платой за которое становится увечье, потеря глаза; создает Копье Закона, само по себе дающее власть (и подчиняющее своей власти) — ценой гибели Великого Древа, основы мироздания; наконец, бог хочет утвердить свою власть навечно, однако именно с постройки нерушимой Вальгаллы начинается его путь к гибели. Стремление овладеть кольцом — последний и роковой шаг.

Показательно, что Вагнер приступил к сочинению «Кольца» с последней из опер — «Сумерки богов»; три предыдущие части писались как «приквелы» и объяснения событий. И столь же показательно, что финал финалов Вагнер переписывал несколько раз. Первоначально Зигфрид хотя и погибал, но Брунгильда, отдав Кольцо русалкам, относила его в Вальгаллу; рана в мироздании исцелена, Вальгалла спасена, Зигфрид становится родоначальником нового, свободного и счастливого человечества. Но остановился Вагнер на ином варианте: окончательная катастрофа уничтожает всех и вся, кроме рейнских русалок и, возможно, Альбериха; *«из развалин обрушившегося дворца мужчины и женщины, глубоко потрясённые, смотрят на разгорающийся небесный пожар»*. Исчез старый закон, исчезла власть золота, и людям теперь нужно искать новые, неведомые ранее принципы существования. Те же, кто принадлежал прежней эпохе, гибнут — в ярости, как Хаген, в смирении, как Вотан, с осознанием необходимости искупления мира, как Брунгильда. Кто таков истинно свободный человек, если все в мире связаны жаждой власти и золота, силой закона и тщетным стремлением управлять своей судьбой? Вот главный вопрос, на который лишь частичным ответом стал образ Зигфрида.

О том, как Вагнер обращался с сюжетами «Старшей Эдды», написано много. Композитор считал себя вправе, выстраивая единственный на все века прамиф, изменять подробности и мотивировки. Так, чудесным золотом нужно было забросать с ног до головы не богиню молодости Фрейю, а убитую выдру-оборотня; проклятое золото, возможно, и было некогда центром мифологического сюжета (как полагали ученые, чьи труды читал композитор), но в дошедших до нас памятниках это не так. Синтез исследовательского интеллекта и художественной интуиции — метод Вагнера.

Так сто лет спустя работал и Толкин, который отрицал какое-либо сходство «Властелина» с «Нибелунгом». «Оба кольца круглые, вот и всё», — это раздраженное замечание Толкина его почитатели приняли настолько всерьез, что в новейшем 800-страничном комментарии к «Властелину Колец» Вагнер не упоминается вовсе! Между тем, истовые вагнерианцы, с Толкином знакомые слабо, обвиняют Профессора чуть ли не в плагиате. «Комбинация Вагнера и Винни-Пуха», — так высказался о «Властелине Колец» один злобный критик.

Сходство и вправду значительное, которое не объяснить тем, что оба творца опирались на одни и те же образы. Кольцо возвращается к месту своего «рождения», и заканчивается эпоха мифа, и уходят бессмертные, и приходит время людей — это Вагнер, а вовсе не северная мифология. Пагубное стремление защитить магией существующий порядок вещей — общее стремление и Вотана, и эльфов.

Но вряд ли можно найти больший контраст, чем между истинным арийцем Зигфридом и домовитыми хоббитами. У Вагнера действует Рок, у Толкина — Провидение; финал «Кольца Нибелунгов» — космическая катастрофа, финал «Властелина Колец» — «эвкатастрофа», благое завершение, по определению Толкина. Понятно, почему современным интеллектуалам ближе философия Вагнера; понятно, почему для католика Толкина она неприемлема.

К сожалению, объем статьи не позволяет мне рассмотреть другие великие мифологии Вагнера — «Тристана и Изольду» и «Парцифаля». Скажу только, что одну и ту же задачу — воплощение сложной философской концепции — композитор решил в этих операх двумя принципиально различными способами. В «Тристане» он выбрал минимальные, ключевые эпизоды легенды и сделал главным событием действа изменение чувств героев: отказ от воли, стремление к смерти (в этом Вагнер следует одновременно версии Готфрида Страсбургского и философии Шопенгауэра). В «Парцифале» же Вагнер, напротив, нарастил на основу, восходящую к Вольфраму фон Эшенбаху, совершенно новые сюжетные повороты и новых персонажей. «Тристан и Изольда» — предельная сложность при внешней бедности сюжета; «Парцифаль» — многозначность и таинственность, не вполне разгаданная.[16]

Воистину произошло рождение фэнтези из духа музыки: древний миф и авторская воля, актуальная метафора и чувство причастности к глубинам праистории — таков путь, открытый Вагнером. Путь, по которому мало кто осмеливается идти.

[16]Об отношении «Парцифаля» к легендам о Граале см.: Р.Барбер. Святой Грааль: Во власти священной тайны. М.: Эксмо, 2006. — С. 459-478.

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

ДРУГОЙ ДИВОВ

Олег Дивов. Храбр. — М.: Эксмо, 2006. — 352 с. (сер. «Мир Былин»)

Это истории о богатырях — только их никто не называет этим словом, потому что на Русь еще не пришел тот народ, из языка которого заимствован «багатур». Они не богатыри — они «храбры».

Это истории об одном из храбров, полуваряге, полу... полутролле, скажем так.

Это — уже не «истории», но История о становлении молодой, бесшабашной, разбойной и очень домовитой державы. Нашей, иначе говоря.

Книга спорная — не столько из-за идей, в нее вложенных, сколько из-за формы и жанра. Мог ли, должен ли был ЭТОТ автор писать ТАКУЮ книгу?

«Храбр» вызвал в читательской среде реакцию парадоксальную. Многие поклонники Олега Дивова разочарованы; те же, кто ранее творчество писателя не принимал (автор этих строк в том числе) прочитали по-настоящему хорошую книгу. Именно «книгу» — не роман: «Храбр» состоит из двух повестей, которые и в сумме принадлежат к «средней форме». Две повести — два былинных сюжета. Один очень известный («Илья Муромец и Соловей-разбойник»), второй — почти не известный («Сорок калик со каликою»).

Дивову удалось то, что в последние годы стало редкостью в русской фантастике: «Храбр» — не просто эксперимент, но эксперимент осмысленный и удачный; он написан *по-другому*, хотя почерк Дивова узнается сразу же. Более того, Илья Муромец, Ульф Урманин, — уж очень типичный дивовский герой. Страшен внешне, добр внутри, работает на спецслужбу, с начальством конфликтует, но харизма немереная. Однако в «Храбре» нет того, что для многих читателей составляло обаяние книг Дивова, а многих — отталкивало: *«Как многие взрослые мужчины, Билли сентиментален, но старательно прячет это. Защитная реакция у него простецкая — он ёрничает»*. В «Храбре» сентиментальное ерничанье сменилось мягкой иронией автора и совершенной естественностью героя, от чего текст, по-моему, только выиграл: стал взрослее.

Нет, «Храбр» — не «славянская фэнтези», хотя главные герои — «храбры»; появляется и Соловей-разбойник с семьею. Но столь же неверно будет окрестить «Храбра» «исторической реконструкцией» — хотя, как показывают приложения (сами по себе — яркие эссе), автор знал, о чем пишет. Особенности древнерусской жизни в эпоху *«полностью легализовавшейся организованной прес-*

тупной группировки» (клана Рюриковичей) введены в текст аккуратно: не ликбез для читателя, а среда обитания персонажей.

Но если не фэнтези и не исторический роман — то что же?

Я бы сказал — сказка. Или сказ. Степень условности «Храбра» чрезвычайно велика: понятно, что *всё оно* было совсем не так, а с другой стороны — тут же напоминает автор — кто знает, как *оно* было? «Храбр» — не фэнтези, потому что заботливо привязан к исторической реальности. Но и не историческая проза в полном смысле слова — в отличие от романов Алексея Иванова, к примеру, — потому что не создает ощущение иного, своего-но-чужого, знакомого-но-далекого. Дистанция есть — но нет качественного различия.

А что же есть? Добрая книга с насилиями, грабежами и диверсионными операциями. *«Русы поморили херсонитов голодом, потом ограбили до нитки, нагрузили ладьи так, что те трещали, и убрались восвояси, радостные и пьяные»*. Слишком легко было бы сделать книгу гимном в честь славных русичей, которые и вне морали хороши. Не сказать, чтобы Дивов не любовался своими героями — но и отождествляться с ними не намерен.

«Храбр» насквозь двойственен. Из текста по возможности изъяты поздние (по отношению ко времени действия) заимствования, вплоть до тюркизма «лошадь», — речь же храбров нарочито модернизирована. Вернее, до такой степени лишена древнерусских примет, что становится вневременной: разговаривают серьезные люди за серьезной работой.

«— Страны Датского Языка до сих пор не могут принять христианство. Мы и в этом их обогнали. Мы вообще обгоняем всех. У нас много леса, земли, люда, и мы самые лучшие. И тут — йотуны. Тьфу.

— Да, — сказал Илья. — Я понимаю.

— Это не просто мои мысли, Ульф. Считай, это тебе говорит князь. Отруби разбойнику голову и привези в Киев. Положи начало большому делу во имя будущей Руси».

Государственная практичность, почти детская хвастливость, подчас — такая же детская бездумная жестокость. Весьма практичное отношение к религии (*«Любопытно, каков собой Гроб Господень, тяжел ли. И сильно ли его стерегут?..»*) — и вполне серьезные, хотя и ситуативные, размышления Ильи у идола Перуна. И мученичество за веру.

Самого Илью не назовешь «неоднозначным» — скорее «разноликим». Дело не в том, что при чтении «Храбра» вспоминаются столь несхожие персонажи, как обезьяноподобный профессор Челленджер и славный многоборский витязь Жихарь. Ульф Урманин, с его наивностью и почти звериным чутьем, своеобразным патриотизмом и нарочитой независимостью, постоянно меняется, всё время остается собой и уклоняется от определений.

Ярче всего это заметно в первой (и лучшей) из повестей, которая так и называется — «Храбр». Илья со товарищи идут на бой с людоедами-волотами (йотунами, троллями, орками...) — двухметровым соловым великаном и его семьей, засевшими у Девятидубья. Но не забудем, что сам Илья — полукровка, считать

ли волотов людьми — неизвестно, и будет помощью амулет или нательный крест — тоже не скажешь. А ведь на каждый из этих вопросов Илья должен — именно должен — найти свой ответ.

На самом-то деле в движении находится не Илья — наш взгляд на него. А вот история в «Храбре» и вправду движется: первая повесть знаменует конец эпохи древней и начало становления, безграничность возможностей; вторая пронизана грустью — «что-то кончается, что-то начинается». Старый князь при смерти, сыну его, новгородскому хромцу, Илья служить не будет (автор намеренно не называет вполне узнаваемых князей по именам). Что остается, кроме как идти добывать для Руси Гроб Господень? Остается сон-виде́ние «огромного корабля-города», который плывет незнамо куда. И страна, куда обязательно надо вернуться.

Точка начала и точка конца обозначены четко, но между ними — лакуна. Поэтому «Храбр» и получился скорее мини-циклом, чем полноценным ро̀маном. Когда и если Олег Дивов напишет срединные повести цикла, история обретет целостность — но история или сказка? Есть о чем спорить. Есть что читать.

И есть что критиковать. Язык «Храбра» проработан куда более тщательно, чем, скажем, в «Ночном смотрящем»; именно поэтому режут слух выпадающие из стиля слова, как, например, советизм «по большому счету» — в авторской речи, но в пересказе мыслей Ильи. «Исправленное и дополненное» издание «Храбра» меня бы порадовало, но и та книга, которая уже издана, — безусловно удачна и заслуживает не только прочтения, но и перечтения. Таких в последние годы немного.

ОЛЕКСІЙ ДЕМЧЕНКО

СВІТ КРІЗЬ КАЛЕЙДОСКОП

Роберт Шеклі. Остання збірка: -- Оповідання. — К.: Зелений пес. Гамазин, 2006. — 464 с.

Видана «Зеленим псом» «Остання збірка» Роберта Шеклі увібрала до себе оповідання різних років, більшість з яких вперше перекладені українською.

Остання збірка Шеклі. В принципі цього вже достатньо, щоб узяти й прочитати. Тим, хто добре знайомий з творчістю письменника, не треба додаткових аргументів.

Що зробило Шеклі всесвітньо відомим фантастом? Кожне його оповідання — це своя реальність, окремий світ, де діють свої правила і закони. Тисячі світів, заселених демонами, дергами, трангами, смагами і фіргелями, сповнені інтелектуальними рятувальними човнами, металевими сторожовими птахами, всесильними утилізаторами класу «А», всезнаючими

відповідачами та бозна чим ще. Мандрувати цими світами можна майже безкінечно. І це цікаво.

Після появи на світ «Мандр Гулівера» деякі критики казали, що Свіфт поглянув на Великобританію крізь два шматочки скла: спочатку крізь зменшувальне, потім крізь збільшувальне. Про Шеклі ж можна сказати, що він розглядав світ крізь калейдоскоп. Від цього зовні усе виглядає іншим, проте сутність речей лишається незмінною. Якщо, наприклад, замінити дергів кролями, а трангів, скажімо, вовками, узяти замість «Утилізатора класу «А» банківську кредитну картку, то отримаємо не що інше, як... справжнє життя, подане під багатошаровим соусом з розумної іронії та ігор безмежної уяви. Такий підхід — це не просто стиль Шеклі, його авторська манера тощо. Це — відображення його світогляду. І ті, кому під час візиту письменника до Києва (у квітні 2005 року) пощастило з ним поспілкуватися, мали чудову нагоду в цьому переконатися. Шеклі змальовував світ таким, яким його бачив. А щоб було цікавіше, розфарбовував все у фантастичні кольори і передавав створену ним реальність читачеві. Якщо додати до цього властиве письменнику майстерне володіння словом, то стає зрозуміло, чому його твори сприймаються так легко, наче слухаєш розповідь або ж дивишся фільм.

Шеклі — інтелектуал. Але він начисто позбавлений властивого деяким інтелектуалам зверхнього ставлення до читача. Гра з Шеклі — це не *гра тобою*, а *гра з тобою* як із цілком повноправним гравцем. І кожна нова гра відрізняється від інших. Автор не штамповщик, він — творець. Крім того він не просто грає, він ще й вчить грати. Як чудовий психолог, Шеклі роздає корисні життєві настанови. При цьому, щоб не перенапружувати читачів моралізаторством, він робить це наче мимохідь. Той, кому це потрібно, зрозуміє, *що* хоче сказати автор. Решта ж просто матиме у розпорядженні твори, які можна читати, коли хочеться лишень відпочити і, може, трохи посміятись.

Відкриває останню збірку «Сьома жертва». Упорядники знали, з чого варто почати. Одне з найкращих оповідань у збірці. Війни та насилля досягли критичної межі. Щоб зупинити процес самознищення людства, уряди світу дали дозвіл на легалізацію нової Гри, у якій усі учасники розподіляються на дві категорії: Мисливці та Жертви.

Мисливець і жертва. Полювання. Двобій. І, як завжди, «в живих має залишитися тільки один». Якщо перемагає Мисливець, то в наступному двобої він зобов'язаний стати Жертвою. Якщо ж виживає Жертва, вона має право стати Мисливцем. Усе дуже просто і ефективно. А тепер спробуйте здогадатися: *про що* власне це оповідання? Не здогадаєтеся. Про кохання. Ні, не про кохання з бульварних романчиків та сльозливих голлівудських мелодрам. А про кохання, як... найефективнішу зброю у будь-якій грі. Та й не тільки в грі. Ось так.

Ще один нетрадиційний погляд на кохання маємо у оповіданні «Паломництво на Землю». Чи можна купити кохання? В далекому майбутньому можливо

все. Платиш — то й маєш. І це — не проституція, не субституція і не імітація. Це саме с*правжнє* кохання. От тільки чи здатне воно зробити когось щасливим?

Подекуди Шеклі дозволяє собі погратися і з іншими «вічними» темами, по-своєму, з посмішкою. Наприклад, оповідання «Між морквою і цибулею». Дилема Раскольнікова «Чи я істота вбога чи ж право маю?» набуває тут нового, дещо іронічного змісту. «Морква я чи цибуля?» — запитує в себе Говард Кордл. Безглуздя? Аж ніяк. Іноді, щоб вирішити заскладну задачу, треба спробувати спростити її. Це нагадує як мудрі батьки вчать маленьку дитину рахувати: «Ось зараз маєш 3 цукерки, а якщо ми дамо тобі ще 4, то скільки в тебе буде?». І дитина вчиться. Можливо, не стільки тому, що прагне знання математики, а через 7 солодких цукерок. Але з рештою вона отримує і те, й інше. Від маленького до великого. І всі задоволені. А спробуйте-но змусити дитину порахувати барелі нафти. Нехай навіть на тому ж рівні складності. І що з цього вийде?

Також серед найбільш вдалих речей у збірці можна відзначити «Дещо задарма», «Запах думки» та «Те саме, але вдвічі більше».

Чи не найслабшим елементом у книжці є український переклад. Через це подекуди авторська гра слів просто втрачає сенс. Упорядкування і оформлення загалом непогані. Хоча книжці не завадив би зміст: швидко знайти в ній потрібне оповідання вкрай важко. Але то вже деталі. Моє особисте резюме таке: цю книгу варто прочитати.

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО АЛЕКСАНДРА ЗОЛОТЬКО

Александр Золотько. Молчание бога. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. — (Серия «Создатели миров»)

Темы богоборчества и богоискания, пожалуй, одни из самых востребованных в фэнтези. И неудивительно: в жанре, где наряду со смертными персонажами часто действуют те или иные божества, сложно не коснуться вопросов теологии.

Другое дело, что вера — вещь тонкая, деликатная; писать о ней так, чтобы это было небанально и не обидно для верующих, — нужно уметь.

В мальчиковых рефлексиях на тему «как стать властелином мира» богоборчество будет и отображено соответственно: бога-папашу в конце концов либо низвергнут (привет вам, Фрейд с Эдипом!), либо лишат божественного могущества — и ладно, если просто снимут с шеи суперпродвинутый артефакт, а могут ведь и как с Кроносом обойтись...

У Александра Золотько в «Молчании бога» всё иначе. То есть боги-божества есть: прошло энное количество столетий после событий, которые описаны в «Играх богов»[1], и теперь большинство небожителей переселились... в Америку. И не просто так, а для чистоты масштабнейшего эксперимента: ибо оставшиеся в Старом Свете Хозяин и Ловчий пытаются уловить, нащупать, отыскать хотя бы намёк на присутствие в мироздании Бога-Создателя. Или дьявола.

К счастью, такая завязка, больше похожая на продолжение очередной «всех-убью-один-останусь» эпопеи, оказывается лишь авторской уловкой. В декорациях традиционного европейского средневековья (или, если угодно, «европейского фэнтезийного средневековья») А.Золотько разыгрывает вполне серьёзное, трагическое действо.

«Молчание бога» рассказывает о событиях, примерно соответствующих началу 13 ст. в нашей истории. Золотько старается открыто не называть земных реалий; все персонажи у него носят «говорящие» имена: Хорёк, Длинный, Вдович... – и это вполне справедливо, если вспомнить, что для людей того времени каждое имя имело определённый смысл. И всё-таки внимательный читатель отыщет вешки-следы, по которым можно более-менее точно вычислить датировку событий в «Молчании бога».

Вообще в романе много таких загадок, часть из них важна для сюжета, часть – приятное упражнение для ума, столь любимое многими читателями. При общем достаточно серьёзном настрое книги Золотько позволил себе вволю «похулиганить»: вы найдёте на страницах «Молчания» Красную Шапочку и Снорри Стурлусона, узнаете, откуда в Америке появились Пернатый змей и гигантские каменные шары... При этом, если «Игры богов» грешили некоторой антиэмоциональностью, то в «Молчании» соотношение *ratio* и *emotio* гармонично уравновешено.

Главные герои – человек, получивший почти божественные силу и живучесть, и божество-бунтарь – получились у автора живыми, им сопереживаешь. Этого тем сложней добиться, чем могущественней персонаж, однако у Золотько Хозяин и Ловчий, почти неуязвимые физически, имеют свои «ахиллесовы пяты». Они *человечны*, в отличие от некоторых настоящих «человеков»... А вот большинство людей в мире «Молчания», в отличие от божеств, теологическими проблемами «не заморачиваются»: их, людей, больше заботят земные хлопоты – да ещё участившиеся случаи появления оборотней, ведьм, вампиров...

Всеми этими «врагами рода человеческого» Хозяин и Ловец интересуются не меньше, чем случаями чудесных исцелений. Ведь не исключено, что оборотни, ведьмы, вампиры – суть слуги дьявола...

Пересказывать сюжет «Молчания» сложно и, пожалуй, бессмысленно: Золотько не торопясь, но и без чрезмерной детализации рисует впечатляющую картину того, какой могла бы быть Европа... или же того, какой она действительно была. Складывается эта картина из отдельных историй, которые так или иначе связаны с основными персонажами, Хозяином и Ловчим, – и разумеет-

[1]См. нашу рецензию в «РФ», № 6 (10) за 2004 г.

ся, в финале все детали складываются в единый *imago mundi*. Но перед нами не роман в новеллах; просто поиски Хозяина и Ловчего сталкивают их с теми или иными людьми, а у каждого за плечами — своя жизнь, своя правда.

Возможно, для тех, кто читает преимущественно фэнтези, это будет неочевидным, но при всей кажущейся фантастичности и следованию канону (боги, нечисть, напиток, дарующий бессмертие, и пр.) мир книги в деталях очень точен и, я бы сказал, историчен. Это касается и повседневной жизни персонажей, и их взаимоотношений. Возможно, благодаря такому «фэнтезийному реализму» и собственно фантастические элементы в романе смотрятся как естественные, не надуманные аспекты существования этого мира.

Мир «Молчания», безусловно, жесток — но сама книга при этом не оставляет впечатления мрачной безысходности. Герои романа умеют пошутить и исполнены надежды даже тогда, когда, казалось бы, ждать её неоткуда. Пожалуй, самая впечатляющая в этом смысле сцена — штурм монастыря войсками. Или, если хотите, *монстыря*: туда сознательно, добровольно уходили оборотни и вампиры, не желавшие подчиняться своей природе, пить кровь и убивать людей, сознательно обрекшие себя на страдания (ибо какой же монастырь без крестов, святой воды и колокольного звона?!). И вот добровольные отшельники столь же сознательно отказываются от своих сверхъестественных способностей и, безоружные, выходят навстречу войскам...

Золотько раз за разом удаётся пройти по тонкой грани между разухабистым экшеном и пустословным пафосом: герои его принимают решения и действуют, когда это необходимо, но при всём при том они — живые, ранимые, сомневающиеся люди (даже когда — боги или нелюди). Достаточно серьёзная философская дилемма не помешала писателю как следует «закрутить сюжет» и сделать книгу не только умной, но и интересной.

Вопрос, которым задаются персонажи (а с ними — и автор), звучал не раз: если Бог есть, почему он допускает всю эту несправедливость, всю боль и горечь, которыми переполнен мир?.. И ответ, который появляется на последних страницах, даже не столь важен — важнее поступки, совершённые персонажами в финале. Именно они делают этот ответ не очередной богословской увёрткой, но действительно ответом.

По крайней мере, для них он таков.

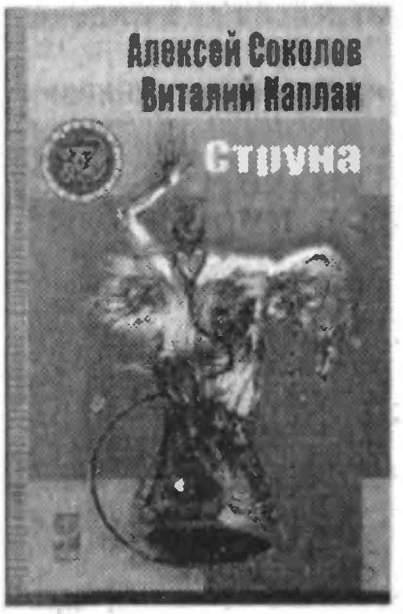
На мой взгляд, «Молчание бога» — безусловный шаг вперёд для А.Золотько: соблюдая объявленные в предыдущем романе правила «Игры», он сделал следующий роман более живым и глубоким: здесь есть пища не только для ума, но и для сердца.

Конечно, по-прежнему хочется, чтобы книги «АСТ»/«Астрели» проходили хотя бы корректуру. Тогда, пожалуй, в них не встречались бы фразы *«мачта на канатах весела»* или *«из этого следует, что не следует ни слишком грешить, ни особо совершать подвиги и благие дела»*. Таких моментов меньше, чем в «Играх», но тем обидней, что они всё же есть.

«Молчание бога», хотя и является непрямым продолжением «Игр», может читаться самостоятельно. Закрыта ли на этом тема богоискательства для А.Золотько — пока сложно сказать. Следующий его роман, недавно дописанная «Последняя крепость Земли», открывает цикл «Королевские фрегаты», который по антуражу ближе к научной фантастике или же к космической опере. А вот *о чём* он — узнаем, когда книга попадёт на прилавки магазинов.

РОМАН АРБИТМАН

ИГРА НА ОДНОЙ СТРУНЕ



Алексей Соколов, Виталий Каплан. Струна: Роман. М.: Форум, 2006. — 416 с.

В серии «Другая сторона» московского издательства «Форум» вышел роман «Струна», жанр которого амальгама боевика, фэнтези и романа-предупреждения с политическим месседжем. Авторы с юношеским энтузиазмом первопроходцев в очередной раз ведут читателя по дороге в ад, вымощенной благими намерениями.

Как известно, помощь детям — дело святое. Даже суровое сердце московского градоначальника Лужкова дрогнуло, и он три с лишним года назад разрешил установить в самом центре российской столицы, на Болотной площади, жутковатое (во всех смыслах) творение Михаила Шемякина «Дети — жертвы пороков взрослых», где скульптурно невыразительные играющие детки словно бы сошли с фронтона какого-то провинциального Дворца пионеров, зато уж гротескные изваяния пороков (наркомания, невежество, лжеучение, садизм, равнодушие и т.п.) исполнены во всех неаппетитных подробностях, с большим, так сказать, знанием разоблачаемого предмета...

Да что там маэстро Шемякин! Сам великий гуру советской интеллигенции Остап Бендер, желая помочь старгородской контре побыстрее расстаться с нетрудовыми рублями и не чувствовать себя в опасности, вдохновенно врал о том, что средства пойдут страдающим малюткам. А если бы не врал? Если бы был не веселым жуликом, а серьезным фанатиком с большими организационными возможностями? Если бы тайный Союз Меча и Орала действительно существовал и его адепты обладали бы, среди прочего, фантастическими боевыми возможностями супервоина Нео из «Матрицы»? Несдобровать тогда всяческим наркоманам, невежам, лжеученым, садистам (и далее по списку). Ну а поскольку рубка леса в России обычно сопровож-

дается обильным разлетом щепок, то на орехи достанется всем, кто подвернется под горячую руку...

Один из первых рецензентов книги, увидел в романе явную полемику с творчеством известного писателя-педагога Владислава Крапивина, который нередко добивался симпатий подрастающего поколения довольно простым способом: сталкивал младших со старшими, не переставая подчеркивать явную моральную ущербность старших. Что ж, хотели того авторы или нет, элемент полемики с мэтром советского детлита здесь и впрямь присутствует. В «Струне» многие «крапивинские» ситуации доведены до логического предела: былые «всадники со станции Роса», выручавшие из беды пацана, превратились теперь в беспощадных карателей.

Главный герой романа, молодой учитель-математик окраинной столичной школы Константин Демидов, угодил под раздачу почти случайно: доведенный хулиганами до точки кипения, он дал оплеуху одному из наглецов. Поступок малоприятный, но в традициях советской педагогики (сам Антон Семенович Макаренко, как известно, начинал с рукоприкладства — методом убеждения он овладел чуть позже). Тем не менее Демидова взяли в оборот адепты тайного братства «Струна», скрытого под вывеской некоего Федерального фонда защиты прав несовершеннолетних: учитель был похищен, избит, приведен на суд и приговорен к расстрелу. В последнюю минуту нашему герою удалось бежать, и он предпочел бомжевать в заштатном Мухинске, взяв имя погибшего друга, — только бы не возвращаться обратно в столицу, где ему наверняка выпишут причитающиеся по приговору девять граммов. Однако и в Мухинске наш герой ввязался в схватку с маньяком-педофилом, бескорыстно спасая мальчика, и был замечен местным филиалом «Струны». Те отмыли бомжа Костю, выслушали придуманную легенду и предложили сотрудничать. Так бывший учитель становится функционером «Струны». Костя опасается разоблачения в любой момент, но куда деваться? Приходится работать. Тем более, что боевики-филантропы сражаются с настоящими, не придуманными негодяями, поэтому совесть нашего героя чиста. Ну почти. Шевелится в ней червячок сомнения...

Виталию Каплану, одному из соавторов, сорок лет. Как и герой романа, он по образованию учитель математики, работает в православном журнале «Фома». Алексей Соколов на пятнадцать лет младше и ведет раздел в том же самом журнале. «Струна», по мнению Каплана, это «сбывшаяся мечта о силе. Мечта тех, кто добр и слаб. Кто страдает от того, что не может помочь обиженным, не может спасти беззащитных. Особенно если обиженные и беззащитные — это дети. Любой совестливый человек знает, что «Чужих детей не бывает». Но что делать, когда надеяться не на кого?

Роман написан живо и увлекательно, этого не отнять, однако и недостатки книги хорошо заметны. Авторы старались связать к финалу концы с кон-

цами, но в сюжете романа так и осталось множество «темных мест», и финальная разгадка (о ней умолчим) превращает эти «темные места» в «черные дыры», куда проваливается немалая часть смысла. Авторы злоупотребляют порою сленгом, но куда больше раздражают высокопарности в речи персонажей (вроде: «Так вышло, что на твой душе скрестились взгляды, надежды и тревоги...» — и вычурно, и не совсем по-русски).

Впочем, главная беда романа в другом. Авторы со смаком описывают «акции» детозащитников (этому делу посвящено почти две трети романа) и в то же время крайне скупы в демонстрации отрицательной изнанки «Струны». В результате книга вольно или невольно превращается в прямолинейную иллюстрацию тезиса о «добре с кулаками». Или — если вспомнить известную миниатюру Жванецкого — об интеллигенте, который, въехав на рынок на танке, спросил сквозь прицел у зарвавшегося торговца: «Скоко-ско-ко?» И с радостью увидел испуганную рожу жлоба.

ІРИНА ВИРТОСУ

ПЕРЕВТІЛЕННЯ

Сарамаго Ж. Перебои в смерти: Роман/ Жозе Сарамаго; [пер. с порт. А. Богдановского]. — М.: Эксмо, 2006. — 256 с.

Чи був він твариною,
якщо музика так хвилювала його?
Франц Кафка, Перевтілення

Це не Кафка. Це Жозе Сарамаго з його дивним світом. Тут немає фантастики в звичному розумінні цього слова, тож любителі фей, чаклунів, володарів перстнів можуть шукати іншої поживи для читання. Тут — буденність із романтичною історією: є двоє, між якими спалахують почуття, є собака — мовчазний свідок їхньої приязні, є таксі, театр, віолончель, готель, пюпітр... А ще мільйон інших людей — вони живуть, працюють, сплачують у державну скарбницю податки. Ще є король, прем'єр-міністр, єпископ і королева на смертнім одрі. А в тієї державі, де є король, прем'єр-міністр, єпископ, королева на смертнім одрі й мільйон інших людей з тими двома закоханими, є сусіди, які зрідка заздрять їм, виступають проти них війною чи по-дружньому підписують різні угоди з королем, прем'єр-міністром, єпископом, королевою...

Ні, з королевою вже нічого не підписують.

На двохсот п'ятидесяти шести сторінках книжки португальця Жозе Сарамаго «Перебои в смерти» вражає кількість життєвих картинок, які близькі сучасній дійсності, — художник слова малює їх фарбами іронії, алегорії, гіпербол. Для політиків, журналістів, церковників, лікарів, представників ритуальних послуг і послуг страхування у нього є вдосталь сатири різних відтінків та гостроти, а церковну мораль з її віковічними цінностями він зображує, переважно глузуючи з неї.

Власне, глузування над релігією, зокрема, над католицькою церквою, у Сарамаго не випадкове. За такі його «погляди» він отримав Нобелівську премію у 1998 році — за скандальну книжку з промовистою назвою «Євангеліє від Ісуса». Однак, насміхаючись над «церковщиною», письменник не заперечує істинні цінності життя. Часом за іронією важко помітити сум Сарамаго за тим, як *справжнє* зміліло, «збуденнилося» через людську байдужість, корисливість, недалекоглядність, лінь.

У романі пан Жозе, маючи письменницьку силу, персоніфікує смерть. І смерть вчиться відчувати жаль і гнів, усміхатися й мріяти, чути музику і гавкіт собаки... Здавалося, в неї, яка споконвіків вкорочує життя довгою кістлявою косою, не може бути компромісів. Але чомусь вона бере більш як на півроку відпустку — і люди перестають помирати. Саме тому згадувана королева на смертнім одрі ніяк не віддавала Богу душу. Хоча, окрім відміни смерті, нічого не змінилося — люди старіли, хворіли, потрапляли в аварії, вживали наркотики. Хворі страждали, старі, які вже були напівмертві, благали кінця, зранені у катастрофі стікали кров'ю — і не вмирали.

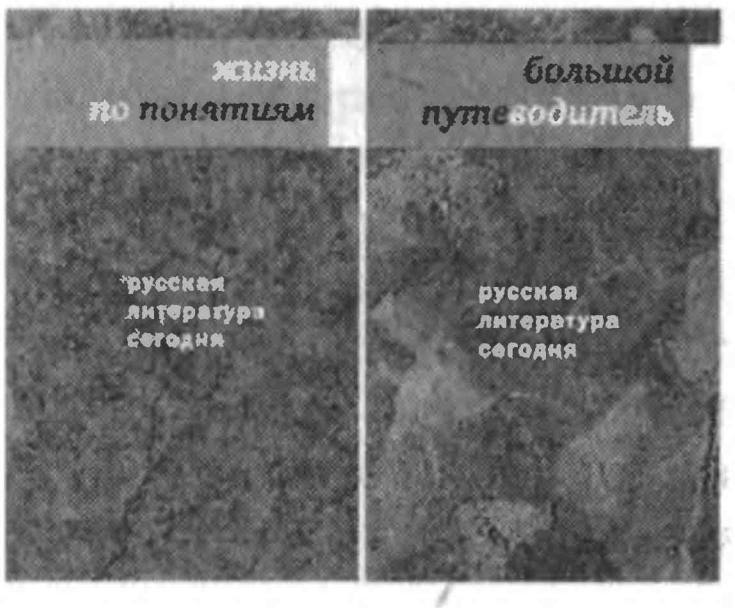
Заплющивши на мить очі, можна уявити себе над країною, в якій розгортаються ці незвичайні події -- видно розгублений натовп, його дику радість, яка з часом змінюється на паніку, зажерливих політиків, «спритних» на сенсації журналістів. А в тому безладі — талановитий музикант, який не просто чує, а мов бачить музику: прекрасну, зворушливу, часом недосяжну. Він із неабиякою наполегливістю відточує свою майстерність. Коли не брати до уваги керівника оркестру, то єдиним критиком віолончеліста є собака. І тут з'являється вона...

Мова романа насичена образами, вишукана, солодка, як виноград. Читачу спочатку доведеться звикати до великих абзаців, складних конструкцій з численними комами, крапками з комами, двокрапками, тире. Не знаю, який Сарамаго на португальській, однак російською він «звучить».

У романі перевтілення відбуваються із сарамагівськими персонажами — віолончелістом, смертю, косою й іншими. Здається, наче й сам письменник прагне змін, хай навіть йому вісімдесят із лишком.

МАРИЯ ГАЛИНА

НЕМНОГО О NON-FICTION



Сергей Чупринин. Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. — М.: Время, 2007. — 768 с.

Сергей Чупринин. Большой путеводитель. Русская литература сегодня. — М.: Время, 2007. — 576 с.

Несколько лет тому назад главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин подготовил и издал двухтомный энциклопедический словарь-справочник «Новая Россия. Мир литературы».

«Большой путеводитель» является переработанным вариантом этого справочника — где-то расширенным, где-то урезанным; хроника литературной жизни за последние 10 лет, перечисление «рейтинговых авторов», «литературные рекорды», список премий...

Можно, конечно, спорить, почему тот-то и тот-то удостоился упоминания в перечне, а такой-то — нет, почему нет таких-то и таких-то премий... Но дело это скучное, и неблагодарное; на все замечания вполне годится ответ: ну, так составьте свой справочник.

Гораздо более интересное и спорное начинание — «Жизнь по понятиям» — анализ основных литературных направлений, существующих на нынешний день, или, как сказано в аннотации, «путеводитель как по парадным залам, так и по чуланчикам нашей словесности». С ироническим подзаголовком — «все, что вам нужно знать, чтобы прослыть человеком, хорошо разбирающимся в современной литературе».

Не «хорошо разбираться», а «прослыть разбирающимся». Иными словами, как бы гламурный справочник для людей из светской тусовки. Как бы не всерьез. Это позволяет автору говоря о серьезных вещах, сохранять едва уловимый, иронический оттенок.

Вот, например, фрагмент из статьи «Амплуа литературное»:

«Уподобление писателя актеру, который неосознанно или сознательно играет ту или иную роль в общем спектакле (концерте) родной литературы, возникло еще в эпоху романтизма, предложившего своих кандидатов на амплуа пророка, трибуна, трагического героя, мудреца (резонера) и безмятежного созерцателя. С движением литературы сквозь XIX и XX столетия расписание ролей пополнили также жрец, оракул (медиум), шут (клоун, фигляр), поэт для поэтов. Непризнанный гений, отщепенец (изгой, «прок-

лятый» поэт), аристократ, провокатор, возмутитель спокойствия (скандалист), властитель дум (совесть нации, великий писатель земли русской), элитарный (высоколобый) писатель, и, наконец, профи (профессиональный литератор). Применительно к литературной критике правомерно говорить о таких устоявшихся амплуа, как лидер (идеолог) литературного направления, мыслитель (философ, публицист), художник (артист) или эксперт...

Причем в подавляющем большинстве случаев указания на то или иное писательское амплуа в классическую эпоху являлось результатом не столько самооценки художника, сколько его оценки другими художниками, критиками, властью, квалифицированным читательским меньшинством... в этом смысле следует рассмотреть такие аттестации, как «великий писатель земли русской» (Владимир Ленин о Льве Толстом), «трагический тенор эпохи» (Анна Ахматова об Александре Блоке), «полумонахиня-полублудница» (Андрей Жданов об Анне Ахматовой), «лучший, талантливейший поэт советской эпохи» (Иосиф Сталин о Владимире Маяковском).

Положение радикальным образом переменилось в эпоху постмодерна, когда... художественные тексты стали восприниматься не самоценно, но как производное той или иной авторской стратегии, как своего рода материализация того или иного амплуа. Например, амплуа «совести нации» (эту роль в глазах власти и средствах массовой информации в 1990-е годы играл Дмитрий Лихачев), или амплуа «сексуальной контрреволюционерки», которое закрепила за собой Вера Павлова, или амплуа «современного классика», в которое обдуманно вживается в последние годы Владимир Маканин. Теперь отрефлектированный выбор той или иной литературной роли оценивается как очевидный признак художественной вменяемости...

См: АВТОР, ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ, ИМИДЖ В ЛИТЕРАТУРЕ, ПОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ, ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ, СТРАТЕГИЯ АВТОРСКАЯ, ЭЛИТАРНЫЙ ПИСАТЕЛЬ».

Надеюсь, читатель этой статьи сумеет уловить иронию, скрытую в некоторых сопоставлениях; а также увидеть еле уловимый сдвиг, позволяющий говорить о том, о чем в «приличном литературном обществе» говорить не совсем принято.

Например, о «либеральном терроре в литературе»...

А уж статьи о «птичьем языке в литературе», «дилетантизме в литературе», «книггерах, рабах литературных», «клонах в литературе», «табу в литературе», и о «конфузном эффекте в литературе» не столько саркастичны, сколько весьма поучительны для любого, кто намерен не только «прослыть знатоком», но и как-то выжить в этой неверной области.

Впрочем, для аудитории «РФ», наверное, наиболее значимо то, что «Жизнь по понятиям» — едва ли не единственный справочник последнего времени, где фантастика оказывается включенной в единый литературный процесс наравне с другими направлениями и жанрами, а ключевые фигуры

современной фантастики — полноправные участники этого процесса. Можно сколь угодно спорить, правомочно ли помещать в словарь сомнительный термин «либерпанк», но замечательно уже само намерение рассказать экспертам (а на деле это, конечно же, книга для экспертов) о космической опере, киберпанке и либерпанке, о «криптоисторическом дискурсе в литературе», о «сиквеле», «турбореализме», «сказочной фантастике», и — на «Ф» — «фантазме в литературе», «фантастике», «фэнтези, фэнфике, фанлите», «фэнтези», «фентези славянском», «хорроре в литературе», «эскапизме в литературе».

К фантастке Чупринин подходит с той же мерой серьезности (и иронии) как и ко всему остальному. Вот, например, фрагмент из статьи, которая так и называется — «Фантастика»:

«... уж на что, казалось бы, фантастичны по своим сюжетам и смысловым допущениям "Альтист Данилов"Владимира Орлова, "Четвертый ледниковый период" Анатолия Курчаткина, "Кысь" Татьяны Толстой, "Жизнь насекомых" Виктора Пелевина... а молва, не колеблясь, числит их по ведомству качественной литературы, тогда как книги, в том числе и очень удачные, Кира Булычева, Олега Дивова, Александра Зорича, Михаила Успенского, иных фантастов со справкой неумолимо выталкиваются за черту мейнстрима, в область, которую эти же самые писатели обиженно называют "фантастическим гетто"

Тут тайна, далеко не во всем поддающаяся объяснению. Ибо можно, конечно, родовым признаком фантастики считать ее априорно досуговый, развлекательный характер... Но — согласимся — произведения Аркадия и Бориса Стругацких уж никак не хуже написаны и ничуть не менее сложны по своему внутреннему устройству или значительны по авторскому месседжу, чем произведения, предположим, Василия Аксенова или Юрия Арабова, а вот поди ж ты — пятьдесят лет интенсивной работы должно было пройти, прежде чем роман С. Витицкого "Бессильные мира сего" на равных попал в шорт-листы престижных общелитературных, а не узкокорпоративных премий.

И невольно возникает предположение, что центральная проблема здесь — в изначальном позиционировании. В том, что крусановский "Укус ангела" впервые появился на страницах журнала "Октябрь", а не журнала "Если", и что "Кысь" Татьяны Толстой не была интерпретирована как вполне ординарное (и по замыслу, и по уровню сюжетной изобретательности) явление фантастической прозы по той лишь причине, что за писательницей тянулся долгой шлейф восторга и трепетных ожиданий»....

Можно поспорить? Да, разумеется. Но для «Большой литературы», надо сказать, точка зрения весьма нехарактерная. А для фантастов вроде бы и очевидная, хотя, прямо скажем, лестная.

В самом конце книги — именной указатель. Кто в каких статьях был упомянут. Иными словами, кто сейчас важен для русской литературы.

Наугад: «Филдинг Хелен — импортозамещение в литературе». «Фурцев Всеволод — поколенческий расизм, шовинизм, радикализм, шок в литературе», «Носов Николай Николаевич — культовый писатель, сиквел, фанфик», «Буркин Юлий Сергеевич — кроссовер; приколы в литературе, универсализм творческий», «Брынцалов Владимир — ангажированность в литературе», «Семенова Мария Васильевна — автор фантомный, досуговая литература, импортозамещение в литературе, межавторская серия, православная светская литература, приквел, сиквел, сказочная фантастика, соавторство, фэнтези славянское».

И, наконец:

«Пушкин Александр Сергеевич — автор фантомный; альтернативно-биографическая литература, антиисламизм в литературе, аутизм и коммуникативность, вакуумная поэзия, властитель дум, богема литературная, войны литературные, жанры и субжанры, историческая литература, квалифицированное читательское меньшинство, конфузный эффект, космополитизм в литературе, криптоисторический дискурс, критика литературная, критика непрофессиональная, литература больших идей, литературный процесс, маска литературная, металитература, метапроза, мода литературная, монтаж литературный, название произведения, ненормативная лексика, никакой язык, пастиш, плагиат, позиционирование, позиция литературная, поколенческий расизм, шовинизм, порнография, приапея, сентиментальная литература, сиквел, табу в литературе, текст в тексте, триллер, универсализм творческий, хоррор, целевая читательская аудитория, шинельная ода, шок в литературе, эротическая литература, эстрадная поэзия...»

Наше все в полном смысле.

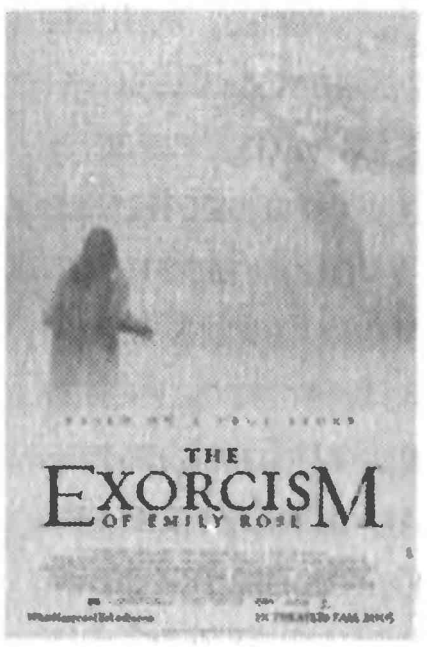
Я бы, впрочем, еще добавила «фанфик», «сказочную фантастику» и «славянскую фэнтези»...

ЛЕВ ГУРСКИЙ

МЕЧЕНОСЦЫ В ПОТЕМКАХ

Темные силы повсюду. Они нас злобно гнетут. А если даже и не очень злобно, без энтузиазма, то все равно радости мало. Встреча с непознанным, мистическим надолго портит настроение простым смертным. Сама мысль о том, что на свете есть нечто не подчиняющееся законам физики и Уголовному Кодексу, навевает отчаяние. Уговоры, наручники и бензопила бессильны. Что делать? Можно героически сгинуть. Можно расслабиться и попытаться получить удовольствие. Существует и Третий Путь, но он доступен не всем...

Демон, выйди вон!



Демоны неоднократно вселялись в людей, однако первый случай экзорцизма — то есть изгнания демонов — был зафиксирован художественным кинематографом только в 1973 году, в фильме Уильяма Фридкина. В финале той знаменитой ленты девочку, одержимую злыми силами, удавалось спасти — хотя и ценой жизни священника-экзорциста. Фильм *Скотта Дерриксона*, выпущенный на русском под названием **«Шесть демонов Эмили Роуз»** (The Exorcism Of Emily Rose, США, 119 минут, «DVD Сервис», 2006), начинается со смерти заглавной Эмили (Дженнифер Карпентер). Та была одержима шестью демонами и ужасно страдала. Экзорциста, приходского священника отца Мура (Том Уилкинсон — «Час Пик»), обвиняют в доведении до смерти. Архиепископ, пытаясь пригасить скандал, просит руководителя крупной юридической конторы Карла Гандерсона (Колм Фиори) назначить отцу Муру лучшего адвоката — такого мастера, который сумел бы сразиться с опытным прокурором Итаном Томасом (Кэмпбелл Скотт — «Испанский узник»). Адвокатом назначается Эрин Брюнер (Лора Линни, которая в «Первобытном страхе» играла роль обвинителя) — холодная рационалистка и атеистка, для которой выигрыш дела означает изменение ее статуса: она сможет стать равноправным партнером Гандерсона. Однако по ходу процесса и по мере общения с отцом Муром, героиня понимает, что одержимость демонами — не досужие выдумки, а ее подзащитный — вовсе не религиозный фанатик, которого надо «отмазать» от сурового приговора. Фильм основан на реальных событиях — не в том смысле, что реально доказано существование демонов; однако тридцать лет назад в Германии девушка Аннелиз Мишель пострадала именно так же, как и киношная Эмили. Картина небогата спецэффектами и в этом смысле даже уступает давней ленте Фридкина. Дьявол присутствует в фильме в виде черной тени, которая мелькает перед героиней, и по ходу процесса балуется тем, что будит адвокатессу ровно в три ночи — самое дьявольское время. В итоге в рационалистке пробуждается вера, и она решает впредь не заниматься своей адвокатской карьерой (!), а думать о высоком. Ну разве не фантастика?

Несколько хороших парней

Строго говоря, русскоязычная версия названия фильма *Ренни Харлина* **«Сделка с дьяволом»** (The Covenant, США, 95 минут, «Twister Digital Video», 2006) лукавит. Дьявол ни в оригинальном названии не упомянут («The Covenant» — это всего лишь «соглашение»), ни в самом фильме не действует. А речь в картине идет о потомках неких пяти семей из Ипсвича, которые владеют сверхъестественной силой. Четверо этих самых потомков, юноши разнообразного обличья (от интеллигентного до хулиганского), учатся в обыкновенной американской школе и ждут совершеннолетия — времени, когда заложенная в них Сила проявится в полную силу. Однако всемогущество не бывает тотальным, оно имеет и оборотную сторону. Тот, кто будет слишком часто использовать Силу в своей повседневной жизни, быстро станет развалиной. Картина начинается с того, что накануне своего восемнадцатилетия Кейв, один из четверки (приличный и положительный парень) встречает девушку своей мечты — блондинку Сару, смутно похожую на Ксюшу Собчак. Именно эту блондинку возьмет в заложницы негодяйский Чейз (новичок в той же школе, где учится четверка) и потребует от Кейва взамен отдать ему свою силу и погибнуть. А иначе, мол, и девушка умрет, и его друзья, и мама, и школу он обрушит, потому как очень силен (он, оказывается, тоже из ипсвичских потомков, только очень гадкий)... Режиссер Ренни Харлин всегда славился умением снимать добротные боевики — с четко очерченными злодеями и героями (достаточно вспомнить «Крепкий орешек-2», «Скалолаза» или «Долгий поцелуй на ночь»). В картине куда меньше никчемной и необязательной мистической шелухи, свойственной «потустороннему» жанру. Есть вполне очевидное противостояние двух школьников — положительного и подлого. В противоборстве этом дьявол не участвует: может, он бы и рад пособить Чейзу, но Князя Тьмы на разборку не пригласили...

Между Франко и Фавном

Хитрый *Гильермо дель Торо*, постановщик «Блейда-2» и «Хэллбоя», снял фестивальный фильм-фэнтези **«Лабиринт Фавна»** (El Laberinto del Fauno, Испания, 113 минут, «Ruscico», 2007), который посмотрели даже зрители, к жанровому кино равнодушные. Режиссер столкнул две одинаково вымышленные реальности: первая, впрочем, не очень ловко притворяется правдой, а вторая не скрывает своей сказочной, фэнтезийной подкладки. Итак, 1944 год. Испания. Где-то в горах и в лесах небольшой гарнизон, руководимый опереточным садистом капитаном Видалем (Серхи Лопес — «Гарри — друг, который желает вам добра»), ведет борьбу с такими же опереточными партизанами — причем, по ожесточенности главного антигероя кажется, будто Видаль и его команда хозяйничают не в своей родной стране, а где-то на оккупированной территории. (Напомним, что гражданская война в Испании к моменту начала действия фильма дель Торо давно закончилась, и никаких партизан-

инсургентов в тылу у Франко нет.) В гости к мужу приезжают его беременная жена Кармен (Ариадна Хиль) со своей дочкой от первого брака, десятилетней Офелией (Ивана Бакуэро). Чувствуя себя ненужной и потерянной (мать думает о своей беременности; кровожадный отчим охотится за партизанами и не обращает на девочку внимания), Офелия находит утешение в «параллельном» мире: здесь она — принцесса, здесь козлоногий Фавн дает ей таинственные задания и здесь, главное, она хоть кому-то нужна и интересна. Два мира практически не пересекаются. Фавн и компания полагают несуществующими и Видаля, и партизан (самое страшное тут — не пытки, а человекоядный монстр с гляделками, торчащими из ладоней). Видалю не дано увидеть ни Фавна, ни фей. Режиссер и художник фильма, выстроив масштабные декорации и не пожалев денег на спецэффекты (местами, кстати, весьма тошнотворные, болезненные, похожие на делириумный бред — привет от «Капричос» Гойи), играют в свои игры, то и дело загоняя героев картины в многочисленные ловушки. Едва ли не хуже всех приходится Офелии, застрявшей между двух миров. В знаменитом «Лабиринте» Джима Хенсона юная героиня ухитрялась и спасти малолетнего брата, и выйти из лабиринта. Гильермо Дель Торо ужесточает правила игры: его героине в финале придется выбрать один мир из двух, а значит, погибнуть для «параллельного». В какой же из двух сказок юная героиня предпочтет существовать? В той, где франкисты и инсургенты стреляют друг в друга в упор? Или в той, где даже Фавн вида ужасного способен на чувства добрые? Предугадать финал нетрудно. Зря, что ли, девочка носит имя Офелия?

Пароль «Саша-меч»

В свое время режиссер Сергей Эйзенштейн снял фильм про броненосец. Режиссер *Филипп Янковский* решил не отставать и снял фильм **«Меченосец»** (Россия, 110 минут, «Vox Video», 2006). Жил-был мальчик Саша. От обычных детей он отличался тем, что в минуты гнева у мальчика из руки выползал клинок и резал всех подряд. В детстве Саша убил не так уж много людей — своего отчима и случайного бомжа. А вот, когда подрос (во взрослом состоянии его играет Артем Ткаченко), то начал мочить людей направо-налево, включая родного отца (Алексей Жарков). Почему? Потому что люди злые и не понимают его тонкой и поэтичной натуры. Ну, а когда Саша встретит Катю (Чулпан Хаматова) и полюбит, то кровь польется рекой. Почему? Нипочему! Потому что слово «любовь» рифмуется со словом «кровь»... Филипп Олегович Янковский, разобравшись с XX веком в «Статском советнике», решил теперь снять фильм о современности — чтобы и с мистикой, и с мочиловкой, и с глубокой философией, и, главное, с душераздирающими страстями. За основу была

взята повесть пронзительного омского графомана Евгения Даниленко, совершенно неудобочитаемая. Из повести понять что-либо просто немыслимо. В фильме все же угадывается некоторый сюжет, хотя он пульсирует довольно слабо. За главным героем бегают милиция во главе с Рощиным (Леонид Громов) и мафия, предводительствуемая неким Климом (Алексей Горбунов). Ни тот, ни другой не представляют, насколько герой опасен, и тупо подставляют под клинок своих рядовых бойцов. «Да, красиво, да, спецэффекты, экшн-сцены, да, кадры, пролёты камерой, костюмы... — заметил один из критиков. Нет, чего-то цельного из этого всего не вышло. Так красота становится гламуром, а художественность кичем.: актёры не играют, а позируют, оператор не снимает, а конструирует...» И еще одна цитата — уже из другого рецензента: «Редкостно бездарные реплики, странно склеенные кадры, нелепая интерпретация традиции комиксов, ситуационная нелепица — в общем, полный фол, бесконечно усугубленный бессмысленностью и беспощадностью происходящего на экране». Жалко зрителя и Чулпан Хаматову: во время съемок последней сцены ей пришлось бегать по холодной земле босиком. Актриса чуть не простудилась, а все во имя чего? Во имя ни-че-го...

Беда от украинских вампиров

Мало кто знает, что среди эсэсовцев, воевавших на восточном фронте, были и шведы из скандинавской дивизии «Викинг». Зимой 1944 года несколько из них оказались на Украине, где их покусала местная вампирша — правда, не за то, что они агрессоры, а по причине своей вампирской природы. Этим эпизодом начинается фильм шведа *Андерса Банке* **«Тридцать дней до рассвета»** (Frostbiten, Швеция, 97 минут, «Синема-престиж», 2007). Один из укушенных, Герхард Брекет (в молодости его играет Пер Лефберг, в старости — Карл-Аке Эрикссон), выжил и не только стал матерым вампирищем, но и занялся генетикой, надеясь вывести расу вампиров. К сожалению, главная героиня, почтенный врач Анника (Петра Нильсен), прибывшая в полярный городок вместе с дочерью Сагой (Грета Хавнескольд), не подозревает, что видный генетик — отпетый кровосос... Режиссер Андерс Банке сам, похоже, не очень понимает, ЧТО именно снимает — то ли фильм ужасов, то ли молодежную комедию. Примерно к середине картины черная комедия берет верх: молодой Себастьян (Йонас Карлстром) зачем-то крадет у Брекета красненькие пилюльки, превращающие людей в вампиров, а одна из отвязанных подружек Себастьяна утаскивает, в свою очередь, эти пилюли на молодежную тусовку, вообразив, будто это — наркотики. Понятно, что веселенькая тусовка к концу фильма превращается в сборище юных кровососов. Что дальше с ними делать, режиссер не знает, и, призвав полицию, поспешно закругляет фильм на невнятной ноте. В чем же поучительный смысл этой ленты? В том, что юношам и девушкам надо думать, прежде чем пользоваться сомнительными пилюльками? В том, что

шведские вампиры — не хуже и не лучше американских и румынских? В том, что шведам нечего было делать в заснеженной Украине 1944-го? Нет ответа. Единственное новшество, которое Андерс Банке внес в мировую «вампириану»: кровососы, оказывается, понимают собачий язык, а собаки разговаривают с вампирами крайне мерзкими голосами. Почему так? А пес его знает!

Что сказал покойник

Призраки довольно часто передают важные сообщения живым, но далеко не всегда делают это своевременно и в легкой доступной форме. Из-за этого человек начинает сомневаться: правильно ли он понял? не ошиблось ли потустороннее существо? не хочет ли оно надуть живого? Главная героиня фильма *Вуди Аллена* **«Сенсация»** (Scoop, США — Великобритания, 97 минут, «CP Digital», 2006), американская студентка Сондра Пронски (Скарлетт Йоханссон), приезжает в Англию, чтобы стать журналисткой. Особых успехов она не достигает — пока не встречается с призраком журналиста Джо Стромбела (Йен Макшайн — «Агент Коди Бэнкс»). Журналюга по дороге на Тот Свет узнает имя печально известного серийного убийцы (того, кто оставляет на месте преступления карты Таро). Преступником оказывается красивый молодой аристократ Питер Лаймен (Хью Джекмен — «Люди Икс»). Поскольку Стромбел уже сам ничего написать не может (умер), а сенсацию упускать жалко, призраку приходится доверить свое открытие Сондре. Первая встреча с духом Джо происходит в декорациях лондонского фокусника Чудини, он же Сид Вотерман (сам Вуди Аллен). Предприимчивая Сондра уговаривает Вотермана стать ее союзником в деле расследования... Короче говоря, если не брать в расчет мистику, то становится очевидно: Вуди Аллен снял еще одну вариацию на тему своего «Загадочного убийства в Манхэттене». Партнерша Вуди энергична и деятельна (Скарлетт Йоханссон понравилось работать с Алленом еще в «Матч-пойнте»), сам мэтр суетлив, нервен и рефлексирует почем зря (хотя в нужный момент напряжет все силы), а предполагаемый убийца совсем не похож на убийцу. Так что расследование идет туго. «Я не Джеймс Бонд, я всего лишь студентка колледжа», — оправдывается Сондра. Зритель, конечно же, намного проницательнее героев картины. Зритель хорошо помнит, что «Гамлет» тоже начинался с откровения призрака, и слова его оказывались истиной. По сравнению с лучшими картинами Вуди Аллена («Любовь и смерть», «Зелиг», «Манхэттен») картина выглядит пустячком, даже не очень смешным. Однако на фоне мрачных параноидальных страшилок японского образца «Сенсация» смотрится довольно мило. Во всяком случае, сам призрак не пытается никого отправить на тот свет. Да и «Танец маленьких лебедей», ставший в «Сенсации» музыкальной темой картины, приятно радует: что-то слышится родное...

OPUS MIXTUM

11 января, не дожив всего несколько дней до 75 лет, скончался американский писатель, философ, гуру и провокатор **Роберт Антон Уилсон**. На русском языке издавались его книги «Квантовая психология», «Психология эволюции» и невероятная трилогия «Илюминатус!» (в жанре «сказка для параноиков»), написанная в соавторстве с Робертом Шеем. Целью своих книг он считал заставить читателя посмотреть на мир по-новому, засомневаться во всем, что твердо известно.

«Я не могу принимать смерть всерьез. Это какой-то абсурд», — написал Уилсон незадолго до ухода.

\# \# \#

Поток наград

Стали известны имена **победителей конкурса короткого фантастического рассказа SFFWorld 2006**. Помимо титула, победитель стал обладателем комикса по сюжету «Миссии “Серенити”» с автографом создателя сериалов «Firefly» и «Баффи» Джосса Уидона. Счастливчиком стала Белинда Келли с рассказом «Торгейн из Изенгарта». На втором месте Стив Джонс с рассказом «Полет по следу». На третьем — Марк Ворли с рассказом «Оби Нванкво встречает Темного Духа».

Объявлены номинанты престижной фантастической премии имени Филипа Дика. Определение победителя и вручение награды произойдет 6 апреля этого года на конвенте «Norwescon 30». Пока предугадать, для кого апрельская пятница будет удачной, сложно. Среди кандидатов на премию много интересных работ: Элизабет Бэр (роман «Карнавал»), Нина Кирики Хоффман («Катализатор»), Марк Будз («Идолон»), Джастина Робсон («Жизнь по соседству с Богом Любви»), Андреа Хейрстон («Ландшафт мозга»), Тони Баллантайн («Рекурсия»), Крис Мориарти («Контроль вращения»).

Выдвинуты также претенденты на **Британскую премию НФ** в номинациях «Роман», «Малая форма» и «Живописное произведение». Перечислим только романы: «Темная земля» Лиз Уильямс, «Конец мирового блюза» Джона Кортни Гримвуда», «Икар» Роджера Леви, «Последний ведьмознатец» Джеймса Морроу и «Нова-свинг» М. Джона Харрисона. За исключением Морроу, имена для наших читателей, увы, практически незнакомые.

\# \# \#

Фантастическому конвенту — 70 лет.

Конечно, в историческом масштабе 70 лет не срок. Но для фантастики 70 лет — это больше, чем жизнь, это годы, стили, направления и восхититель-

ные идеи, воплощённые в гениальные книги. В 30-х годах прошлого века фантастика уже была популярным литературным направлением с огромной армией поклонников. Вполне естественно, что рано или поздно почитатели фантастики и ее творцы должны были собраться вместе, чтобы посмотреть друг на друга, обменятся идеями и мнениями, выпить пива за непринужденной беседой. И вот 3 января 1937 года состоялось первое специально организованное мероприятие, посвящённое фантастике, в Leeds Temperance Hall в Нью-Йорке. То, что нынешние поколения фэнов и писателей называют конвентом. В 1937 году, потусоваться собрались два десятка писателей и любителей фантастики. Среди них были начинающие авторы Артур Кларк, Эрик Фрэнк Рассел и другие. Очень хотел приехать Герберт Уэллс, но не смог. В 21-м веке на конвенты приезжают сотни и тысячи состоявшихся авторов, будущих классиков и просто читателей. Несмотря на свои 70 лет, конвент полон сил и с энтузиазмом смотрит в будущее. И многие люди в разных уголках мира с нетерпением смотрят на календарь, в ожидании следующего конвента.

###

Новости любимых писателей

Киевские фантасты Марина и Сергей Дяченко передали в издательство «Эксмо» новый роман «Vita nostra». Книга должна выйти в серии «Миры М. и С. Дяченко» в первом полугодии этого года. А харьковские писатели Олег Ладыженский и Дмитрий Громов, пишущие под псевдонимом Генри Лайон Олди, закончили вторую книгу космической симфонии «Ойкумена». Роман «Куколка» выйдет, скорее всего, в первом полугодии 2007-го, в том же «Эксмо». Всего в «Ойкумене», по словам авторов, будет три романа.

###

Новости издательств

Издательство «ЭКСМО» продолжает путешествие Ричарда Длинные Руки по длинному списку титулов. Новый роман Гая Юлия Орловского называется «Ричард Длинные Руки — пфальцграф». Интересно, когда с европейскими титулами будет покончено, отправиться ли неутомимый Ричард искать счастья на Востоке, в странах визирей и падишахов?

В серии «Русский фантастический боевик» вышел новый роман Игоря Поля «Несущий свободу», две книги Алекса Орлова «Возвращение не предусмотрено» и «Особый курьер», романы Михаила Кликина «Идеальный враг» и Евгения Гуляковского «Огонь Прометея». В серии «Абсолютное оружие» ожидается книга того же Евгения Гуляковского «Повелительница снов», Андрея Ливадного «Багровые небеса», Дмитрия Силлова «Злой город». Вадим Панов выпустит ещё один роман из сериала «Тайный Город» — «День дракона».

В «Крылове» вышли в свет книги Сергея Панарина «...И паровоз навстречу!», Ольги Григорьевой «Тень волка» и Владимира Лещенко «Идущие сквозь миры».

Санкт-петербургская «Азбука» выпустила в свет следующие книги: Юрий Бурносов «Чудовищ нет», Дмитрий Скирюк «Блюз черной собаки», Дмитрий Браславский «Ворон» и «Игры чародея, или Жезл Ниерати». А в «Лениздате» в серии «Боевая фантастика» появились книги Эльберда Гаглоева «По слову Блистательного Дома», Андрея Мартьянова «Бич Божий», Игоря Пронина «Звёздные викинги».

Московское издательство «АСТ» решило огорошить читателей переводной фантастикой, выпустив сборник «Витпанк» и первые два романа легендарной панк-тетралогии Рюди Рюкера — «Софт» и «Тело» — под одной обложкой. Обе книги вышли в серии «Альтернатива». А в серии «Звёздный лабиринт» вышел роман Владимира Свержина «Железный Сокол Гардарики».

«Альфа-Книга» привычно радует читателя большим выбором, в том числе романами Майи Зинченко «Седьмое чувство», Надежды Первухиной «Иероглиф «Измена» и «Попробуй её сжечь!», Валентина Леженды «Не убоюсь я зверя», Василия Рыжикова «Маскарад», Сергея Мусанифа «Имперские танцы», Николая Степанова «Тень власти», Антона Мякшина «Долой, во тьму», Виталия Бодрова «Кровь Титанов. Неизведанные пути», Светланы Багдериной «Иван-царевич и С. Волк. Жар-птица», Олега Шелонина и Виктора Баженова «Академия Колдовства», Анны Клименко «На краю времени, на пороге мира» и Ирины Сербжинской «Вечный Странник». Там же выйдут «Врата Порядка» Дмитрия Казакова, «Пособие для начинающей ведьмы» Елизаветы Шумской, «Боевые роботы Пустоши» Сергея Зайцева и «Отражения» Вероники Ивановой.

Приобрести «РФ» в Москве можно в «Книжной лавке Джориана» по адресу: Дмитровское шоссе, владение 1, торговые ряды «У турникета» ж/д платформы «Дмитровская» (от Москвы), павильон 77.
Проезд - станция метро «Дмитровская». Также можно добираться автобусами №№ 87, 206, 727, троллейбусами №№ 3, 29, 47, 56, 78, трамваем № 27 до одноименной остановки.
Режим работы – в будни с 10-00 до 22-00, по субботам с 9-00 до 21-00.
Информация об изменениях режима работы лавки оперативно размещается на сайте лавки: **http://jorian.teamslc.net**
Возможна подписка с получением журнала на месте (без предоплаты).
Хорошим покупателям - хорошие скидки!

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:
Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Вашингтон, США)
Анатас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Продюсер проекта: Дмитрий Можаев

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

При оформлении обложки использованы работы Ларисы Скишляк:
Страница 1: «Черепаха», ларец, глина
Страница 2: «Улитка», шкатулка, глина
Страница 3: Свистульки и нэцке, глина
Страница 4: «Потир», кубок для причастного вина, глина, позолота

Журнал «Реальность фантастики»
№02 (42), февраль 2007.
Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.
Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта»: 08219
Учредители: Михаил Литвинюк
http://www.rf.com.ua, e-mail: info@rf.com.ua
Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.
Перепечатка материалов
только с разрешения редакции.
© «Реальность фантастики», 2006.
Издатель: ООО «ИД "Мой Компьютер"»
Киев, ул. Качалова, 6
Директор: Михаил Литвинюк
Главный редактор издательства:
Татьяна Кохановская
Редакция: Киев, ул. Качалова, 6
тел. (044) 455-3575
Для писем: 03126, Киев-126, а/я 19,

Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк
Редактор отдела новостей: Сергей Митяев
Редактор отдела рукописей:
Наталья Градовая
Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко, 2003, J.K.®Design Studio, http://www.jk.ua.
Художественный редактор:
Федор Сергеев
Рисунки: Елена Маслова
Корректор: Елена Харитоненко
Верстка: Дмитрий Василенко
Маркетинг: Надежда Николаева,
Роман Бураковский
Сбыт: Елена Семенова
Техническая поддержка: ISP «IT-Park»,
http://it.park.ua
Печать: ТОВ «Прес Корпорейшн Лімітед»
21034, м. Вінниця, вул. Чехова, 12а,
тел. (0432) 63-07-97,
зак. №72401

Лариса Скишляк
Свистульки и нэцке. Глина

Лариса Скишляк
Потир (кубок для причастного вина). Глина, позолота

реальность фантастики
литературный журнал

Подписной индекс **08219**